Герои Великой Отечественной

Фронтовые мемуары Победителей

КАЗАК НА САМОХОДКЕ

Александр Дронов
Валерий Дронов

«ЗАЖИВО НЕ СГОРЕЛИ»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор этой книги – один из тех трех процентов фронтовиков, кто, приняв боевое крещение летом 1941 года, дожил до Победы. Прорывался из «котлов», защищал Лужский рубеж и Дорогу Жизни, участвовал в кровавых штурмах Синявинских высот (где от всей его батареи осталось только пять бойцов), с боями прошел от Тамани до Праги. Воевал и в саперах, и в пехоте, и наводчиком в артиллерии, и командиром самоходки Су-76 в единственной на всю Красную Армию казачьей пластунской дивизии.

«Да, были у наших самоходок слабые стороны. Это не такое мощное, как хотелось бы, противопульное бронирование, пожароопасность бензинового двигателя и открытая боевая рубка. Она не защищала от стрелкового огня сверху, от закидывания гранат. Всё это приходилось учитывать в бою. Из-за брезентовой крыши словохоты присваивали нашим Су-76 грубоватые прозвища: “голозадый Фердинанд” или “сучка”. Хотя с другой стороны, та же открытая рубка была удобна в работе, снимала проблему загазованности боевого отделения при стрельбе, можно было легко покинуть подбитую установку. Поэтому многие самоходчики были влюблены в СУ-76, мы её ласково называли “сухариком”».

Эта книга – настоящая «окопная правда» фронтовика, имевшего всего три шанса из ста остаться в живых, но выигравшего в «русскую рулетку» у смерти, израненного в боях, но не сгоревшего заживо.

- Александр Дронов, Валерий Дронов
  - ○
  - ○
  - ○ Вступление
  - ○ Часть I. Лужский рубеж
    - ■ К фронту
    - ■ Письмо брата
    - ■ Сила слова и слабость духа
    - ■ Крещение
    - ■ Атака врукопашную
    - ■ Наука отступать
    - ■ Штыком в зализны очи
    - ■ Каждый к своим
    - ■ Рабочие войны
    - ■ Дороги жизни, дороги смерти
    - ■ Лечит ли время?

        - Как я стал «богом войны»
        - До тебя мне дойти нелегко
        - Фронтовая карьера
        - Война как работа
        - От батареи остались только пять бойцов
        - Он один вернулся из боя
    - Часть II. Битва за Тамань
        - Четыре смерти под Новороссийском
        - Рвем «голубую линию»
        - Гуманизм или месть?
        - Думы о доме
        - Авось да небось в бою
        - Заживо не сгорели
        - Доживи – до Победы
        - Умение побеждать
        - Командирская подготовка
        - Может, и выживу
        - Фронтовое счастье
        - Дорого, слишком дорого досталась Победа
        - Жжет нас совесть и память, у кого она есть (послесловие сына)
    - Об авторах
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4

Александр Дронов, Валерий Дронов Казак на самоходке. «Заживо не сгорели»

© Дронов В.А., 2015
© ООО «Издательство «Яуза», 2015
© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

В 1979 году мой отец, Дронов Александр Тихонович, понял, что жить осталось совсем недолго. Он решил сохранить память о фронтовых годах.

Своим детям Владимиру, Вере, Валерию он оставил по десятку обыкновенных школьных тетрадей, исписанных на каждой строчке мелким каллиграфическим почерком.

Это были записки о войне.

В.А. Дронов

Вступление

Первый год войны оставил в моей памяти самые глубокие следы, самые тугие узелки, на сердце – самые чувствительные рубцы. Почему так? Да потому, что у меня, как и у каждого, произошла величайшая ломка всей жизни, именно эти годы, как бритва на оселке, испытывали каждого человека. Многие ветераны войны, когда заведешь с ними разговор о «самом, самом», чаще всего обращаются к первому периоду войны, к 1941–1942 годам.

Тяжелейшие испытания выдержали не все, многие свихнулись, иные даже переметнулись к противнику. Все это происходило на моих глазах, не оставляя безучастным, так или иначе формировало солдата, сказывалось в поступках, в боевых делах. Одно было неизменным – убеждение в непобедимости народа, вера в правоту дела. Сразу решил, что мое место в строю, надо воевать, а не рассуждать, у войны свои мерки, было не время для самооценки, а пора самовыражения.

Не хочу скрывать свою надежду на то, что кто-то из вас, молодых, пройдет, на худой конец, мысленно пролетит по тернистым дорогам войны, по тем местам, где в перекрестке панорамы орудий врага билась наша жизнь, наша молодость, поклонится праху героев, их мужеству и отваге.

Часть I. Лужский рубеж

Нас все меньше и меньше,
мы уходим далече.
Это мы погасили Бухенвальдские печи…

К фронту

590-й отдельный строительный батальон инженерных войск 22 июня 1941 года занимался сооружением военного объекта вдали от кровавых событий. Мы находились среди лесов и озер севера Вологодской области. Услышав о войне, я был охвачен странным чувством давно ожидаемой, но неожиданно нагрянувшей беды, и раньше был уверен в том, что Германия на нас нападет, к этому вела агрессивная, грабительская политика Гитлера.

Однако наши руководители, которым по долгу службы сия истина должна быть ясной, говорили, что если будет нападение, то не скоро. Помню, как однажды командир роты набросился на группу красноармейцев за «разговорчики» о неминуемой войне с Германией. В газетах мая – июня 1941 года громили тех, кто сомневался в нерушимости пакта о ненападении. В народе росло чувство опасности войны не сегодня, так завтра, а среди командиров царила беспечность. Все были буквально в плену слухов о скорой войне, но нас убеждали не верить, не поддаваться провокациям.

Удивительная тогда складывалась ситуация. Маршал А.И. Еременко высказывался в своей книге: «Я понял, что начавшаяся война будет для нас неимоверно тяжелой, особенно в начальный период. Действительно, ведь если и мне, в то время генерал-лейтенанту, командарму, почти ничего не было известно о приближении войны, то какой внезапной она должна была показаться для солдат, для младшего и среднего комсостава, для всего советского народа». Вот так мы встречали войну.

Плыли баржами и пароходами по Онеге, Свири, Ладоге, ехали в поездах, но больше пешком в походных колоннах. Многокилометровый марш к фронту по проселочным дорогам, лесам, болотам для меня, и не только для меня, был тяжким физическим испытанием. Нужно много сотен верст, ежедневно по 25–30 километров, прошагать с полной выкладкой. Закалки не было, перед войной в село пришли машины. Я был зоотехником совхоза, а специалисты по фермам ездили на автомобилях да на жеребцах, теперь шагаем на своих двоих.

Сперва думали не иначе как: «Вот мы ему дадим по мусалам! Чтобы неповадно было свое свиное рыло совать в наш советский огород». Были твердо уверены, что своей земли не уступим никому ни единого вершка, воевать будем на чужой территории. Сами-то, боже мой! «Годные необученные», пушек, пулеметов в глаза не видели, не говоря о танках, автоматическом оружии. На

вооружении винтовка-трехлинейка, гранаты, бутылки с горючей жидкостью, бессменный «шлеп-шлеп по боку» противогаз. И при том были убеждены в победе, верили, что будет, как в пословице: «В Россию – с клинком, из России – пинком».

Переходы изнурительны, дороги разбиты, запружены войсками, движущимися на запад, встречным потоком беженцев с запада на восток. Сотни машин вязли в грязи, тонули в ухабах, выбоинах, в воронках от бомб. Над этим скопищем носились вражеские бомбардировщики, истребители. Крестоносные стервятники несли смерть и муку. Им, господствовавшим в небе, мы не могли противопоставить какую-либо силу. Тихоходных тупорылых И-16, И-153 немецкие Ме-109 сбивали легко. А уж наши бомбардировщики СБ и ДБ-3, те были и вовсе легкой добычей. Гансы так обнаглели, что, бывало, увяжутся за какой-либо приглянувшейся им целью – колонной машин, стадом коров, группой доярок, вьются, куражатся, бьют, строчат из пулеметов до тех пор, пока не кончатся горючее и боеприпасы. Нечем было их отогнать!

Находясь далеко от фронта, мы шагали по войне. Пепелища сожженных бомбами построек, кровь, трупы наших людей, стоны, слезы – это надламывало слабых, вносило растерянность, порождало трусов и паникеров. Их в нашей роте было предостаточно, до сих пор помню осунувшиеся лица, бегающий взор, выражение страха и неуверенности. Находились такие, которым было не только безразлично, но в свинцовом взгляде поблескивали искорки удовлетворения происходящей трагедией, даже радость возмездия.

Эти глаза помнятся до сих пор, заячья душа, затаившая вражду, жаждала отмщения фашистским оружием, окажись по ту сторону фронта, преобразятся в волка. Виделось, чувствовалось, но пока было недоказуемо.

Идем, идем, нас торопят, в последнее время пришлось шагать только ночью, при свете дня слишком одолевали самолеты. Летали так низко, что вот-вот отклонятся в сторону от дороги, не успев поднять крыло, врежутся в зеленую стену придорожного леса. Нет, не падают, строчат да строчат, бомбят да бомбят.

Какими глупенькими были в начале войны! Ганс поливает свинцом с высоты дерева, мы, как страусы, схоронив голову, лежим, не обороняемся. Более того, запрещалось стрелять из винтовок, отвечать огнем нельзя – демаскируешься. Но это тысячи пуль, явная смерть стервятнику. Не догадывались, что при столь низком полете самолет легко поражался даже из винтовки, что в последующие годы было проверено опытом боевых действий. Ох уж этот 41-й, ох и мы в 41-м! Горе, да и только.

Письмо брата

Привал. Красноармеец Иван Сидоркин телепа-телепа в делах военных, но честности отменной, появился в роте с пачкой писем от родных и знакомых, ребята взяли его в круг.

– Рахимгулов, – письмо от черноглазой, пляши!

– Осадчий, письмо от жены, пляши!

Издалека увидел в его руках письмо со знакомым с детства почерком, округлыми, твердой рукой написанными крупными буквами, сразу не сообразил, от кого, лишь почувствовал что-то нашенское, родное. Да это от Ефима!

– Дронов, пляши.

Что поделаешь, сигали, выкаблучивались, лишь потом, когда стали приходить такие письма, получив которые не возрадуешься, этот ритуал сам собой отпал.

У меня в руках дорогая весточка от брата Ефима Тихоновича, пишет из Ленинграда, где находился с экскурсией группы учителей Ростовской области. В то время он работал директором Белокалитвенской средней школы, что на Северском Донце. Ефим не чета мне и хуторским ребятам, способнейший человек, башковитый, среди всех Дроновых лопатинских отличался особым складом ума, добропорядочностью и серьезностью. Даром что воспитывался с нами на одной печке, в старом дроновском доме она умещала всех шестерых ребят, да еще и девчонка какая-нибудь затешется среди нас – двоюродные сестры Татьяна, Ольга.

Е. Дронов, не в пример другим, не мыслил себя вне школы, вне учебы, в числе немногих из нашего района окончил заочно Таганрогский педагогический техникум, затем Ставропольский пединститут. Братушка пишет на фронт, а я еще до войны не добрался, иду, иду. После коротких, но теплых родственных приветствий перешел к тому, чем жил, восхищался Ленинградом и ленинградцами первого дня войны, писал о стремлении как можно скорее попасть в действующую армию, сразиться с обнаглевшим врагом, проучить и изгнать.

«*Ленинградцы,* – писал он, – *осаждают комиссариаты города с просьбой направить на фронт. Пробился в РВК и я с заявлением о зачислении в команду добровольцев, не приняли, посоветовали подать рапорт в свой военкомат*».

От меня, младшего брата, требовал:

«*Будь смелым в бою, переноси невзгоды и неурядицы. Береги себя, не лезь на рожон там, где не надо, но еще больше береги честь*

семьи, Родины. Русский народ всегда отличался преданностью стране. Киевский князь Святослав (X век) призывал своих воинов: "Или жить победителями, или умереть со славой". Не ищи спасения в плену, немецкое иго хуже смерти. Ты, наверное, помнишь Капитона Еремина из Средней Лопатины, он в Первую Германскую был в плену, часто рассказывал станичникам про плен у немцев. Говорил: "Немец – хуже турок. Турок зол, но имеет душу. Немец и зол, и без души, для него русский пленный не человек, а животное, они и содержали, и кормили, и заставляли работать пленных, как скотину"».

В конце Ефим сделал экскурс в историю борьбы славян с немецкими захватчиками:

«Ты знай, что русский всегда побеждал немца, и теперь побьем. Войну против русского народа, против славян вообще немцы ведут не только эти пять дней, а тысячу лет. Начали свои кровавые походы еще в VII веке, при Карле Великом, затем возобновляли их несчетное количество раз. Все последующие 400 лет они рвали кусок за куском земли славян. Помнишь битву Александра Невского в 1242 году на Чудском озере, затем в 1410 году – под Грюнвальдом. Колотили их, сволочей, и в 1558, и в 1759 годах.

Да как лупили, что в Берлин заходили! Фридрих II на горьком опыте учил преемников не враждовать с русскими. Знаменитый Бисмарк помнил это, а Вильгельм II забыл уроки и вновь в 1914 году двинул войска. Чем закончилось, ты знаешь, громили немцев и сыны Дона, я слышал многие рассказы казаков-фронтовиков, как они гонялись на лихих дончаках за немцами-псами. Об этом рассказывали дядя Лев Константинович и дядя Иван Константинович. Немец сеет ветер – пожнет бурю. Крепко обнимаю тебя, мой родной братик. Желаю всего тебе всего самого доброго и, прежде всего, жизни и чести».

Е. Дронов

Читал письмо и думал: «Братушка мой родной, чувствую, чем озабочен, ты не уверен во мне, более того, боишься, стараешься внушить чувство ответственности, собственного достоинства, бесстрашия в бою, веру в победу. Выстою ли я? Этого сам не знаю, хочу справиться, но моего желания, чувствую, недостаточно. Страшна ли смерть? Не боюсь. Страшен ли немец? Нет, сдюжим. Страшен мне мой страх! Не мною выдуман, не впервой вступаю с ним в единоборство, еще древние полагали, что сатане дает жизнь страх».

Письмо часто читал и перечитывал, дружки-товарищи начали

надоедать с просьбами и им дать. Долго отнекивался, потом доверил близкому другу Петру Осадчему, через некоторое время ко мне пристал да пристал Алексей Дурасов. И пошло-поехало, многие читали с интересом, другие с ухмылкой: «Подумаешь, умереть за социалистическое отечество».

Дошло до комиссара Нагимулина, однажды подходит ко мне, спрашивает, может ли он ознакомиться с письмом. Вот те на! Усмотрит какую-нибудь контру о казаках. Отнекивался, дескать, брат думает, что воюю с шашкой наголо, с пулеметом на тачанке, а я, как видите, с лопатой, винтовка, и та лишь спину трет.

– Вот ты о чем, – с новым, серьезным выражением в лице, сказал он, – будь уверен, обещаю, найдешь возможность повоевать, показать себя. Смущает, что в строительном полку? Напрасно, в этой войне инженерные войска – сила, без них ни туда ни сюда. При наступлении мы впереди, кто мины снимет, кто заграждения ликвидирует, кто дорогу проложит, кто укрепит нашу оборону? То-то. При отступлении кто заминирует дороги врагу, кто мост взорвет? А ты…

Почему-то надолго запомнился его проницательный, прощупывающий взгляд. Письмо брата так-таки у меня взял, зачитал красноармейцам во время очередного привала. Использовал его мастерски, многое добавил, кое-что оттенил, хорошая беседа получилась. Я, конечно, ходил козырем, гордился братом и… собой.

Сила слова и слабость духа

Очередной отдых. Перед строем батальона зачитано выступление И.В. Сталина по радио от 3 июля 1941 года. Яркий образец, как человек может не только подчинить, но и направить других туда, куда считает нужным. Свое выступление начал непривычно:

– Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!

Ясно, четко изложено все, как есть, рассказано, что требуется от каждого гражданина страны.

– Все силы на разгром врага! Вперед, за нашу победу!

Стояли в строю, слушали, боясь пропустить хотя бы одно слово. Я уже был готов идти, куда он звал – в бой, с удовлетворением думал:

– С таким вождем мы не можем не победить.

Запомнилось тогдашнее состояние, весь напрягся, тянусь вверх, казалось, поднимусь над землей. В глотке сухо, спазмы, правая рука сжимает винтовку, пальцы впились в надствольную рамку, под ногтями образовались красные прожилки, полусогнутые пальцы левой руки впились в ладонь, шея напряжена, какие-то тиски сжимают грудь. Вот такая сила была в словах И.В. Сталина.

Как только улеглось первое впечатление от речи, задумался, почему он именно так начал. Речь казалась притертой, заискивающей, не сталинской. Он в последние годы вовсе не разговаривал с народом, тут на тебе, вождь и такая нежность, и обращение по церковному канону: «Братья и сестры… друзья мои». Не мог разобраться, одно знал, раз уж Сталин так заговорил, значит, обстановка не из легких, дело требует такого обращения, надо народ подымать. Главное – после выступления все стало на место. Не было болтовни о преднамеренном отступлении Красной Армии, разглагольствования о желании заманить врага в глубь территории, что вроде повторяется 1812 год. Прекратились пересуды, руководство потребовало бороться с врагом на тех рубежах, защиту которых доверила страна.

Многие дни и ночи, десятки километров пути к фронту я был свидетелем солдатских разговоров о выступлении И.В. Сталина. Однажды услышал:

– Кто бы мог подумать, что с Красной Армией случится такое. Глянь, сколько отдали немцу, – с недоумением и кручиной говорил, как бы сам с собой, Осадчий.

– Иначе и быть не могло, – резко, со злобой, встрял в

разговор красноармеец Голован, – лучших людей сослали в Сибирь, в лагеря, в тюрьмы. Армия обезглавлена. К войне не подготовились, играли в бумажки, пакты да договоры.

– Ты что мелешь, – возмутился Осадчий, – что, не доверяешь товарищу Сталину?

Тот дальше льет кошкины слезы:

– Немцы мелют. Рушат в муку нас и страну.

Почувствовав, что его слушают красноармейцы, что вблизи нет никого из командования, разыгрывая из себя народолюбца, продолжил, будто бы с горечью и страданием:

– Такой народ! Такая преданность социализму… а так с ними обращаются. До чего довели! Воевать нечем, что воевать – жрать нечего. Чем себя сегодня кормили?

– С тобой навоюешь, – выругавшись, махнул рукой Осадчий, продолжая кантовать комель к мосту.

– Много не протянем, – пробурчал Голован, поднимая свой конец лесины.

Зыркнул по сторонам, добавил:

– Э-эх, дубинушка, – и замолчал.

Высказанные мысли явно отдавали контрой, ненавистью к правительству. Но как убедиться, что Голован враг, долго ли оклеветать человека? Кто он, правдолюбец, борец за истину или перерожденец, что это – предательское кредо или крик души? Передо мной встали вопросы, трудно было допустить, что враг может так открыто заявлять о себе. Обсуждали разговор с Осадчим, ни к чему не пришли. Не пойдешь же с доносом, мало ли что болтают, но к Головану зародилась антипатия, необъяснимая подозрительность.

Один из этапов был особенно трудным. Весь день моросил дождь, дорогу развезло, шлепаем по грязи, по лужам, под ногами скользко, одежда промокла. Изнемогли, вчера шагали ночью, сегодня весь день, марш регламентировался нелетной погодой, спешили, приказ есть приказ. Никак не одолеем последние шесть-семь километров до ночного привала.

Во время движения в походной колонне я заснул на ходу, в строю спал, но двигался. Сколько кемарил, сколько брел, не помню. Лишь когда идущий рядом красноармеец огрел по кабаржине, промеж лопаток, схватил за шиворот и тряхнул, я проснулся, как ни в чем не бывало, продолжал двигаться. Потом он рассказывал: пошел-пошел, как полоумный или полуслепой, от строя влево, нетвердо ступая в кювет, вот-вот споткнется и упадет. Нет, топает и топает. После удара проснулся, встряхнувшись, отрезвел от сна, и хорошо выспался, на какой-то период усталость сняло.

Бойцы 9-й Кубанской казачьей пластунской дивизии, 1944, во втором ряду первый – командир батареи самоходных артиллерийских установок старший лейтенант А. Т. Дронов

Другой случай со сном у меня приключился через три года, в 1944-м, я был в то время командиром батареи самоходных установок СУ-76. В бою за станцию Чарны (Польша) нашу 9-ю Краснодарскую пластунскую казачью дивизию двое суток немец выматывал бесконечными контратаками. Наконец бой затих, настало время отдыха, зашел за угол дома, туда снаряд не упадет. Никого не предупредил, даже своего адъютанта, упал и заснул мертвецким сном. Немец пошел в контратаку, сбил наши части, они отходят, а я сплю. Батарея отступила, посчитали, что я на КП полка. Случайно наткнулся на меня бежавший казак-пластун, огрел так, что мертвый вскочит. Очумел от неожиданности: немцы перебегают метрах в 70 от здания к зданию. Вот когда пригодилась казачья прыть, шеметом от дома к дому, потом ползком по лощине… Вырвался. Страшное дело на войне – сон.

Как важно иметь хорошее здоровье и крепкие ноги! Перед войной изнежился, теперь раскаиваюсь, понадобились собственные силы, но они ограничены. Каких трудов стоило натренировать тело, привыкнуть к невзгодам, лишениям.

Некоторыми чересчур службистыми командирами отставание из-за слабости или травм принималось как проявление трусости, нежелание идти на фронт, а он рядом, ноги отбил, телепаешься из последних сил, на последнем дыхании.

Чем ближе к передовой, тем чаще люди гибнут от бомбежки и обстрела. Чем больше встречается на пути разрушений, машин с эвакуированными ранеными, тем яснее и яснее проявляются характеры, выдержка, боевые качества командиров, красноармейцев. Кто есть кто стало на повестку дня.

На первых порах казалось, что в роте все сделаны на одну колодку, командиры различаются лишь количеством кубарей или шпал, различия в этой неодинаковости стали выявляться на подходе к фронту. Думалось, что ребята, стриженные одной машинкой-нулевкой, обутые в одинаковые ботинки с обкрученными обмотками, и в жизни должны быть нивелированными. Одна судьба, одна задача сделают свое дело, подравняют, затем выправят мысли, поведение, поступки.

Оказалось, что не так. Народ был собран разношерстный. В авиацию, в мотомехчасти производился отбор, подбор, в разведчики еще жестче, а в инженерные скопом. Тут и льготники-перестарки, и нестроевики, и осужденные, и сыновья репрессированных. Это не могло не сказаться на психологическом состоянии роты.

В одной из бесед командир роты рассказал о положении на фронте, отметил, что впереди немецкой группы армий «Север» двигается лавина 4-й танковой армии, командующий 56-м танковым корпусом фон Манштейн получил приказ наступать на Ленинград через Лугу. Но через несколько дней 38-я советская армия контратаковала, на дальних подступах к городу противник остановлен.

Лужская оборонительная полоса, сооруженная в ходе войны, сыграла свою роль, наши войска ее удерживают, перемалывая отборные части вермахта. Судьба Ленинграда была незавидной, его предполагалось окружить кольцом, обстрелом из артиллерии и бомбежкой с воздуха сровнять с землей. Рассчитывали оставшихся 400 тысяч ленинградцев расстрелять или повесить, уже утверждено меню банкета в гостинице «Астория», назначен комендант Ленинграда генерал Кнут.

Гитлеровцы стремятся захватить Ленинград по двум причинам. Во-первых, для дальнейшего наступления в глубь страны освобождались войска группы армий «Север», задействованные в обеспечении блокады города. Во-вторых, захват города мог иметь большое политическое и моральное значение.

Комроты сообщил, что командованием полка приказано быть готовыми к бою, разъяснил, что возможен прорыв противника, хотя мы инженерные войска, вооруженные силы должны воевать. Красноармеец Третьяков, по виду и ухваткам человек тертый, из хозяйчиков, просит разрешения задать вопрос.

– Это как же получается, – с возмущением, раздраженно спрашивает он, – в мирное время меня в армию не брали, оружие не доверяли, теперь, когда припекает, так стал нужным защитником родины советской. Иди умирай?

Наступила жуткая тишина, мы понимали, что это не вопрос, а вызов, явно выраженное недовольство, отказ от исполнения приказа. Командир взглянул брезгливо, но сдержался. Поборов негодование, терпеливо и обстоятельно разъяснил, что советские люди стали на защиту Родины, заключенные, и те просятся на фронт. Говорил резко, но сдержанно и убедительно. Кое-кому казалось, что вопрос исчерпан, но вокруг Третьякова образовалась атмосфера отчуждения, лишь некоторые стали увиваться, подхваливать за смелость. На вечернем привале Третьякова увели в штаб, арестовали, началось следствие, нескольких человек из его окружения вызывали, допрашивали. Состоялся суд военного трибунала.

– Выходи строиться!

Нам зачитали приговор.

– Именем Родины… Врага Советской власти… Третьякова. Расстрелять.

Война, обстановка в полку требовали решительных мер, они применялись в соответствии с законами военного времени, а вот Голован и другие, лишь после показавшие свое вражеское нутро, оставались вне подозрения.

Крещение

Строительный батальон первые дни войны был не в самом пекле, а на задворках фронта. Немецкие войска рвутся к Ленинграду со стороны Пскова и Эстонии. Нам приказано выйти на один из участков дороги Толмачево – Луга, обеспечить бесперебойное продвижение машин, боевой техники, людского пополнения фронта. Все это шло, ехало днем, особенно интенсивно ночью. Разбит ли мост, испорчено воронками от бомб полотно дороги, перевернута, раскурочена машина – все нами немедленно исправлялось, движение по дороге восстанавливалось. Что может быть проще и безопаснее, чем служба в дорожных частях? Сперва так и думалось.

Немец понимал значение этого участка фронтовой дороги, делал все, чтобы затормозить, прервать движение, бил из орудий крупного калибра, бомбил сверху. Противник разрушит, мы восстанавливаем, ганс обстреливает, мы в это время трудимся. Нельзя допустить, чтобы колонны машин стояли неподвижной мишенью под огнем врага, работаем день за днем, ночь за ночью. Трудно в темноте, когда шел основной поток техники, боеприпасов и горючего, еще опаснее в ясные летние дни, когда фашисты звено за звеном посылали самолеты.

Мы не знали об обстановке на переднем крае, о потерях на подходе к фронту я ощутил на своей шкуре. Огромны они были, недопустимо огромны, главным образом из-за бомбежки и обстрелов авиации.

– Во-оздух! – подается и десятками бойцов дублируется сигнал воздушной тревоги.

В небе на большой высоте плавает, как одинокий коршун, немецкий двухфюзеляжный самолет-разведчик «Фокке-Вульф-189», или «рама», «горбыль», по-разному их называли. То ястребом кружится над позициями, то уходит вправо или влево, потом возвращается и барражирует над нами, монотонно гудя, как опостылевшая осенняя муха, все высматривает, подглядывает. Мы затаились, стараясь не мельтешить, меньше двигаться, укрывшись в небольших кустиках. Надо соблюдать маскировку, не допустить скопления машин, тем более пробки. Приготавливаемся к налету авиации, средств отражения воздушной атаки нет. Как это сделать? Да ровик вырыть, подправить, углубить, теперь жди гостей.

Нужно быстрее закончить работу по ремонту моста и полотна дороги, только что их разворотили снаряды. Не восстановив проезд по мосту, даже под огнем врага не сможем уйти в укрытие.

Проклятый разведчик наводит на скопившуюся технику бомбардировщики, эту «раму» ненавидели больше любого самолета, он был снабжен совершенными цейссовскими оптическими приборами, с недосягаемой высоты видит, как на ладони, что у нас делается.

– Смотри, смотри, летят, – с тревогой в голосе, запрокинув голову лицом вверх, левой, свободной от работы рукой, показывает напарник по пиле Леонид Дурасов.

Высоко в небе с юго-запада плывут девять двухмоторных бомбардировщиков Ю-88, над ними по сторонам стальными стрелами прочерчивают небо истребители Ме-109.

– На Ленинград, – комментирую я, не переставая тягать широченную поперечную пилу. Вдарило в башку: Петродворец, Кировский завод, мирные жители, дети. Дети! Неужели на них упадет бомбовый ад, разве допустят? Быть этого не должно.

– Где наши «ястребки»? – пристально всматриваясь в восточную часть небосклона, спрашивает Дурасов. Руки быстрее и быстрее таскают пилу, сильнее нажимаем на полотно, пот катится градом, рукавом гимнастерки смахиваю с лица, протираю глаза и лоб, пар столбом стоит. Голова Лени беспрерывно то наклоняется, то поднимается вверх, высматривая появление наших истребителей. В момент, когда лесина разломилась, воскликнул:

– Во-он, смотри!

Два звена наших И-16 по небосклону, как в гору, медленно, натужно всплывают вверх. Казалось, не летят, а ползут, взбираясь на трудную для них высоту, настолько тихоходны они по сравнению с «мессершмиттами».

– Вот сейчас гансы драпанут, – выказывает затаенное желание Леня Дурасов.

Тут же крикнул:

– «Мессеры»! Три… четыре… шесть, девять, вот сволочи.

Немецкие самолеты, как стальные дьяволы, звеня, оставляя едва заметный след, высматривают цели для атаки, открыли огонь, опережая наших истребителей.

– Какой порядок, какое изящество, – восторгается немцами красноармеец Голован. Язык у него треплется, как худая варежка на колу, задрал вверх жирную вывеску, сияет от удовольствия.

– Нехай ихних 6, а наших 18, глянули бы на порядок немецкий, – с нескрываемой ненавистью цедит сквозь зубы Осадчий.

В лесу истово застучали зенитные батареи, в небе, сзади и выше «юнкерсов» рвутся зенитные снаряды, разрывы обозначаются белесыми облачками дыма. Уже испятнан большой

участок небосклона, но ни один снаряд, ни один осколок не попали в цель, воздушный бой продолжают только истребители. От строя бомбардировщиков отделяется тройка, самолеты по очереди ложатся на крыло, заходят на нас от солнца.

– В укрытие! – командует взводный.

Бросаемся, сломя голову, в ровики, земля – единственное спасение. Какими долгими и кошмарными были минуты налета. Первый «Юнкерс» сбросил бомбы на соседнюю батарею 52-мм зенитных орудий, второй пикирует ближе, третий «наш»! Его бомбы разорвались рядом, в траншеях первого взвода. Столбы дыма, подсвеченного пламенем взрывов, конусы взметнувшейся в небо земли, облака пыли скрыли позицию. Земля будто сдвинулась в одну сторону, затем заходила туда-сюда, задрожала. Красноармейцы первого взвода частью остались в укрытиях, некоторые выскочили, бросились в лес. Зачем? Страх обуял, слышится крик, гам.

– Назад! Ложись!

Думаю, нас не задело, на этот раз пронеслась беда. Глянул в небо, примерно в том месте, где только что была первая тройка, ложатся на крыло, заходят на бомбежку еще три бомбардировщика. Эти действительно «наши», блеснув на солнце, пикируют один за другим. Внутри сжалось, вдарился в отчаянность, страх независимо от воли делает подлое дело, дрожь бьет изнутри, руки хватают что надо и не надо, ноги подламываются.

– Во-от какой ты вояка, – думаю о себе и ничего не могу поделать.

Наваливается вой самолетов, вдобавок раздается протяжный, проникающий во все косточки зловещий свист падающих бомб, за ним оглушительный громовой раскат бомбовых взрывов, рвущих воздух. Темнота, наступившая после удара, удушающий противный запах тротила, крики, вопли раненых, это подействовало настолько угнетающе, что стал сам не свой. Налет продолжается, в просвете дыма и пыли увидел, как из чрева другого бомбовоза устремились вниз черные обрубки, летят вместе с пикирующим бомбардировщиком не куда-то, не на кого-то, а прямо на меня. Успел подумать:

– Вот это «мои».

Мелькнула мысль: брату письмо не написал, не ответил сеструшке. Посмотрели бы, как воюю, немец бьет смертным боем, я его не могу ничем достать. Неужели везде так?

Взрыв! Первая из бомб упала не на меня, а в метрах 50–60, вторая, третья… куда – не видел, не слышал. Земля от схлестнувшихся разрывных волн ходит ходуном, мочажинная,

рыхлая, какая-то некрепкая, как лыком шитая, студень, да и только. Взрывные волны больно ударили в уши, ничего не вижу, не слышу, где я? В глазах режет, во рту песок, когда успел наглотаться, для чего рот раскрывал? Голова разбухла, сделалась чужой, наполненной какой-то дрянью, но организм живет, цепляется за спасительные нити.

– На дно ровика, – говорил себе, – не вздумай падать, засыплет.

Так и сидел на ногах, согнутых в коленях, пригнув сколь можно ближе голову, при каждом обвале стенок окопчика инстинктивно, как червь, выбирался на свет божий. Дым, смрад укрыли непроницаемым пологом от солнца, от воздуха, от развернувшейся над нами трагедии воздушного боя.

Вместе со здравыми мыслями приходит оздоровление чувств, освобождение от страха. Думаю, чего зря бояться, не пескарь же, что жил – дрожал, умирал – дрожал. Надо кончать эти «нежности», летчики вон как сражаются. Ветер относит в сторону черную мглу, смотрю вверх, хочу понять, что там. Вырисовывается мрачная картина. Наших соколов осталось только четверо, «мессеров» по-прежнему девять, с юго-востока наплывают три «Юнкерса», заходят с несколько другой точки в небе, направляются вдоль дороги, бомбы падают то слева, то справа, настигая спасающиеся машины.

– Гля, наш горит! – хрипит рядом сосед, он выбрался из укрытия, стоит на широко расставленных ногах, как моряк на палубе, каской показывает на «ястребок», камнем падающий вниз.

Но вот один из И-16 свалился на уходящего Ю-88. Вспышка, бомбовоз задымил, как будто споткнулся, замедлил ход, стал скачкообразно снижаться, теряет высоту. Тянет, тянет, сволочь, на северо-запад, в Эстонию, но вошел в «штопор», камнем рухнул вниз. Спустя несколько секунд слышим глухой, но мощный звук взрыва.

– Смотри, смотри! – прыгает от радости Дурасов, наблюдая за поединком истребителей.

Наш летчик в порыве мести за гибель своих товарищей повел истребитель на таран, ганс не пошел в лоб, уклонился, наш успел влепить сноп из огня и металла. Вражеский самолет, отстреливаясь, взмыл вверх, задымил, потянул восвояси, «ишачок» тоже покинул небо. В высоте злорадствует стая «мессеров», они, как собачья свора на псовой охоте, мотаются из стороны в сторону, выискивая новую жертву.

– По местам, – передается приказ командира роты. Комвзвода лейтенант Сидорчук жив и выглядит довольно-таки прилично, не то что я и мои товарищи. Он быстро собрал взвод, повел на те же

объекты. Машин скопилось вдоль дороги видимо-невидимо, пристраиваются в хвост колонны, а время-то светлое! Мы изватланные, измятые, занимаем всяк свое место. Многие работы не обеспечены, четверо бойцов погибли от прямого попадания, шестеро тяжело ранены или контужены. Возле них санитары, более десятка ранены легко, после перевязки направлены в медицинский пункт, но многие в МП не пошли. Остался и Осадчий, у него правая щека красно-синяя, с ободком подтека, ушиблен. Вышел на мост Голован, куда делась его надменность, бледен, зареван, выглядел, как курица, помятая коршуном, ноги едва волочит.

Сидорчук приказал за один час исправить настил на мосту, теперь надо вкалывать. Одни тащат бревна, доски, другие скобы, штыри, проволоку. Я и Петр Осадчий плотничаем, протесываем, поплотнее подгоняем бревна, поверх полотна укладываем, скрепляем, делаем колею из досок, внизу тем временем укрепляют столбы. Готово! Зеленый флажок регулировщика взмыл вверх, затем горизонтально, путь открыт, машины тронулись. Мы тоже «готовы», упасть и не вставать хотя бы один час.

Ночь, тучи на переднем крае обороны подсвечиваются вспышками выстрелов, беспрерывно взмывающими вверх осветительными ракетами, фронт живет. Невдалеке ка-ак саданут два осколочных снаряда, немец взводом пушек бил по мосту, не попал, промазал и замолчал. Трах! Трах! – опять заговорили взрывы на обочине дороги. Разбиты две машины, одна из них с красным крестом, медсестра сопровождала в госпиталь тяжелораненого майора и троих красноармейцев, в живых остался только один боец. В другой автомашине убит шофер, снаряд вырвал из кузова доски, ящики со снарядами остались целыми.

На дороге затор, батарея фрицев лупит и лупит. Командир взвода приказывает ликвидировать пробку в зоне обстрела, вместе с нами бросается вперед, дает распоряжение водителям, как старший по званию принимает меры по наведению порядка. Бросаемся за ним, от начальства не отстанешь, субординация не позволяет, дело не терпит. На одну из машин переносим уцелевшего тяжелораненого, санитарную машину сбрасываем в кювет, на другую грузим убитых. ЗИСом сталкиваем поврежденные автомобили, они загудели вниз, в болото, перегружаем снаряды, откуда только силы брались?

Впервые за месяцы совместной службы увидел своего командира взвода лейтенанта Сидорчука таким, каким был в действительности, – боевым, смелым, решительным и… жестким. Что породило такие способности? Он до сих пор загонял эти

качества внутрь себя, не показывал. Я понял, что этому причина боевая обстановка, чувство ответственности.

Потери в те дни были большие, к своим трагедиям как-то притерпелись, война же, а к гибели авиаторов, свидетелями которой были изо дня в день, привыкнуть не смогли. Слишком многое ставилось на карту в воздухе, без современной авиации победить врага невозможно. Каждый летчик был лучшим воином страны, он мог защитить сотни, тысячи людей, почему так много гибло? Да потому, что летали на машинах И-16, гораздо худших, чем Ме-109, хотя многие военные утверждали обратное, сам И.В. Сталин так и писал в своем приказе: «Наша авиация по качеству превосходит немецкую авиацию».

Насмотрелись на этих бедолаг, если они дрались на равных, то лишь из-за личной храбрости, отчаянной отваги. Вот самолет ПО-2, прозванный «кукушкой», «кукурузником», – другое дело, подобных у немцев не было. Стоишь, бывало, на посту, слышишь, что-то «пыркает» над головой. Самолетик несет «подарки» немцам на передний край, у фашистов переполох, зенитки захлебываются, прожекторы прорезают ночное небо, ничего не находят, а он отбомбился, спокойненько низко-низко летит домой, садится в кукурузу, то есть на полевой аэродром. Особенно удивляло, что пилотами и штурманами были женщины, хоть и «слабый пол», мы им, бабам, в подметки не годимся. Пол-то, может, и сильный, а вояки из нас покуда никудышные.

Часто припоминаются боевые эпизоды авиации, переживания за ее неудачи и радость побед. Воспоминания, во-первых, связаны с тем, что самолеты всю войну висели над головами, в боях во многом делали погоду. В 1941–1942 годах в небе господствовали гитлеровцы, со второй половины войны в подавляющих случаях – наши, не те самолеты, которые летали в начале войны, а новые, более совершенные, превосходившие немецкие, то были Як-3 и Ла-7. Что прочувствовал на своем опыте в боях за Новороссийск летом 1943 года. В том, что остался живым, немалая заслуга «красных соколов».

Во-вторых, узелочки, притом болезненные, были завязаны в памяти студенческих лет. В 1936 году в Ставропольском зоотехническом институте горвоенкомат объявил набор на учебу в летное училище. С нашего третьего курса желающих оказалось 12 человек, призвали лишь четверых. Друга моего, Петьку Рессера, приняли, меня нет, комсорга курса не взяли[1]. Как так, почему, сколько было переживаний, пришлось идти в осоавиахимовскую кавалерию, там утолять жажду службы. Скакали, рубили шашками, прыгали через заборчики, ямы, казачатам это в привычку, но в авиацию бы!

Атака врукопашную

В конце июля 18-я армия фон Кюхлера ценой больших потерь вышла к Луге. Цель вермахта была в том, чтобы в намеченные сроки захватить Ленинград. Однако этот план немецкого командования так и не был осуществлен. Путь к Ленинграду мы преградили на Лужском рубеже. Наступление противника развивалось севернее и южнее Луги. С целью обойти город гитлеровцы предпринимали атаки одну за другой, не отказывались и от лобовых действий. Немцы неожиданно нанесли удар у совхоза «Солнцев берег», на 17-м километре шоссейной дороги прорвали линию обороны, угрожая захватить Лугу. Плотность наших войск оставалась достаточно низкой. 177-я стрелковая дивизия Лужского участка обороны, прикрывая важнейшее направление на город Лугу и имея перед собой три дивизии противника, занимала оборону на фронте 22 километров.

Наш 86-й дорожно-эксплуатационный полк прибыл в район Толмачево, это концевая станция на железной дороге Ленинград – Луга. Последняя остановка на пути из мира, растревоженного войной, в войну, на ее передний край. Мне впервые пришлось участвовать в боях. После работы на дороге поздней ночью приплелись в расположение полевой кухни на ужин. В глуши леса благодать, место сухое, спокойное, снаряды залетают редко, спотыкаются о сплошную стену высоких деревьев на косогоре и рвутся. Сон сильнее голода, скорее добраться до привала, спать, спать, о бессоннице понятия не имел, даже под артобстрелом иногда спал. Сквозь сон слышу негромкую, но властную команду:

– Боевая тревога, боевая тревога!

Слышу – надо вставать. Так чувствует мать, когда ребенок плачет, спит и слышит, сон как рукой снимет. Надо! Вскакиваю, невидящими глазами заамуничиваюсь, благо все на мне, при мне, под рукой, винтовка под боком, противогаз под головой, ботинки расшнурованы, но не сняты, обмотки на ногах, котелок на поясе, шинель подостлал, шинелью укрылся. Шинель серая – для воина защитница первая.

Сразу почувствовал, что в роте переполох, передний край взбудоражен, на западе сплошной гул.

– Выходи строиться.

Это мы умеем, идем в глубь леса в расположение тыла батальона, обстановка, как в потревоженном улье. Выдают дополнительный комплект патронов, гранат, бутылку с противотанковой горючей жидкостью, штык, каску, сухой паек.

Идем быстрым марш-броском, чем ближе передний край, тем отчетливее его дыхание, отдаленные выстрелы становятся ближе и ближе. Черная, хоть глаз коли, наволочь закрыла передний край. Неразличимые всполохи под нависшими тучами сменяются видимыми вспышками выстрелов, зарницами пожаров, светом ракет, звуками артиллерийско-минометной стрельбы. Снопы огня – работают пушки, пульсирующие огоньки – очереди из пулеметов. Резко, отрывочно, со стуком – крупнокалиберные: «Та-та-та-та», вяло, приглушенно – ручные: «Та-та, та-та». Затем стали различаться звуки винтовок.

Осветительные ракеты непрерывно висят в воздухе, сменяя одна другую. Находимся в каком-то громадном зловещем огненном треугольнике, что к чему не поймем, откуда знать, передний край видим впервые. Фронт представился огромным двуединым огнедышащим существом, изрыгает огонь, долбит из тысяч своих жерл, больших и малых.

Догнали другую часть, нас обходят четыре танка, фары закрыты, горят подфарники, свет через щели едва-едва обозначает короткую полосу пути перед гусеницами. Вслед промчались батареи истребительного противотанкового полка, идут подразделения различных войск, на пути встречаются опорные пункты артбатарей, минометов, спешно окапывается пехота. Зарываются, заправляются горючим, готовятся к бою.

Открывается картина оборонительного ночного боя, она из двух слагаемых: звуковой какофонии и огневой расцветки. Кто стреляет, какая сила противостоит, не понять. Противоборствующие силы в страхе, желая упредить противника, палят из всего, что есть под руками. Потом узнали, что у обеих сторон огневых средств было явно недостаточно, чтобы сунуться в атаку, да еще ночью. Прорвав на небольшом участке оборону в лобовую, немцы не смогли развить успех, сил не хватило. Ждут подкрепления, используя ночь, спешат пополнить резервы. Командование решило опередить фрицев, взять на приступ, нанести ночью контрудар, восстановить утраченные позиции, для этого подняты резервы, тыловые части, инженерные войска, среди них наша рота.

Ближе и ближе подходим к переднему краю, попали под артобстрел, напряжение возрастает, приказано окопаться. Выдолбил ячейку для головы и груди, вжался, на большее сил не хватило. От мин в таких окопчиках спасенья нет, они разрываются сразу, как только коснутся земли, смертоносные железяки разлетаются почти горизонтально, изрешечивают все, что находится на поверхности, артиллерийские снаряды имеют полет осколков под большим углом.

Командир взвода лейтенант Сидорчук получил боевой приказ на наступление, вызвал командиров, поставил боевую задачу. Отделенный рассказал о противнике, выявленных огневых средствах, конечная задача их уничтожить, занять оборону, сигнал к наступлению – красные ракеты. По ходам сообщения, траншеям, окопам занимаем позицию для атаки. Ожидаем, хуже нет ждать. Не знаешь толком, что будет, чи сена клок, чи вилы в бок. Ведь это первый бой, да еще ночной, вот-вот наступит решающая минута, перед тобой разверзнется что-то многоликое, страшное. Страх! Он вездесущ, как изгнать из себя?

Наши артиллеристы усилили огонь, это была лишь пристрелка целей. Немцы отвечают огнем на выстрелы наших орудий. Через недолгое время началось! Сзади осветилось, снаряды, мины с воем и клекотом проносятся над нами, рвутся на немецком передке. Смотрел на смерч, думал:

– Неужели останется кто-либо в живых?

Минута, две, десять, огненный вал отодвигается дальше, снаряды рвутся в глубине обороны противника, то была краткая артиллерийская подготовка. Красные ракеты! Впере-ед!! Вскакиваю, внутри всего колотит, появилось ощущение невесомости, бежишь, себя не чуешь. Но помню учение старослужащих, что участок минных полей нужно преодолевать зигзагами – от воронки к воронке. Около них мин не будет, взорвались от детонации во время артобстрела.

Достигли нашего боевого охранения, бойцов осталось редко-редко, вместе с ними вперед, ура! Ура-ра-ра-ра! С криком легче. Наш объект – дом без крыши, остов которого едва-едва выделяется в серой ночи. Немец ожил, бьет из орудий и минометов, застрочил из пулеметов. Мы наступаем, падаем, встаем, снова бежим, трудно дышать. Где-то недалеко загудели немецкие танки, думаю, сейчас в атаку не пойдут, своих давить не будут.

Чесанули пулеметные очереди, мы прижались к теплой, отдающей запахом взрывчатки земле, пули то и дело: ви-и-у, ви-и-у, чив, чив, цвик, цвик. Каждая голосит по-своему, звук меняется в зависимости от того, что она делает. Если летит над головой, то завывает виу, виу, если кого-то пришила к земле, во что-то уткнулась, то цвикает, цокает, покает. Откуда-то сбоку поливает свинцом пулемет, нет сил, нет возможности подняться, шагнуть в смерть. Красные ракеты взмыли вверх и вперед, это снова приказ. Справа, среди гула, криков, брани различаю силуэт, слышу охрипший голос Сидорчука:

– Встать! Вперед! В бога, в креста!!

Правый фланг, повинуясь его воле, идет на врага, вижу

согнутые, надломленные темные фигуры, красноармейцы ринулись в пучину огня, дыма, в рой свинцовых пуль, ржавых осколков. Вскакиваем и мы, приказ есть приказ, вдруг впереди возник резкий ослепляющий свет, моментально придавил нас к земле, раздаются оглушительные взрывы. Осколки снарядов с бешеным шипением проносятся над головой, их полет слышится всей спиной, всей кожей. Впереди стихло, вскакиваем, бежим к воронкам от снарядов, там, говорили бывалые служаки, спасение. Стало ясно, что немец обстрелом нас не убил, даже путь расчистил, своих уничтожил, тех, которые строчили из автоматов, бросали гранаты. Бежим к домику, до него рукой подать, огибаем, слева разворочен дзот, справа искромсан блиндаж, под углом дома разбита пушка, кругом свежие трупы, кажется, что фрицы еще живые. Глядь, в окопе два немца-пулеметчика, как черти из подземелья, в ночной серости кажутся черными, зловещими, неистово строчат по правому флангу нашего взвода. Мелькнула мысль: «Там командир Сидорчук!»

Немцы, как глухари на толчке, за трескотней пулемета почти не слышат, кроме цели, по которой ведут огонь, ничего не видят. Пользуюсь этим, но явно неразумно и безрассудно. Вместо того чтобы быстро стать на колено, еще лучше – залечь, прицельным огнем винтовки или гранатами уничтожить фрицев, бегу на них. Инстинктивно действовал по поговорке: беги вперед – лучше страх не берет. В движении стреляю в немца, что справа, он скрутился, закричал. Быстро работая затвором, заряжаю винтовку, посылаю патрон в патронник, хочу для верности всадить еще одну пулю.

Каким-то чутьем, боковым зрением определил, что второй немец не поднял руки, на что я надеялся. Сейчас, в эту секунду разрядит в меня свой автомат, прошьет свинцом. Стреляю и бью наотмашь винтовкой справа налево, луплю не штыком, не прикладом, как учили, а стволом, так пришлось. Прогремела автоматная очередь, взгвизнула в ушах, сверкнула резкими огнями. Перед глазами вспыхнули десятки свечей, пули прошли чуть выше головы, помешал мой удар, ганс целил как раз в меня. Рядом возник Петр Осадчий, крикнул каким-то страшным, не своим голосом: «Ложись, бей гада!»

Ночную мглу, гул боя прорезал исступленный крик немца. Так кричит заяц, попавший в зубы волка, так вопит человек, заглянувший в глаза смерти. То Осадчий всадил штык. Петр, отклонившись назад, выдернул винтовку из чрева врага, мы оба упали, лежим, видим, как идут вперед бойцы нашего взвода. Из дыма появился лейтенант Сидорчук. Он комок энергии, пример решительности, твердости и жесткости. Винтовка в левой руке,

пистолет в правой, весь грязный, в пыли, без пилотки, с какими-то злыми глазами, с открытым ртом – не попадись ни враг, ни трус. Вскакиваем – и вперед. Напарник Ленька Дурасов, оккупировав окоп, то выглянет, бросив вперед-влево гранаты, то спрячется, как потом объяснял, вел дуэль с немцами. Думаю, ганса не то убьет, не то нет, нам с Петром точно удружит по осколку, лучше отклониться вправо.

В траншее выросла фигура раненого отделенного, придавившего коленом фрица. «Я, – говорит, – живьем сдам в штаб». Бежим, как говорят казаки, шкабырдаем, то упадем, то встанем, то ползем, главное – добраться до первой траншеи. Дух захватывает, в груди горит, как много надо сил, чтобы побороть усталость, затушить жар в груди! Страх исчез, его вытеснил азарт схватки, в боевой обстановке у меня был какой-то рубеж, до которого боялся многого. Перевалив через него, даже смертельная опасность паники не вызывала. Понимал казачью мудрость: врага бояться – без головы остаться. Первый взвод, что наступал левее, задержался перед ожившим немецким дзотом. Нашелся смельчак-красноармеец, который ползком обогнул огневую точку, забросал гранатами, немцы не выдержали, выскочили, побили их на месте.

На востоке начало светать, стало кое-что видно, казалось, что вокруг ад. Перевернутые, раскоряченные пушки, пулеметы, немецкие трупы то и дело попадались под ноги, мнились затаившимися врагами, сейчас схватят тебя, стащат в траншею или всадят пулю в спину. Невольно прошивал их для верности свинцом, были среди немцев фанатики, которые, умирая, в нас стреляли. Немецкая артиллерия, уже без опаски врезать по своим, садит и садит по нашим целям, по всей площади поля боя. Впереди стена взрывов, ее надо преодолеть, до вражеской траншеи рукой подать. Но как? Видим – сзади по нашим следам идет цепь пехотинцев, это подкрепление.

– Ура, ура! Вперед! Взять последний рубеж!

Немец усилил артогонь, но разве нас теперь остановишь? В окопах завязался ближний бой, в ход пущены гранаты, штыки, бежим вперед, вот она, заветная ячейка, вваливаюсь, можно перевести дух, воды бы! Кое-кто из наших стройбатовцев и подошедших пехотинцев в азарте боя, перепрыгнув через траншею, побежал на врага, но немцы поставили такой заградительный огневой вал, что преодолеть его оказалось невозможно, многие из смельчаков поплатились жизнью, другие ранены. Последовала команда:

– Ложись! Назад, окопаться.

Постепенно ползком, ползком, в окопах заняли опорный

пункт. Взводного, как и отделенного, нигде не видно, потом узнали, что оба убиты. Черти с квасом съели Голована, пропал. Нету Осадчего, только что, перед последним броском, был рядом. Пробовал звать, не отвечает, у кого ни спрошу, не видели. Пойти на розыск нельзя, в бою назад не ходят, немец вот-вот ринется в контратаку. Сзади вгрызаются в землю пулеметчики, дальше ротные минометы, за ними пушки-сорокапятки. Снуют саперы с противотанковыми и противопехотными минами, с колючей проволокой, подносчики гранат и патронов тащат ящики с боеприпасами, даже повара появились с термосами в руках, вещмешками за спиной, спешат накормить до рассвета. Передний край живет своей утренней жизнью, днем ничего не сделаешь, немец поймает на мушку и…

По траншее, пригибаясь, идут командир роты и пехотный начальник, проверяют систему огня, боевую готовность. Поднялось солнце, глянул на восток, на поле боя, по которому только что пробились, ужаснулся, сколько наворочано! Пройти, повторить невозможно.

Противник вновь открыл артогонь, бьет по переднему краю, пронеслись штурмовики Ю-87, в небе рыщут вездесущие «мессеры», огонь усиливается. То там, то здесь в траншеях воздух взрывается истошным криком раненых, умирающих, уживаются рядом «мама» и трехэтажный мат, так раненые «разговаривают» сами с собой, жаловаться больше некому. Вижу – спереди, метрах в двухстах, по всему полю что-то шевелится, ползет туча черная. Это немцы! Бросками, короткими перебежками приближаются ближе и ближе, пулеметы свинцовым градом посыпают траншею, немцы идут в атаку.

– Вот и наступил смертный час, – думаю о себе, – надо успеть пару фрицев уложить прицельным огнем, еще одного приму на штык.

Готовлюсь, изыскиваю силы, уверенность, что выстою, не дрогну. Было ясно – не уцелеть, впереди немцы, с тылу приказ ни шагу назад. Наша артиллерия открыла огонь по контратакующим, редковатый, но меткий. Не остановить, немец, вот он, встанет во весь рост и пойдет. Что делается в груди! Раздается команда:

– Гранаты к бою, огонь! – Оружие в траншеях заговорило. Беру на мушку ближнего немца, выстрел, промах. Быстро посылаю в патронник новый патрон, выстрел, мимо! Эге, думаю, так не воюют, высовываюсь из окопа, ложусь грудью на бруствер, вот и прорезь прицела. Мушка и фриц совпали. Курок! Толчок в плечо, дымок на миг скрыл фашиста. Ага, нашла! Охватила радость, немец дернулся, скрутился, лежит, целюсь в другого.

Вдруг впереди меня будто какие-то птички с налету

бросились в пыль. Думаю: «Не страшно вам, искупаться надумали». В ту же секунду поумнел, пули цвик, цвик в бруствер, аж землю сыпануло в глаза, дурень, это пулеметная очередь! Ползком, ползком, на брюхе в окоп, храбрость хороша, когда голова на плечах, надвинул каску, меж срезом и землей оставил маленькую щель, посылаю выстрел за выстрелом в немцев, уже не прицельно.

Немцы подняты, идут во весь рост, их секут наши пулеметчики, а фрицы передвигаются, падают, снова поднимаются. Что с ними, пьяные? Сзади раздается гром выстрелов наших пушек, артиллерия и минометы ставят НЗО – неподвижный заградительный огонь. Нам мрачно, жутко в 100 метрах, а им каково, среди нападающих творилось что-то страшное, но этот обстрел принес спасение, радость и облегчение. Правду говорят, что артиллерия – бог войны, атака врага захлебнулась.

Мучит жажда, утром, когда получил флягу, сразу выпил, днем воды не достал, терпи, солдат. Дурасов сидит в окопе, что-то показывает жестами, не до него, немец бьет и бьет. Стемнело, Ленька приполз ко мне, взахлеб рассказал, как отразил атаку трех немцев. От командного пункта роты идет Осадчий, нагружен, вооружен до зубов. От радости переломали друг другу ребра, самое главное, принес воды, котелок каши. Петра ранило в руку, осколком шкребануло, бумажку с красной полосой (направление в медсанбат) не дали, при медсанчасти картошку чистит. Голован находится в тылу, болтается у кухни, голову обмотал, ранен в лицо и ухо. Он ходит козырем, как же, кровь пролил. Где он ее проливал, мы не заметили, отстал от нас далеко от домика и дзота, то есть в самом начале атаки. Дурасов утверждал, что Голован сам себе штыком пропорол кожу на щеке и раковину уха.

Всю ночь, согнувшись под тяжестью амуниции, под шальными пулями, в наши траншеи шли и шли свежие подразделения. Они быстро, сноровисто занимали боевые места в лабиринте траншей. Остатки роты отвели на другой участок обороны, на ее вторую полосу. Вскоре ко мне подошел Нагимулин.

– Дронов, ну как, правду я тебе говорил? Повоевал? Да еще пулеметчика кончал. Якши!

– Немного повоевал, командира взвода потеряли, других много.

– Да, комвзвода Сидорчук боевым был, молодец был, якши был.

Задумавшись, добавляет:

– Правду в народе говорят, что на войне гибнут хорошие люди.

В минуту опасности человек оголяется, при нем остается лишь то, что Его.

Наука отступать

Середина августа 1941 года, враг рвется к Ленинграду, у Луги идут кровавые бои, городок стал острием штыка защиты второй столицы. 16 августа немцы заняли Кингисепп на севере, 20-го Чудово на юго-востоке от Луги.

Которые сутки копаем, роем, кажется, сделано все, чтобы остановить врага, затем отбросить, так виделось с солдатской колокольни. Наступила тревожная ночь, вокруг творится неописуемое, на переднем крае сплошной гул боя. Идет отступление, в тыл устремились колонны машин, по обочинам дорог, по бездорожью вышли бесконечные колонны стрелковых частей, тракторы ЧТЗ тянут крупнокалиберные орудия, четверки лошадей мчатся с семидесятимиллиметровыми полковыми пушками, гудят танки. Поговаривают, что на ПК остались те, которые только через свои трупы пропустят врага, такова судьба арьергарда.

Многих «диких» останавливают, формируют команды, направляют в окопы, за свою трусость некоторые расплачиваются головой. Что делается, уму непостижимо. Про части, которые отходят, говорят, что направляются на заранее подготовленные рубежи, где они? В окопах суматоха, команды, команды… Многие неуместны, бесполезны, ни складу, ни ряду.

Для меня задача понятна: ни шагу назад, ясна ли для тех, кто уже не говорит, а хрипит от бесконечных распоряжений? Не похоже на организованную оборону, больше лыком шито. Нашелся бы командир, обуздавший эту неразбериху, организовал и повел в бой. Видно, что отступаем, арьергард истекает кровью. Немец вот-вот появится, может случиться похуже, обойдет, окружит. Скорее бы открытый бой, лоб в лоб, побежим – догонит, искромсает в сумятице бегства.

Принесли завтрак, знаю, надо есть, на целый день заправка, но не могу, внутри сжалось, онемело. Немца испугался, смерти боюсь? Нет, плевал на смерть сегодняшнюю, чем она хуже завтрашней, все равно не выжить. Что-то помимо меня цепляется за жизнь, более того, дрожит за нее. Впереди замаячили немцы, в нашу сторону направлен ослепительный свет артиллерийских выстрелов, слышен свист снарядов, визг мин, воздух разорван, земля вздыбилась красно-бурыми фонтанами. Что делается вокруг, ни посмотреть, ни сказать, ни спросить. Мы подавлены бесконечными взрывами. Во взрывах текут минуты, да как долго! Будет ли конец? Когда он, сволочь, подтянул столько артиллерии, снарядов, и жизни не рад, а фриц бьет и бьет. Живы ли товарищи?

Артподготовка наступления смолкла, сейчас немец ринется в атаку. Слышится команда:

– Приготовиться!

Очистил винтовку от земли, протер затвор, провернул раз, другой. В окопах народ ворочается, живы, многие погибли, ранены, не без того, но боеспособность роты сохранилась, комроты по цепочке шлет приказы за приказами. Ждем немца, пусть сунется, живьем в руки не дамся!

Положение изменяется к худшему, фашисты бросили авиацию, над нами повисло несколько десятков пикировщиков и истребителей. В воздухе слышится и нарастает гул. Все вокруг им наполняется, он разливается везде, проникает внутрь, вызывая знобящую тревогу, сжимая какими-то пружинами все то, что есть во мне… Пикирующие бомбардировщики нависли над нашими позициями, чуть выше «мессеры». Самолеты устремляются на траншеи, ревут, рвут воздух, их зловещий полет в падении, визг и свист бомб, фонтаны земли теребят душу, вжимают тело в землю. Меня бросает, кружит в окопе, как пробку в бутылке, тугая волна взрыва ударила в уши, разорванный грунт осел, осыпает с головы до ног. Снова заходит тройка Ю-87, летят черные обрубки, не в нас, подальше к лесу.

Ничего, живой, как стуцырь. Быстро привожу в порядок винтовку, гранаты. Раздается вопль потерявшего волю пехотинца: «Не-емцы!» Наверное, парень контужен, он орет, заикаясь, широко раскрыв рот, выпучив глаза. Винтовкой, поднятой дрожащими руками, указывает на ложбинку, где бегут человеческие существа мышиного цвета. Правду говорят, пуганая ворона куста боится, боец только из окружения, их посадили в окоп для усиления обороны. Через некоторое время кто-то горловым голосом заорал: «Та-анки!» Это красноармеец Голован, завидев четыре бронемашины, свернувших в нашу сторону, поднимает панику. Как лютых зверей, мы боялись этих чудищ, в 1941-м кто их не страшился, в том бою даже бутылок с горючей жидкостью не было.

– Огонь, – доносится команда командира роты.

Застрочили выжившие пулеметы, присоединились резкие хлопки выстрелов винтовок. Напряженно, как не своими руками, ловлю на мушку развернувшегося боком немца, он показывает направление наступления, наверное, фюрер какой-то. Выстрел! Промах, выстрел, снова промах, как заколдованный, бежит, проклятый. Еще, еще стреляю, немец качнулся, согнулся, перехватив живот, упал на бок. Подкошен пулеметной очередью, или мною посланная пуля встретила его на своем пути, разве разберешь. За две-три минуты боя их мало упало, видимо, руки

дрожали не только у меня.

– Гранаты к бою! – подает команду старший сержант, теперь он за комвзвода, кричит так, что не поймешь, чего больше в команде, приказа или страха. В гуще атакующих немцев, разрывая их надвое, сплошным столбом встали фонтаны огня, дыма и земли, наша артиллерия ударила по врагу. Передние, что ближе к нам, упали, залегли, немцы деморализованы.

– Вот так, шиш вам, накося выкуси, – торжествую, подбадривая сам себя.

Восторг был недолгим, снова появились пикирующие бомбардировщики, артиллерия врага усилила огонь. Почувствовал, что сзади меня подразделения зашевелились, пришли в движение, оглянулся и вижу: наши драпают в лес. Бегу по траншее, по ходу сообщения, через трупы, метров четыреста преодолел с такой скоростью, любой спортсмен позавидовал бы. Оглянулся на позиции – все поднято дыбом, вот уж доподлинно ушел из могилы.

На проселочной дороге встретил Осадчего.

– Ты когда утекнул?

– Когда, когда. Когда был приказ, – отвечает Петр.

– Разве он был?

– Понимать надо, – нравоучительно ухмыляясь, отвечает Осадчий.

Штыком в зализны очи

Противник захватил Колпино и вышел к Красногвардейскому укрепрайону, затем овладел Тосно. Отходившие дивизии попали в окружение 26 августа. В «котле» оказались наша 177-я стрелковая дивизия, а также 70-я, 90-я, 111-я и 235-я дивизии, 24-я танковая. После нескольких неудачных попыток организованно вывести эти войска из окружения командующий Лужским участком обороны генерал-майор А.Н. Астанин получил распоряжение уничтожить или закопать материальную часть и выходить из окружения мелкими группами в заданных направлениях. Окруженным частям и соединениям пришлось разделиться на несколько групп и выходить на соединение с войсками фронта в районах Кириши и Погостье.

Как мы драпали, про такие дела говорить до чрезвычайности неприятно, самому перед собою стыдно. А. Твардовский описывал:

Шел наш брат, худой, голодный,
Потерявший связь и часть,
Шел поротно и повзводно,
И компанией свободной,
И один, как перст, подчас.
Полем шел, лесною кромкой,
Избегая лишних глаз…

Стежки-дорожки проходили по лесам, мочажинам, местами по болоту. Гитлеровцы на бронетранспортерах, мотоциклах, машинах, у них танки, самолеты, пушки. Мы пешки телепаемся, с винтовкой в руках, с гранатами на поясе, противогазом на боку, с пустым желудком. Вот потому и бежали, идем к Ленинграду, там надеемся собраться с силами, организоваться, вооружиться, дать немцу по зубам. Даже во время отступления были вера и надежда, решимость и ненависть.

Остатки потрепанных в боях частей и подразделений, группы и одиночные бойцы, потерявшие связь со своими частями, чаще шли ночью. С нами следуют командир группы, штабное начальство. Остановились перед шоссе, разведчики выяснили, что по-доброму перебраться нельзя, немцы едут без конца и края. Каждый понимал, что надеяться, пока пройдут немецкие колонны, бесполезно, ждать ночи тем более опасно, ибо обнаружат, разбомбят, закроют выходы. Нашей роте, усиленной

трехпушечной батареей сорокапяток и отделением минеров, приказано вырваться из леса, оседлать шоссе на косогоре, задержать врага, обеспечив возможность пересечения дороги другим подразделениям. Используя небольшой перерыв в движении немецких машин, заняли позиции по обочинам, вжались в ямы, в наспех выкопанные ровики. Саперы, как оглашенные, носятся с минами, напичкивают ими подходы, против танков ничего другого нет.

– Штыком в зализны очи, – навроде как шуткует кубанский хохол Остапенко.

Не успели врыться в землю, показалась голова немецкой колонны, впереди мотоциклисты, за ними два бронетранспортера с автоматчиками. Без конца и края, как длинное-предлинное пресмыкающееся, изгибаясь меж лесов, по дороге ползло что-то страшное, темное, неразличимое.

– Эх, парочку танков, накромсали бы фаршу из немцев, – говорит старший сержант, зло всматриваясь в колонну.

– Как бы из нас винегрет с землицей не получился, – выказывает опасения Осадчий.

– Меньше бы чухались, – слышу голос Дурасова из своего окопчика.

– Приготовиться к бою, по мотоциклам не стрелять, – подает команду комроты.

Ничего не заметив, немецкие мотоциклисты проскочили мимо, через минуту слышим стрельбу, первый взвод их прикончил. На нас мчатся два броневика.

– Батарея! Огонь! – слышится команда в лесу.

Перед бронетранспортерами рвутся два снаряда, одна машина уткнулась в кювет, вторая остановилась, водит из стороны в сторону пулеметным стволом, из дульного среза запрыгали светлячки. Стреляя, броневик пятится назад, пули цокают о стволы деревьев. Автоматчики выпрыгнули на землю, нас они не видят, смотрят в лес, откуда стреляют пушки. Фрицы орут, строчат по опушке, на подмогу мчится еще один бронетранспортер, из него бьет пулемет. Молчим, пушечки воюют, пускай делают свое дело. Загорелся второй броневик, немцы залегли, какой-то офицер-фанатик поднял их, повел опушкой леса, напоролись на второй взвод, те укокошили его самого, нескольких фрицев. Очередь дошла до нас.

– Огонь! – командует комвзвода.

Винтовочные выстрелы сначала вразнобой, потом дружнее слились в единый поток огня. Немцев бьем, они ничего поделать не могут, не долетают пули хваленых «майссеров», на такой дистанции сказывается преимущество наших трехлинеек,

вдобавок гансов накрыли разрывы сорокапяток.

– Добре, бей гадов! – кричит командир.

Чего не бить, фрицы пожаловали незваными, не мы, стреляй! Воздух прорезали немецкие снаряды, открыла огонь батарея 57-мм пушек. Перелет, это ненадолго, пристреляются. На позиции первого взвода обрушился смерч разрывов, заплясал по дороге, по лесу, сосредоточился в районе наших пушек.

Вжались в землю, немцы, полагая, что «рус партизан» напугался и убежал, пошли амором, во весь рост. По новой команде – шквал огня, противник прижат к земле. Видим, что первый взвод снялся с позиции, скрывается в лесу, кое-кто из наших тоже поднялся, последовал грозный окрик командира:

– Ложись, мать-перемать, убью!

Подействовало, улеглись, усилили огонь. Немцы, увидев, что красные побежали, вспопашились, поднялись во весь рост, пошли, но напоролись на огонь нашего взвода, вот где отвели душу! Фриц напирает, нам байдюже, вошли в азарт боя, хорошее было состояние, ни черта не думали, кроме как убить врага. Издалека пулеметы строчат по позициям, нам хоть бы хны, стреляем беспрерывно, пора бы сниматься, а мы рады, что дорвались. Вдруг рядом со мной, будто полосонули штыком в брюхо, заорал сосед:

– Танки!

Из колонны вышли бронированные чудища, по обочине дороги устремились прямо к нашей позиции. В запасе есть минут десять, чего раньше времени паниковать, но всех обуял страх, нам нечего, кроме собственного затылка, противопоставить танкам. Командир роты подает команду: «Гранаты!», а мы… устремились в лес, правда, по команде старшего сержанта.

Итог боя: разбито две пушки, убиты четверо, ранены шестеро. Немец в лес не двинулся, побоялся. Похоронили убитых, захватив тяжелораненых, уходим по склону, заросшему лесом, отход прикрывает первый взвод. Тронулись в путь, часа через три догнали своих, осмотрелись, удивились – нас мало, а какую махину задержали, сколько фрицев искромсали. Командир роты возвратился от начальства, поздравил с одержанной победой. Стабунились, всю ночь тащили ящики с патронами, гранатами, с имуществом, несли тяжелораненых, где брались силы? Надо спешить вырваться. Утром попали на деревушку в одну улицу, жителей не видно, сбежали в лес. Дома, сараи, другие постройки либо разрушены, либо сожжены, крестоносные бомбардировщики уничтожили этот «важный военный объект».

«Лесная республика» полна слухами, одни говорят, что немцы подошли к Гатчино, другие толкуют, что заняли город Пушкин. Надежда на то, что это выдумка паникеров, пересказ

провокаторами геббельсовских листовок, фашисты сыпали их сотнями на наши головы. От одного к другому пополз слух, что выхода нет, окружены, сдаются в плен. Мы к командиру, тот ничего не знает. Слух обретает силу, лесной лагерь заволновался, закучковался, красноармейцы группами обсуждают обстановку. Молва делает свое дело, в лицах видится разное отношение к беде, одни рады, что конец войне, остались живы, другие ходят серее тучи, таких большинство.

Не в состоянии описать свои чувства и мысли, горе неизбывное – самое подходящее определение тогдашнего состояния. Мысли уносят на Дон, к дому, к родителям, к брату Ефиму, вот и победил врага, вот и «России верные сыны», как же так? Здоровы, можем драться, по меньшей мере, в бою убьем по одному немцу, и то дело, а тут без боя в плен. Казаки наказывали: лучше глаза лишиться, чем доброго имени. Своему другу Осадчему сказал прямо, что не сдамся, уйду, Петро засиял, ткнул в плечо, не сказал ни слова, пошел к Дурасову, тот обрадовался, доволен принятым решением.

Пущен слух, что переход к немцам происходит согласно приказу, с оружием, с амуницией, сдавшимся будут оказаны немецкие льготы, к дезорганизаторам добровольной сдачи будут приняты меры. Долго бушевали стриженые затылки, страшное дело неведение, не знаешь, как эта овчинка вывернется, мездрой или шерстью, какими надо владеть силами, чтобы не потерять себя. Узнали, что вопрос обсуждался в штабе, к чему пришли, неизвестно. Через некоторое время идет батальонный комиссар, с ним пять-шесть штабных офицеров, пополз шепот:

– Комиссар башкирин, недоволен русскими, ему немцы ничего не сделают, откупится нами. Верили, а он…

И пошло-поехало. Вдруг команда:

– В две шеренги, становись.

Почему не поротно, повзводно, что, мы уже сброд? Нагимулин подходит к строю, ему докладывают по уставу, показывает обеими руками, чтобы правый и левый фланги подошли ближе. Видно, что хочет обратиться, это удается трудно, произносит:

– Мит (по-башкирски «я»), – потом, спохватившись, переходит на русский:

– Я знаит один приказ, Сталин приказ. Драться, пока голова есть, пока сердце есть, живыми в плен не сдаваться!

По шеренгам прошел вздох облегчения, хоть находимся в строю, загудели, заговорили. Окрепшим голосом Нагимулин добавил:

– Паникеров судить на месте! – Рука машинально легла на

кобуру пистолета.

Обращаясь к командирам, сказал:

– Я в голове колонны, выполняйте.

– Вторая рота, становись. Первый взвод…

Пошли в сумерках леса, но казалось, что перед нами дорога домой.

– Вот он, настоящий командир, – говорит Осадчий.

– А что говорили о нем, – присоединяется Дурасов.

– Мало ли болтунов, – отвечаю я.

– Это не болтуны, это провокаторы, таких расстреливать надо, – возмущается Петр.

Каждый к своим

И пошли на всход, на звуки боя впереди, справа, слева. Чем ближе к Гатчино, тем труднее, стычки с немцами участились, боеприпасы на исходе. Несколько дней не работает пищеблок, полевая кухня брошена, в ней сварена последняя пара буланых, больше закладывать нечего, перебиваемся с сухаря на воду, сегодня ни того, ни другого. Беда, кишка кишке кукиш кажет. Еще больший ужас – немец кругом, хорошо, что фашисты боялись партизан, не лезли в лес. Слышим бои в стороне Ораниенбаума, туда не пробиться, путь один – на восток. Дорогу прерывает шоссе, где беспрерывным потоком идут колонны немецких моторизованных войск.

Целый день пролежали в лесу, заняли круговую оборону, замаскировались. Надо приложить решающее усилие, сделать последний рывок. Меня и Голована выслали к дороге дозорными. Стоим, прижавшись к соснам, наблюдаем, как метрах в 150 от дороги затаились товарищи по отделению, связь зрительная, сигналами. Завоеватели резвятся, слышится залихватская песня, сплошной гул, гомон, каски набекрень, руками машут, как на карнавале, блицкриг для гансов рядом. Потихоньку спрашиваю у Голована:

– Чего это поют?

На мой шепот как захохочет, да громко, как косячный жеребец ржет, стал метаться между сосен. Что с ним? Немцы же видят, они открыли по лесу плотный автоматный огонь, но обошлось, колонна не остановилась, подходит новая вереница машин. Голована снова обуял гогот, выкобенивается, дурака из себя ворочает, а сам на меня косится. Крутанул затвор:

– Убью!

Подействовало, сник, как на шило сел. Командир отделения запрашивает, что происходит, настырный Голован, опережая меня, вскидывает винтовку прикладом вверх: «Опасности нет». Неспроста это, звал немцев, сволочь, да не получилось. Стал подлизываться, перевел немецкую песню:

Девчонок наших
Давайте спросим:
Неужто летом
Штанишки носят?

Лишь после я понял, что щелчок затвора остановил Голована

в замысле пристрелить меня и уйти к немцам. Свой подлый план он осуществил позже, при других обстоятельствах.

В расположении группы привлек внимание пленный немец, его только что приволокли разведчики, снимали первый допрос. Немчишко так себе, ни рыба, ни мясо, снаружи кочетится, а внутри курица мокрая, и такие сморчки сегодня вершат судьбы целых народов, сеют смерть, разруху, пытаются установить «новый порядок».

Наконец наступила долгожданная, самая опасная и тревожная ночь. Командир взвода проверил личный состав, распределил оставшиеся боеприпасы, для транспортировки раненых выделил четырех бойцов, ждем разрыва в колоннах фашистов. Сигнал! Бросились, как в атаку, пробежали шоссе, затем в лес, по нашим следам немцы открыли огонь из 75-мм пушек, ушли и от артобстрела. Наконец окрик:

– Стой, кто идет?

Пошло-поехало, расспросы – кто, откуда. Оказывается, наткнулись на боковое охранение таких же бедолаг, но они шли в полном порядке. Нас не спешат признавать за своих, странное было положение, когда всех, выходящих из леса, любая мало-мальски организованная часть считала опасными врагами или трусами, подлежащими трибуналу. Пока суд да дело, мы, один взвод за другим, просочились между колоннами, ушли в лес. Подошедший комроты сказал:

– Надо идти подальше, здесь пахнет жареным.

Командир первого взвода добавил:

– Если не успеют выйти затемно, будет не бой, а избиение, слишком невыгодная позиция.

Спешим приблизиться к вражескому авангарду, ибо на этом месте искромсают бомбардировщики. На очередном привале пересчитались, в роте нет пятерых красноармейцев, то ли погибли, то ли задержаны охранением колонн, может быть, не выдержали усталости.

– Где твои люди? – кричит на комвзвода командир роты, тот стоит, сказать нечего, руками разводит.

Это серьезное чрезвычайное происшествие. Отставания были и раньше, иногда потерявшие себя люди просто сидели в кустах, поджидая плена. Сейчас, когда до своих рукой подать, не было никакого боя, обстрел-то был невпопад, и тут такое ЧП. В нашем отделении не оказалось Голована, черти на помеле унесли. Я сразу подумал, что он сбежал, вспомнил разговоры, выходки, случай в боковом дозоре. Командир роты приказал выслать поисковую группу, разведчики вернулись под утро, доложили, что на месте артобстрела убитых не имеется. Нам ничего, а с

командиров спрос особый, три месяца с бойцами вместе, и не раскусили.

До окраины города рукой подать, кто там, немцы или наши? Приготовились идти на прорыв, на каждого по 10–15 патронов и штык, быстро рассредоточились, развернулись, залегли, и оказалось, что попали к своим! Удачно подошли к переднему краю нашей части, занимающей оборону недалеко от лесопарка, командиры выбрали правильное направление. «Верхи» быстро договорились, следуем по проходам в минных полях, через траншеи, ячейки боевого охранения, ходы сообщения, мимо блиндажей, долговременных огневых точек, позиций пулеметов, минометных и артиллерийских батарей.

Дома! Главное, вышли организованно, со звездочками, треугольничками, кубарями в петлицах. Тогда нередким явлением был приход без знаков воинского отличия, без документов, таких окруженцев чаще всего сопровождали в Особый отдел. Многие бойцы не могут, да и не скрывают радости, обнимаются, турсучат друг друга. Красноармеец Рахимгулов, стоя на коленях, лицом на восток, сложив по-мусульмански руки, то поднимет их, то опустит на грудь, шепча что-то под нос, с Аллахом разговаривает. Хотелось поозорничать, крикнуть:

– Рахимгулов, башкир киши, какому богу кланяешься?

Вовремя воздержался, и правильно сделал. Есть ситуации, когда вера, следование обычаям предков раскрывают внутреннюю суть человека. Хотелось подойти и сказать, что молиться нужно твоему земляку с красной звездой на фуражке и шпалой в петлицах – батальонному комиссару. Не стал вмешиваться, вера тоже хорошо служит Родине, убежденного убеждать – только портить.

Пехота поделилась с нами хлебом, перловой кашей, чаем, заснул мертвецким сном. Разбудили «юнкерсы», летели девятками, то немецкий 8-й авиакорпус «Рихтхофен» шел на бомбардировку Ленинграда, я впервые увидел столько самолетов. Пикирующие бомбардировщики обрушили бомбы на Гатчино, на лесопарки, дворцы, жилые дома, на жителей, все скрылось в огне, пыли, в дыму. Что стало с шедеврами зодчества, с богатством, созданным поколениями русского народа? Немцы изуверствуют, вьются, мечутся, пикируют, бомбят.

В такой ситуации, когда поджилки трясутся, в голову влезла родная Лопатина. Орава друзей – Павло Курючкин, Иван Морозов, Спиридон и Илларион Чеботаревы, на санках слетаем с горы до ключей и родниковых колодцев, несемся не сидя, а стоя во весь рост. Выгнулся назад, натянув веревки, в снежном вихре скатился вниз, затем помчался через ерик. Зазеваешься – под

мостом очутишься, еще хуже, влез в незамерзающую грязь. Сейчас в небе изверг катится по воздушной горке, сидя на мягкой подушке, орет, включив сирену, стреляет из пулеметов, пушек.

Возвратились разведчики и связисты, наш полк находится в Гатчине, туда предписано прибыть к 12.00 для сооружения оборонительных объектов в Дворцовом парке. Узнали, что штаб попал под бомбежку, разбит вдребезги, десять бойцов посланы разведать обстановку. Нам нужно пробиться в район бывшего расположения штаба, разыскать мешок с деньгами, месячным довольствием личного состава батальона, найти другие штабные ценности, обнаружить живого или мертвого начальника финансовой части полка, все доставить в Пушкин.

Вылазка достигла цели, рядом с разбитым штабным блиндажом лежат телефонные аппараты, провод, в то время немалые ценности. Невдалеке, в котловане, увидели и начфина. «Живые» были лишь часы на руке, они шли. Осколком ему разворотило внутренности живота, от места ранения полз к убежищу с мешком денег в одной руке, с кишками в другой. Так и оставил по пути к укрытию след содержимого длинной вереницы внутренностей. Забрали документы, планшетку, часы никто не снял, заодно похоронили несколько человек штабной охраны. Одна машина, уткнувшаяся в кювет, заполнена ценностями, запечатанными в ящиках, в углу, развороченном бомбовыми осколками, виднелись пачки денег. Двое ребят, улучив момент, нахватали, набили карманы червонцами. Командир отобрал, едва не расстрелял на месте как мародеров. Оглянулись и увидели, что машина в огне, какие ценности гибли! Сколько людей полегло на этой дороге из Гатчино, она была беззащитной, без леса и укрытий, трупов не сосчитать, не описать. Тогда убедился, что главные потери армии несут не в боях, а в отходе, в паническом отступлении.

Город Пушкин, куда ни глянь, дворцы, парки, цветники, скульптуры. Прохожу мимо памятника великому поэту. Во взгляде, в пренебрежительно сомкнутых губах видятся укор и порицание: «Куда казак стремишься, не на Дон ли? Помни: «Как прославленного брата реки знают тихий Дон». Тяжело проходить рядом со славой народной, особенно когда ничего к ней не добавил. В роте произошло два события. Во-первых, красноармейцев, которые набрали деньги в подбитой машине, вызвали в штаб полка, арестовали, посадили на гауптвахту, куда они после делись, не знаю. Во-вторых, появились трое пропавших, из тех пятерых, что отстали в последнюю ночь. Они из Башкирии, в плен увел бойцов Голован, утек, как склизкая мокрушка скрозь каменьев. Единомышленники схомутались с немцами, а этих

бедолаг фашисты отпустили. Перебежчики наперебой рассказывали, как хорошо немцы с ними обращались, накормили, выдали папиросы, одели в новое, то есть бывшее в употреблении, снятое с расстрелянных бойцов, выпроводили назад, к русским. Километров 30 везли на легковой машине, потом высадили, показали, куда идти:

– Идите домой в Башкортостан, к своим мамам, к невестам, Великая Германия семьи не разлучает.

Когда один окруженец сказал, что немцы дают башкирам автоматы и пушки, формируют национальный полк, но в этом подразделении еще мало «хороший башкирин», нас покоробило. Командир взвода не выдержал, вскочил, крутанул затвор винтовки, нацелился, срывающимся голосом крикнул, да так, что не только эти вояки, но и мы опешили:

– Сволочи, немецкие холуи! Вашу мать, встать, руки назад!

Перебежчиков отправили к командиру роты, там сначала обрадовались возвращению пропавших, затем удивились, под конвоем отправили в контрразведку. Действительно, сами того не осознавая, окруженцы стали провокаторами, немцы на них делали ставку, надеясь, что их рассказ побудит многих перейти фронт.

А легкобрех Голован? Оказался ярым врагом, пошел, как линь по дну. Человек озлобленный, ненавидевший наш образ жизни, приобрел новое оружие, теперь будет мстить, издеваться над пленными, в том числе и над бойцами нашей части. Военная судьба нас сведет рано или поздно.

Рабочие войны

Сентябрь 1941 года. Немцы перерезали железнодорожную связь Ленинграда со страной. Прорвавшись через станцию Мга, противник вышел на Шлиссельбург, 17 сентября фашисты оккупировали Пушкин. Наше подразделение, как и другие части 54-й армии генерал-лейтенанта М.С. Хозина, немцы отрезали от Ленинграда и столкнули к городу Волхову. Хозин был опытным военачальником, он командовал пулеметной бригадой еще в Первую мировую войну. Но слагаемые силы войны заставили делать зигзаги столь вычурные, что никто не знал, где наши, где враги. Всего на сутки задержались на окраине города, потом снова винтовку в руки, противогаз, гранаты, топоры, кирки, лопаты – и в поход. Оказались на реке Волхов, между станцией Кириши и Волховом. Из сосен и елей прокладываем по болоту настил, какой-то недоучившийся «суворовец» решил ударить по врагу не там, где ожидаемо, а через топь.

Часть получила задачу проложить деревянную дорогу, пропустить воинские подразделения с вооружением и боеприпасами, готовность к 22.00. Рота на дороге, одни стройбатовцы на заготовке материала, пилят и валят деревья, другие обрабатывают, третьи подносят, тащат издалека, рядом с дорогой рубить нельзя из-за демаскировки. Если бы кто посмотрел сверху, увидел картинку, схожую с бесконечным движением муравьев. Взвод укладывал проезжую часть полотна, основная схема: стволы вдоль, на них бревна поперек, по бокам притягивали жердины.

Было одно место, где трясина казалась бездонной, туда валили стволы в несколько рядов. Главное состояло в креплении, стягивали болтами, штырями, скобами, проволокой, в местах более ответственных тонким тросом. Чем глубже трясина, тем чаще, как на пакость, осмыгались ноги, одни строители в грязюку попадали по пояс, другие буль-буль – и нырнул боец бурки пускать. Уже к обеду нас не угадать, бегемоты или другие болотные чудища копошатся в лесу, грязные, как черт с трубы вылетел. Это полбеды, горе пришло с обстрелом противника, на настил попало три снаряда, натворили дел, покорежили, что и подступаться страшно. Приказ:

– Бегом!

Еще 15–20 метров до сухого берега, командиры всех рангов проверяют полотно, уже 21.00, остался один час. Как врежет тяжелыми снарядами, один, другой, третий, мы кто куда. Командир роты, выхватив из кобуры пистолет, орет:

– Назад!

Не знаешь, кто быстрее убьет, немец или свой комроты. Фашист лупит, а мы укладываем, последние метры так вымотали, что сил нет, хоть под яр брось, вместо бревна сам ложись. 22.00! Подгоняем стволы, укрепляем по бокам притужины, уложились вовремя. Выдержит ли настил, не расползутся бревна? Вопрос страшный, на войне борьба за качество – это сражение за жизнь. Командир роты на нервах, вдруг дорога расползется? Несдобровать, расстреляют на месте за срыв наступления. Весь батальон стоит с бревнами наготове. Везде, где обнаруживался сильный прогиб или перекос, полотно подбивали, подкладывали, усиливали. А оно, проклятое, змеюка подколодная, прогибается, втапливается в жижу, то одной стороной утонет, то другой.

До утра прошла боевая часть, следуют мелкие группы машин с боеприпасами и прочими грузами. На дороге оставлены регулировщики и ремонтники, нас передислоцировали на другой объект. Пока шли, вроде ничего, а на привале беда, октябрьское утро на Волхове не то, что черноморское. Ветер, холод пробирает до костей, бойцы мокрые с головы до ног, огонь развести нельзя, демаскируешься.

Трое суток наши войска пытались потеснить врага. Не удалось, немцы прорвали оборону, на четвертый день смотрим – мимо нас отступают знакомые части.

– Вражина ты для советской власти, – говорит Дурасов Осадчему.

– Чего плетешь?

– Как чего, ты крепил-притуживал, чтобы дорога выдержала? Ты. Кого она теперь ведет? Немцу старался.

Вместе с четверками лошадей, увозящими пушки, с машинами, до отказа заполненными ранеными, летят, как черные птицы, зловещие слова: «Немцы обходят». К вечеру оказались у реки Волхов. Слякоть осенняя, идет дождь, промокли до нитки, диву даюсь, как не болел, даже насморка не подхватил. Горе не в том, что просушиться негде, побегать, обогреться. Беда шла по пятам, немец отрезает кусок за куском прибрежные края города, фашисты могут в любой момент преградить путь. Им нужно взять Волхов, тогда вокруг Ленинграда замкнется второе блокадное кольцо, в окружение попадут 54-я, 42-я армии, другие соединения, в том числе мы, стройбатовцы.

Разгружаться, и в лес. Декабрь 1941-го, жуткое время. Полк занял оборону под Тихвином, город почти весь оккупирован немцами, они пытаются наступать дальше, отнять окраины, для соединения с финнами двинуться к Ладожскому озеру. Накрыли таким артогнем, что не осталось ни минометов, ни пулеметов,

никаких средств к обороне, кроме винтовок. Враг это понял, поднял своих вояк и погнал. Мы стреляем, они идут, ползут по снегу, перебегают от домика к домику по сугробам, по рытвинам.

Мы вслед за пехотой как драпанули… Вы спросите, как такое пишешь о себе? Что иное делать, когда немецкая сила сдюжила нашу. Поднимать руки, сдаваться в плен – нет уж, извините, не подходит, а драться нечем, осталось только отступать. Застывающими пальцами обхватил покрепче ствол винтовки, он еще держал тепло выстрелов, пытался согреться, но на таком морозе металл остыл быстро. Бежим, куда глаза глядят, ступаем в стужу, в снег, в звенящий от мороза лес, перемерзший снег скрипит под ногами, мороз хватает своими миллионнопалыми ручищами, вызывает безудержную дрожь. Нос, руки, ноги береги да береги. Беда беду родит, бедой погоняет. Страшное дело отступление зимой, обморожение стало бедствием, кто-то из хитроумных бойцов брал стужу себе в союзники, специально выставлял что-нибудь наружу, заморозил и отвоевался, чего проще. Их направляли в тыл, таких ребят нередко списывали в расход, как за самострел, другого выхода у командиров не было.

Особенно тяжело было раненым, бедняги гибли, умирали от переохлаждения. Уходим дальше в лес, ухондокались, были буквально на последнем взводе, упадешь – замерзнешь. Голодно, кишки пересудомились, многого не надо, горячего супу, да теплую землянку, местечко какое-никакое. Лишь бы втиснуться в тепло, погрузиться в сон в любом положении, стоя, лежа, сидя. Мной овладело странное чувство, впервые за всю военную непогодь пришли слабость, бессилие и отрешенность, только бы заснуть, отдохнуть.

Наконец нас остановили, кругом войска, свежие подразделения, как в сказке, как во сне, смотрю и глазам не верю: войско русское! Распределили по землянкам, какая благодать, когда ты в тепле. Дали по четверти котелка горячего чаю. Заснули, кто как, упершись плечом в стенку землянки, опустившись на корточки, не успев расположить ноги-руки.

Дороги жизни, дороги смерти

Наша 177-я дивизия была вновь укомплектована в течение декабря 1941 года. В нее направлялись маршевые роты и команды выздоравливающих. Новый командующий 54-й армией генерал-майор И.И. Федюнинский удивительно быстро восстановил фронт под Волховом. Он был опытным военачальником, успешно командовал полком еще на Халхин-Голе, где ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Генерал под метелку подчистил тылы дивизий, полков, всех поставил на ноги, повернул глазами на запад, под эту круговерть попали и мы.

Утро встречаем в новой армии, подразделения оснащены современным оружием, значит, будем немца бить. Теперь бы в хорошую часть, к толковому командиру. Не везет, снова 86-й дорожно-эксплуатационный полк, снова на дорогу. Восстанавливаем разрушенные пути сообщения, строим новые зимники, проталкиваем машины, приходится стоять регулировщиком движения, нести охрану дорог. Были посты, на которых трудно уцелеть, от таких перекрестков направо свернешь – попадешь под артобстрел, налево – под бомбежку, а прямо удумаешь – аккурат немцу в лапы. Дело в том, что фронт не сплошной, не установившийся, непонятно, откуда ждать угрозу.

Бои были жестокими, но казались менее трудными, чем сражения под Лугой и на путях-дорогах к Гатчино. Здесь, под Волховом, была организованность, жесткая боевая дисциплина, открытая, на равных, борьба с врагом. Не думали и не гадали, будем ли бежать, окружит ли немец, нет уж, мы – федюнинцы! Так бойцы себя называли с чьей-то легкой руки. Твердые действия нового командарма почувствовали все сразу, от генералов до рядовых, поверили в него, в самих себя, впервые забрезжил рассвет победы. И смогли, отогнали немцев от Волхова. Приятно сознавать, что и мне довелось защищать железнодорожный мост через Волхов на Ленинград, первенец ГОЭЛРО Волховскую ГЭС, а также завод крылатого металла, Волховский алюминиевый.

В декабре – январе 1942 года лесной треугольник Тихвин – Волхов – Кириши стал нашим местожительством. Студеный зимний день, я стою на посту регулирования. Товарищи, спасаясь от мороза, забились в землянку. Пост вдали от шумных перекрестков, смотри в оба, винтовка в боевой готовности. Со стороны переднего края, поднимая снежную волну, мчится машина, останавливаться не собирается. Не первая такая, надо быстро ехать, чтобы не достала фрицевская артиллерия, не говоря уже о «мессерах», да и мне не хочется снимать рукавицы. По мере

приближения автомобиля в глаза бросилось необычное поведение шофера, поднимаю красный флажок вверх:

– Стой, предъявите документы.

– Какие документы, видишь – с передовой, – возмущается командир. Водитель пытался было предъявить бумаги, вытаращил на меня немигающие глаза, но его одернул детина в красноармейской форме, сидящий рядом. «Что-то неладно», – мелькнуло в моей стриженой кубышке, надо действовать. Но как, их пятеро, я один, наши, как на пакость, забились в теплынь, носа не кажут, машин встречных нету.

– Предъявите документы! – требую, собрав в голосе весь дорожно-солдатский авторитет.

Командир подает в развернутом виде удостоверение личности. Батюшки-светы, новенькое-новенькое, никем невладанное, а по дате старое, сентябрем изготовленное. Требую то же от шофера, начальник с гневом спрашивает:

– С каких пор документ фронтового командира Красной Армии стал не авторитетом для тыловых крыс?

– Предъявите документы! – кричу на водителя.

Детина смущается:

– Понимаете, шофера убило. Товарищ водитель маршрутного листа на проезд не имеет. Спешим с донесением в штаб дивизии.

Потом, помявшись, подает свою красноармейскую книжку, а она еще новее. По форме, как моя, но не родня, моя истертая, со следами грязных пальцев.

– Порядок, – говорю.

Обращаюсь к шоферу:

– Предъявите вашу красноармейскую книжку.

Водитель вытаращил зенки, закопошился, пытаясь достать удостоверение из внутреннего кармана, его снова одергивают. Чтобы выиграть время, опять обращаюсь к заднему, но командир кричит:

– Это мои люди, вы ответите, я накажу.

Ну, думаю, нарвался.

– Трогай, – командует шоферу.

– Стой, стрелять буду!

– Поехали, – зло, с надрывом приказывает командир.

– Стой, – кричу, и бабах! Стреляю в воздух рядом с головой водителя. Бросаюсь вперед, наперерез машине, в готовности остановить. Подействовало, автомобиль заглох. Из землянки выскочили и бегут красноармейцы, грамотно: один по дорожке, двое по снежной целине, четвертый занял позицию готовности к открытию огня. Командир выхватил ТТ, приказывает:

– Прочь с дороги! Старший приказывает!

– Я здесь старший, – парирую, не спуская глаз с заднего, готовящегося к стрельбе. Поддержка подоспела вовремя, нас уже пятеро. Из тыла, как раз вовремя, появилась полуторка, в ней командир, четверо бойцов в крытом кузове. Услышав выстрел на посту, увидев, как дорожники занимают боевой порядок, на скорости мчат на подмогу.

– Помогите задержать.

Обращаясь к командиру легковушки, прибывший офицер настойчиво требует:

– Предъявите, пожалуйста, документы.

Задержанный из второго кармана достает другие бумаги, проверяющий ничего подозрительного не находит. Ну, думаю, разодрался, как бык на сколизи, теперь несдобровать, нарушил армейскую субординацию. Однако прошу:

– Проверьте у этого.

Второй предъявляет другой документ, не тот, что мне показывал. Как заору:

– Да они фальшивые, мне другие показывали.

Проверяемые жмутся. Внезапно шофер выскочил из машины, упал плашмя под колеса, оттуда кричит:

– Это контра, арестуйте, у них оружие!

– Руки! Вылезайте!

Красноармейцы отводят задержанных в штаб, в Особый отдел, тогда я не знал, что это за организация, а окрсмерши появились позднее, в 1943 году. Через полтора часа на перекрестке появилась та же легковая машина, водитель, несмотря на понукания начальства, остановился, пожал руки, дал две банки свиной тушенки, буханку хлеба, живем, братцы! Оказалось, это были вражеские диверсанты, они запаслись рацией, другой амуницией для шпионажа. Шофера сцапали в лесу, он стоял в ожидании своего командира, ушедшего в расположение штаба, предупредили, пикнешь – не успеешь и слова сказать, смерть у тебя за шиворотом. Случай сам по себе заурядный, но командир роты отныне приказал на посту стоять вдвоем.

Дорога через Ладожское озеро и грунтовые участки на северо-восток от Кобоны, затем по лесным дебрям на северо-восток до станции Подборье были для ленинградцев настоящей Дорогой жизни, всего 308 километров, из них 30 по льду Ладожского озера. По ней везли хлеб и другое продовольствие из центра России. С началом ее работы в третьей декаде декабря город вздохнул легче. С освобождением Тихвина основные грузы бесконечным потоком шли через Волхов. Мы обслуживали грунтовой участок на юге от Кобоны – на Волхов, Тихвин.

Очень часто трасса была и дорогой смерти, слишком трудно было ее защищать, фашисты делали все, чтобы умертвить движущееся. Февраль 1942 года был лютым, птицы на лету замерзали. Из-за поворота, поднимаясь по некрутому склону, который то и дело простреливался немецкой артиллерией, движется вереница одноконок. Меж гнутых головок крестьянских саней приютились ездовые, а в розвальнях, вповалку, сбившись в плотную кучку – раненые. Везут из полковых медпунктов в госпитали. На дворе крещенские морозы, а укрытием у них тоненькие одеяльца, раненые недвижимы, кое-кто при смерти. Жуткая, горестная картина, выживут ли?

Тут немцы обрушили смерч взрывов как раз на место, где проходил обоз. Убит ездовой и один из раненых. Обошла их смерть в окопах, а тут скосила. Ранены вторично трое, у многих открылось кровотечение. Санитарка мечется среди своих подопечных, наше отделение пытается помочь. Как на грех, ни одной машины, спрятались от обстрела.

Запомнилось, как тяжелораненые вяло реагировали на обстрел. Чувствовалась какая-то отрешенность, безразличие. Сержант, обращаясь ко мне, лишь попросил: «Подоткни, укрой… Быстрее езжай». Это не безразличие, а слабость, беспомощность. Говорят, что чужая боль не болит. До сих пор у меня ноет где-то внутри, в душе или в сердце.

В конце февраля день был летный, налетели «юнкерсы» и «мессершмитты». И сейчас видится не только во сне, но и наяву, что там было. Разбитые и поврежденные машины, убитые и раненые ленинградцы и многое, многое другое, страшное и жуткое. Представьте детей, больных, оставшихся без средств передвижения, истощенных, без тепла, на 35–38 градусах мороза. Вижу, чувствую их боль, стоны раненых. А гансы злорадствуют, возмещают на населении злобу за неудачи под Ленинградом, бомбят и бомбят, стреляют и стреляют, нет никакого спасения.

На участке дороги разбиты две крытые машины, в них стон, плач, пулеметной очередью убита медсестра, во второй машине много убитых, трое раненых, их перевязали и отправили на Волхов в кабинах попутных машин, мертвых вынесли на обочину. Что делать с остальными, ведь замерзнут? Из леса, прилегающего к дороге, выскочила батарея «Катюш» многозарядных ракетных установок, за ними следуют спецмашины. Тактика боя следующая: выскочат на боевую позицию, дадут залп и, поминай как звали, уходят своими дорогами на другой участок фронта. Гитлеровцы охотились за БМ-8, БМ-13 как за самой первостепенной целью, хотели узнать секрет самого мощного оружия. Их шестиствольный немецкий миномет «Зексман» в

подметки «Катюше» не годился.

Вот и нарвался, подаю знак первой машине, чего делать не имел права, останавливать можно только в том случае, когда грозила опасность дальнейшего передвижения. Козыряю:

– Товарищ командир, разрешите обратиться. (Мы их всех называли командирами, знаков отличия ракетчики не носили.)

– Обращайся, – отвечает крайне недружелюбно, зло.

– Вы куда следуете?

Надо же глупость сморозить, разве можно задавать такой вопрос.

– Для чего тебе? – спрашивает грозно, с приступом. – Много хочешь знать, где твой командир? Кто хочет много знать, того, – указывает на свой пистолет.

– Знаю, что вы флеровцы. Только скажите, можете ли оказать помощь людям? Ясно, что погибнут. Если нет, проезжайте.

Командир подозвал сопровождающую машину-будку, выскочили несколько человек, пересели в боевые машины, автомобиль подогнали к искалеченной ленинградской полуторке. Ракетчик лишь крикнул:

– Другой раз остановишь – застрелю!

– Вылезайте, братушки, – обращаюсь к ленинградцам.

Я к ним в кузов, там никакого движения, лежат люди, только глаза светятся. Подойдешь к нему, вроде человек как человек, укутан весь, возьмешь на руки, брать нечего, так они были легки, бестелесны. Кое-кто подмочился, а то и под себя сделал по-большому, бедные люди. Ветер злеет, сечет, продувает. Ракетчик достал два сухаря, разломил на половинки, подал в машину. Я влез в кузов, стараясь ободрить ленинградцев, громко говорю:

– Живем, братцы.

Оглядевшись, замолчал, здесь не до добрых слов, на меня глазами измученных людей изо всех углов кузова смотрела косая ведьма-смерть. Люди-скелеты, беспомощные, едва живые. Мужчина разжевывает сухарь, чуть-чуть глотнет, остальное дрожащей рукой берет изо рта, вталкивает в рот женщине, она едва-едва дышит. С отчаянием, безысходным горем, со слезами, просит:

– Надюша, кушай, Надюша, кушай. Не умирай, Надя! Мы вырвались, слышишь, вырвались, Надя.

Не мог я ничего ни сказать, ни сделать. Выскочил из машины, попросил ракетчика раздать хлеб, ушел на обочину дороги, слышал, как боец уговаривал:

– Бери, бери, ешь.

Уже не все были способны съесть хлеб «Катюши». Машины дернулись раз, другой, пошли месить сыпучий, хрипящий,

переможенный снег.

Много лет прошло с тех пор, а не забывается, не сглаживается в памяти, до сих пор режет душу жалость к людям, не уходит ненависть к немецко-фашистским извергам.

«Дорогу жизни» обслуживали до конца апреля, до тех пор, пока лед держал машины. Обезлюдевший полк расформировали, передали в 177-ю стрелковую дивизию, и сразу в бой, сразу! В атаке был ранен Петро Осадчий, комвзвода, многие другие.

Первые дни войны были самыми тяжелыми, изнурительными и опасными. Впереди служба в пехоте, в полевой артиллерии, в бронетанковых войсках, ранения, контузии, тяжелейшие бои, черные дни поражения и прекрасное время Победы. Многое пришлось пережить, но первые месяцы оставили в моем сердце самые страшные следы. До сих пор мечусь в постели, бегу, карабкаюсь от наседающих, окружающих роту бронетанковых чудовищ, и если куда-то устремляюсь, то бьюсь с немцами, если лежу в бессилии, руки-ноги неподвижны и неподвластны, это тоже из 41-го!

Лечит ли время?

Со времени событий прошло 38 лет, воспоминания пишу в 1979 году. Чаще и чаще поднимается тема всепрощения, не пора ли приравнять в ответственности немцев, скажем, с французами 1812 года? Навроде те и другие воевали не по своей воле, выполняли приказы.

После уезда полутрупов-ленинградцев по Дороге жизни сидел с бойцами у входа в землянку на колючем, секущем лицо ветру, высказывал товарищам:

– Каким судом надо судить немцев? Когда будет победа – прощения не дозволим. Ни матерям, вырастившим фашистов, ни детям.

– Немецкий народ ни при чем, – ошарашил из-за спины уверенный, не допускающий возражений голос, то младший политрук Орлов, сидя на порожке, слышал исповедь перед товарищами.

Когда про детей и матерей я загнул через край, он решил подправить:

– Надо помнить приказ товарища Сталина от 23 февраля. Красная Армия свободна от чувства расовой ненависти. Гитлеры приходят и уходят, народ немецкий, государство германское остается.

Опешил от неожиданности, от истины в последней инстанции, изреченной самим И.В. Сталиным. Она никем не могла ни обсуждаться, ни тем более исправляться. Однако чувства и воспоминания взяли верх, суперечу:

– У нас на Дону есть пословица: пощадил бы врага, да честь дорога. Гитлер, Вильгельм и прочие кайзеры не приходили на неметчину откуда-то со стороны. Немцы их своими утробами породили. Агрессивными идеалами вскормили и выпестовали. Своими руками вложили оружие в руки. Псы-рыцари, захватчики, вот кто их породил, вот кто наш враг испокон веков и доныне. А насчет того, как поступать с фашистами, Иосиф Виссарионович в том же приказе привел слова Максима Горького: «Если враг не сдается, его уничтожают». Еще сказал: «Нельзя победить врага, не научившись ненавидеть его всеми силами души». Так кого я должен ненавидеть, кого убивать? Только лишь Гитлера, Геббельса? Но добраться до них можно только по трупам немецких солдат. Только ли солдат?

Встал по строевой стойке, обращаюсь, как положено младшему перед старшим по званию, по должности:

– После войны разберутся. Сейчас месть немцу, – постоял,

потом снова брякнул:

– И после войны всепрощенья фашистам допустить нельзя.

Наступила тишина. Тут Владилен, ездовой конной тяги, декламирует:

Прости, родной. Забудь про эти косы.
Они мертвы, им больше не расти.
Забудь калину, на калине – росы,
Про все забудь, но только отомсти!

Стихотворение Михаила Исаковского подчеркнуло мою исповедь, ребята загудели, зло заговорили о том, что бы они сделали с немцами. Орлов стушевался, потом вышел в центр землянки: «Правильный вывод сделали, мы должны наказать и захватчиков, и исполнителей, и вдохновителей».

Я слушал, а сам думал: «Добраться бы до логова немецкого, не стану спрашивать командиров, можно или нельзя возвратить немцам должное, воздать за муки моих стариков-родителей, детей, жены, родных». В сознании роятся мысли о мести, сверлят душу слова ленинградца: «Надюша, кушай. Кушай, Надюша. Не умирай, Надя. Мы вырвались!» Мы за гуманизм. Но отомстим немцам, не могут остаться без возмездия слезы, выплаканные нашими людьми.

Наблюдая нынешнюю жизнь, претит недооценка войны, вызывает недоумение безмятежное отношение многих к ее опасности. Вспоминается, как под Ленинградом я говорил Петру Осадчему и Леньке Дурасову: «Лучше бы трудились в первые пятилетки не по восемь, а по девять, десять часов в сутки. Поменьше ездили на курорты, на выставку в Москву. Надо было больше дохода вкладывать в авиацию, артиллерию, бронетанковые войска, чем теперь, в 1941-м, страдать, быть просто-напросто беспомощными». Не пора ли подумать об этом новому поколению?

Как я стал «богом войны»

Остатки 86-го дорожно-эксплуатационного полка от Дороги жизни, с грунтового участка Кобона – Волхов выведены на переформирование, за зимний период мы понесли большие потери. После ночного перехода сосредоточились в районе торфяных поселков под Синявиным. Этот рабочий поселок был захвачен немцами, вместе со станцией Мга и городом Шлиссельбург населенные пункты составляют третью дугу кольца блокады Ленинграда. Гнусное, гиблое место, болота, торфяные разработки, гари. Близость переднего края чувствовалась в грохоте взрывов, каждый бугорок земли нашпигован военной техникой, оружием, людьми. Все это было укрыто, закопано в землю, замаскировано. В лесу была поляна, располагаться постоянно на ней не позволили, потому что над лесом висел «горбыль», всевидящий глаз немецких войск. Хотелось выйти, полежать на сухой земле под лучами весеннего солнца, разуться, раздеться, просохнуть, отдохнуть, вздремнуть часок-другой, но нельзя, демаскируем полк. Слышим команду:

– По-олк, смирна-а! – то дежурный, заметив приближающуюся машину с начальством, приводит личный состав в предусмотренное Уставом положение, а мы разлеглись, расхлебенились. Оставалось только пригнуть головы, видеть, как офицер идет, словно на шпорах, чеканит шаг, докладывает, будто занимаемся боевой подготовкой. Ухмыляемся, наша рота была в одной лишь полной готовности – поспать.

– Вольно! – как-то хрипло, не так, как всегда, подал команду командир полка, одним этим словом было сказано – попадаем в пехоту. Что нам, та же винтовка, та же ложка, хуже не будет, лучшего не ожидать. К строю подходит начальник штаба полка, за ним незнакомый артиллерист. Всем красив – стать, выправка, мужественное лицо, глаза приветливые и смелые. Шагает вдоль строя, пристально всматривается в каждого, то на одного, то на другого показывает рукой:

– Ты. Ты. Ты.

Попал и я. Пройдя до конца недлинного строя, офицер приказал выйти избранным. Рассчитались, закончили сороковым, все, как на подбор, рослые, стройные, подтянутые. Подошел старший сержант, чувствуется воин кадровой закалки, боем опаленный, представился:

– Помкомвзода разведки.

У командира на груди орден Красной Звезды, у разведчика медаль «За отвагу», правительственные награды в 1941–1942

годах были редкостью, в нашем полку их было лишь три. Старший сержант собрал красноармейские книжки, отнес писарям, вернулся к строю, приказал снять и раскрыть вещевые мешки. Что было лишним, распорядился выбросить, двоих красноармейцев, имевших в шмотках непотребное, вывел из строя, заявив:

– В артиллерию и разведку барахольщиков, мародеров не берут.

Проверил заправку, многим подтянул ремень на 1–2 дырки, пилотки приказал надеть, как положено, а не «лопухом на уши», повел лесом в штаб артиллерийского полка 177-й стрелковой дивизии. Самых-самых забрал в разведчики, меня направили во вторую батарею 262-го артполка 1-го стрелкового корпуса. Так я стал артиллеристом. Однополчане, оставшиеся в строю, пополнили стрелковые части. Назначили подносчиком артиллерийских снарядов 76-мм пушки образца 1902/30 года, теперь я не сапер, не дорожник, а артиллерист, звучит!

Майским вечером 1942-го прошел крещение. Расчет вел огонь с закрытой огневой позиции, трудно было привыкать к выстрелам, сжатый воздух давил уши, вызывая боль и глухоту, бывалые вояки советовали не закрывать рот, тогда барабанные перепонки меньше болят. Раззявой ходить? Так и мотался с закрытым ртом и открытыми ушами, наутро опять стрельба, днем снова и снова, я действительно стал артиллеристом, то есть полуглухим.

Вечером налетели бомбардировщики, батарейцы стремительно бросились в укрытия, кто в землянку, кто голову под пушку, без головы ведь не жилец. Заходят два «юнкерса», заметили, сволочи, теперь не отвяжутся, наших в небе ни одного. Кубарем скатываюсь по порожкам в землянку, думаю, в артиллерии жить можно, это не кювет придорожный, здесь затишнее, три наката из бревен, не каждая мина пробьет.

– Еще летят, – крикнул заряжающий орудия красноармеец Самусенко.

Выглянул из землянки, а тут:

– Тра-та-та-та! Цок, цок, цок! Дзи-инь, – пули заговорили по накату землянки, по лафету и броневому щиту орудия. Командир расчета старший сержант Рубежанский строго глянул на меня, выговорил:

– Дронов, слышишь, по тебе плачут, дзинькуют. В другой раз не зевай, не храбрись попусту.

В одном из боев наша батарея вела огонь под обстрелом артиллерии немцев. Как новичок, сдающий экзамен, да и просто по своему обыкновению, по казачьей натуре подхватной,

неуемной, мотался со снарядными ящиками от окопчика к орудию. Подносить снаряды положено вдвоем, напарника не было, сноровистые действия понравились командиру орудия, он доложил по команде, я, как говорится, был сразу замечен. Особенно сложно в ночной стрельбе. Ведем огонь на уничтожение немецкой батареи, они стреляют в нас, кто кого, дуэль еще та.

– Три снаряда, беглым, огонь! Левее 0-10, прицел, три снаряда, огонь!

– Быстрее, быстрее, точнее наводить!

Батарея врага умолкла. Днем и ночью, почти весь июнь, июль крушим артиллерийскую мощь блокады. В одном из боев ранен Самусенко, меня тут же назначили заряжающим, повысили! Стал в расчете не пятым номером, а третьим (второй наводчик, первый командир). Не день и не два возились со мной наводчик орудия сержант Копылов, командир старший сержант Рубежанский, они сделали из меня артиллериста. Незаметно, но зримо появились выправка, аккуратность, прорезался интерес к воинской службе, я по-серьезному приступил к изучению артиллерийского дела.

Подумаешь, заряжающий, но попробуй за три секунды подготовить и послать снаряд в патронник казенника пушки, не чурбак ведь сунуть. Не снимешь колпачок взрывателя – пошел снаряд фугасным, в болото, там взорвется, а немцам на радость ни одного осколочка. Сними колпачок вовремя, то снаряд, как упадет, тотчас жахнет, коснувшись чего-либо фрицевского паршивого, немцам капут. Не дай Бог поспешить, промахнуться, направить снаряд не в патронник, а в спешке тронуть взрывателем по затвору, или упустить на лафет, взлетишь высоко, погибнет и расчет, и пушка. Сколько снарядов разных: осколочный, бронебойный, шрапнель, с осветительными, с зажигательными, все надо изучить заряжающему. Рубежанский рассказал нам, что при установке взрывателя на осколочное действие снаряд при разрыве создает 600–800 убойных осколков, создающих площадь сплошного поражения размером 8 × 5 метров. В шрапнельных зарядах было 260 круглых пуль. Кстати, ежедневно и еженощно волокли в запасе полный комплект снарядов с желтой головкой. То были осколочно-химические снаряды ОХ-350 с химическими отравляющими веществами. Гитлер это знал, потому и не применил свои газы.

Часто направляли на помощь пехоте, в который раз мы опять в траншеях, в роли обычных стрелков. Что случилось на переднем крае, не знаем, опять в руках винтовка-трехлинейка, гранаты, каска, патронташ, фляжка, котелок, ложка, все, что надо пехотинцу. Идем на передний край, ходы сообщения мелкие, на позицию следуем гуськом, с интервалом. Вырыты траншеи и

ячейки боевого охранения, на дне коричневая торфяная жижа, вычерпывать приходится каждую ночь, днем выплескивать нельзя, сразу вызовешь огонь на себя.

Вот уж правду сказал А. Твардовский:

Где в трясине, в ржавой каше
Безответно – счет не в счет —
Шли, ползли, лежали наши
Днем и ночью напролет.
Перемокшая пехота
В полный смак клянет болото
И мечтает о другом —
Хоть бы смерть, да на сухом.

По дну положили жерди, ветки, «отель» накрыт одним накатом. Сначала были семеро, через четыре дня остались пятеро, спали поочередно, днем бодрствуют не менее троих, ночью четырех бойцов, иначе немцы живьем уволокут. В светлое время можно было спать двоим сразу, ночью только одному. Честно говоря, воевали артиллеристы и минометчики, да снайперы снимали с немцев каски вместе с головой, мы отсиживались, не выдавая присутствия.

Стояла теплая солнечная погода, хочется выйти, просохнуть, но нельзя, сразу закидают минами, да и некогда, мы на посту, у оружия. Подошла очередь вздремнуть, 120 минут, не больше не меньше. Не знал тогда бессонницы, выпал час, не зевай, спи, бывало, и его не доставалось. Немец как начал садить из минометов, взрывы за взрывами, а я сплю! Друг проснулся, выполз в траншею, там безопаснее, я задвигался, улегся поперек окопчика, головой уперся в мокрую стенку, два часа как из пушки. Разбудил командир отделения, глянул на себя, диву дался: пилотка и брюки, особенно на коленях, коричневые, в торфяной жиже, голова по уши мокрая, холодная. С той поры появились боли в голове, в ушах, в ногах.

Отбыли вахту на переднем крае, возвратились на батарею, теперь показалось, что в артиллерии не жизнь, а малина. Вновь приступили к стрельбе и учебе. Беру винтовку, кручу, верчу, ищу ржавчину, надо чистить боевую подругу, время есть, погодка золотая, так и тянет на солнышко. Сзади землянки, между двух сосен был столик, пошел туда годувать ненаглядную, прицепилась на нарезах какая-то матовая короста, никак не выведу.

– Кряк, кряк!

Командир САУ А. Дронов и старшина батареи С. Худайбердыев, 1943

Одновременно рванули воздух две мины, пыль, смрад тротиловый, винтовку вырвало из рук, надствольная планка вдребезги, ремень напополам, приклад прочерчен бороздкой. Почувствовал резкую боль в левой половине живота, глянул на бок, через гимнастерку сочится кровь. Винтовку подмышку, бок зажал обеими руками, бегу в землянку. Наводчик орудия Копылов

бросился осмотреть, в каком я состоянии, спросил, куда, отвечаю: в живот. Старые служаки говорили, что при ранении сразу боль не чувствуется, лишь потом берет свое.

Стою ни жив ни мертв, рана там, где больше всего боялся. Страх проникающего ранения поселился во мне с тех пор, когда увидел убитого начфина полка, картина волочащихся кишок никак не покидала сознание. Испуг подкрепился недавно, когда майор-артиллерист был ранен пулей в живот. Находясь на наблюдательном пункте, на высоком дереве, он долго кричал, просил помощи, но подойти, тем более снять, до самой ночи было нельзя. Думаю, теперь моя очередь, не снимаю рук, боюсь оторвать, вдруг кишки полезут. Копылов уложил, заголил рубахи, весело говорит:

– Будя переживать, в скоростях заживет. Даже кишки не видно. Не всяка пуля по кости, а иная и попусту.

Я обрадовался, а поверить боюсь. Копылов говорит:

– Пойди, поклонись сосне, тебя защитившей, – показывает руками угол разлета осколков от места взрыва до места, где я стоял.

Дерево преградило смертоносную траекторию, на войне всякое бывает. Случай с красноармейцами Самусенко и Дроновым не остался без внимания, командир лейтенант Савинов приказал сменить огневую позицию батареи. Эту немцы засекли, теперь один-два наших выстрела, жди артналета или бомбежки.

По новой, так по новой. Труда много, макушки сосен, мешающих полету снаряда, надо срубить, данные стрельбы переподготовить, вырыть окоп для пушки, ровики для укрытия личного состава, оборудовать блиндажи для начальства, землянку для расчета, отдельно ниши для снарядов. Кроме этого надо быть в постоянной готовности к открытию огня. Тут проклятая «рама» висит, высматривает, вот и рвем жилы днем и ночью. Не успели сделать третью часть работы, как:

– По дзоту противника, осколочными, огонь! Левее 0-03, три снаряда, фугасным, беглый огонь!

Это проверка на профессионализм нашего расчета.

– Молодцы, – передают похвалу с наблюдательного пункта.

Вечером командир ушел на рекогносцировку местности, поставлена задача уничтожить дзот с пулеметом. Изучаем Боевой устав артиллерии (БУА), где расписаны действия при стрельбе прямой наводкой. Ночью опять вырыли окоп для пушки, окопчики для личного состава. Командир орудия целый день тренировал расчет. Выехали, установились, светает.

– Орудие, огонь! Огонь!

Цель поражена, уносим ноги на основную позицию, здесь

затишнее.

До тебя мне дойти нелегко

Нас позвали в командирский блиндаж, вслед приходят бойцы других орудий. Даже стены выложены сосновыми бревнами, четыре наката, все сосна.

– Красота какая, – говорит новенький батареец, – тут и воздух особый.

– Блиндажик что надо, – похваляется связист, – одних сосен перетягали стволов 60.

– Хоромина, даже запаха наших спин не слышно. Не говоря уже о портянках, – острит прокудной Зюзин.

Набилось битком, шишке сосновой упасть некуда, хвойный аромат вытеснен нашим, солдатским. Командир батареи, входя в блиндаж, сообщил, что в поощрение личному составу командование прислало концерт, артисты – воины Красной Армии. Добавляет:

– Артистов четверо, девушка, к сожалению, одна.

Одергиваются гимнастерки, подтягиваются поясные ремни. Те, кто имел прическу, поплевали на руки, «причесались», командирам разрешалось носить волосы, они с удовольствием отращивали чубы. На пороге блиндажа появляется миловидная королева землянки. У нее обворожительная улыбка, раскрытые, улыбающиеся глаза, хороша, проста, как сосенка. Ладно сидит гимнастерка, недлинная юбочка, сапожки, пилотка набекрень. Если что по форме отличало от бойцов, так это сильнейший перехват талии ремнем, да еще вздыбившееся «двух девственных холмов упругое движенье».

Появился немолодой, солидный, с выхоленным лицом, в военном обмундировании, но явно невоенный человек. Передернулся лицом, не мог скрыть неприятного ощущения нашего аромата. Растянув меха, наигрывая мелодию «Москва моя, страна моя, ты самая любимая», спустился баянист.

Замкнул колонну длинноногий красноармеец, вертлявой походкой идет, как на шильях. «Немолодой солидный» оказался чтецом-декламатором, под звуки баяна наизусть читает речь И.В. Сталина:

– Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ великих предков Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова.

Тут невдалеке: «Тра-ах», – разорвал воздух немецкий снаряд.

– Шали-ит, – успокаивающе шепчет старший сержант.

– Пристреливается, – лотошит, слабодушничает хозвзводник.

– Продолжайте! – обращаясь к артистам, спокойно говорит командир батареи.

Взрывы ушли в глубь леса.

– Кому-то музыка смертная … – обронил сполошный Зюзин.

– Замолчи ты, – послышалось сразу несколько голосов.

Концерт продолжился. На сцене появился «пленный фриц», вертлявому и не нужно было перевоплощаться, очень схож с ролью. Фашиста изобразил – мхатовцы позавидовали бы, – нахальный, с жестами коричневорубашечников, часто не к месту орал: «Хайль Гитлер, Ленинград капут!» В то время пленные немцы были еще в диковинку, мы смеялись взахлеб. Чтец читает отрывки из статей Ильи Эренбурга, Михаила Шолохова, Николая Тихонова, декламирует стихи фронтовых поэтов Чивилихина, Шубина. Умело произвел, ничего не скажешь. Звучал призыв: «Убей немца! Если ты его не убьешь, он тебя убьет». Взрывные слова Эренбурга, задушевные Шолохова укрепляли веру в победу:

Мы, видавшие смерть на Волхове,
Прокаленные до седин,
Побываем в зверином логове,
С боку на бок качнем Берлин!

Что ни слово, то в цель. На порожек взбирается певунья, всех обворожила, поднялась, как птица на крыльях, кто его знает, откуда у женщин такая сила. Как-то изменившись, превратившись во фронтовую Золушку, исполнила несколько лирических песенок про горькую девичью судьбу на войне без милого. Когда запела: «И у детской кроватки тайком ты слезу утираешь», у меня, как у многих, защемило, заныло, нахлынуло. Как дома Катюша, как дочь годовалая, Верочка, бабушка Алексеевна с внуком, сыном моим Володюшкой, живы ли, в оккупации ведь? Глянул на своего товарища Копылова, он нагнул голову пониже, видно, как вздрагивают плечи, затылок, такой сбитень, а расслабился.

Певунья объявляет:

– Спою вам, друзья мои, новую песню, родившуюся на войне, в землянке, она так и называется – «Землянка».

Под аккомпанемент баяна запела бархатным, каким-то новым голосом. Звучали надрывные нотки, голос, слова песни рвались в душу, захватили всю без остатка: «До тебя мне дойти нелегко, а до смерти четыре шага». Каждое слово чувствуешь, каждый образ видишь, опасность воспринимается обостренно, такой, как есть в действительности. Душа заполоняется жаждой жизни, стремлением видеть дом, жену, детей, родных. Чувствую, что вот-вот сорвусь, насилу выдержал. Старший сержант Рубежанский,

казавшийся дотоле железным служакой, изменился в лице, комкает, мнет видавшую виды пилотку. То поднесет ее к глазам, будто бы рассматривая звездочку, то повернет с боку на бок, борется, крепится, слез сдержать не может, текут, неудержимые.

Командир третьего орудия, облокотившись на спину впереди сидевшего красноармейца, прикрыл лицо рукавом гимнастерки, тоже плачет. Подобное было со многими. Актриса была умницей, увидела, что натворила, запела другую, веселенькую песенку. Душу отпустило, ком в груди отмягчал, а слова, мелодия «Землянки» вошли прямо-таки в кровь солдатскую, благодарности артистам не было конца. Идем с Копыловым в свою землянку, он говорит:

– Понимаешь, у меня все трое несмышленыши. Дочурке третий год, сыночку второй, мамочке самой годов немного, неопытная в жизни. Как они там? Область оккупирована.

Больше выговорить не мог, в каждом слове, между каждым слогом были горечь, жалость и безысходность. Потом узнал, что он преподавал в средней школе химию, мобилизовали в 41-м, во время войны окончил артиллерийскую полковую школу.

Рубежанский из-под Старобельска, отслужил действительную, в 1940 году демобилизовался, нашел свою Ганночку. Полюбил, а жениться не успел, призвали на сборы, попал на войну.

Вечером обсуждали концерт, разговаривали о женщинах, непечатываемое описывать не буду. Пустоболт Зюзин сдуру как с дубу ляпнул:

– Вот теперича в оккупации ваши бабочки с немцами…

Сначала сбрешет, потом затылок чешет. Копылов аж вскочил. Сел, начал развязывать кисет, закурил, затянулся, подумал, потом говорит:

– Нет. Моя умрет, а с немцем не будет.

Зюзин, как побитый кот, сидит, молчит, Рубежанский уткнулся в БУА, разговор затих. Меня обуревает дума: «Как поведут в немецкой оккупации родители с внучком, моим старшеньким, корнем дроновским и наследником. Как будет жить жена, у нее на руках дочушка моя, Верочка. Попали под ярмо немецкое, под кнут полицаев, у жены отец красный партизан, муж в армии, плохо ей будет. Немцам служить не станет, как и чем жить?»

Перед глазами милый, родной образ женушки. В памяти возникают студенческие вечера, институтские будни, скромная, но безмятежная семейная жизнь. Вижу гибкий стан, грубоватое, но красивое, пышущее здоровьем лицо, прямой, аккуратный нос, «пупончик» на верхней губе, взгляд с лукавинкой, русые кудри. Стоит с Верочкой на руках, манит к себе. Внутри, пригретый

мною, черт рогатый высунул красный брехливый язык, скулит: «Ему лишь дорогу перейти, в дверь открытую войти…» Нет! Не может этого быть, ведь рядом Верочка, дочушка. Слышу голос Рубежанского:

– Нам старшина говорил, красивую женщину в жены не бери. С ней будешь, как тот малограмотный с толстым романом. Сам не читает, а другие зачитываются.

Зюзин тарахтит, как балабол, суматошную голову обуяли вопросы:

– Правда, что у Суворова жена Варюта была сука сукой, у Багратиона… – так про всю Европу.

– По места-ам, – послышалась команда, – четвертое к бою, расчет к орудию!

Чертова война, и поговорить-то не дает.

Фронтовая карьера

Середина июля 1942 года. За боевые действия во время зимней кампании 1941–1942 годов Гитлер присвоил Г. фон Кюхлеру звание фельдмаршала. Но рано было обмывать новые погоны, Ленинград устоял. «Ставка Верховного Главнокомандующего решила провести наступательную операцию на синявинском направлении, почти полтора месяца шла перегруппировка сил фронта», – так пишется в «Истории Великой Отечественной войны».

На батарее слыхом не слыхивали о какой-то перегруппировке, войска идут и идут, чувствуем, что-то готовится. Изо дня в день получаем новые боевые задания, уничтожаем отдельные орудия, деревоземляные огневые точки, блиндажи, склады с боеприпасами, транспортные средства, живую силу. Наш расчет разгромил четыре дзота, одну автомашину, стреляли и кочующим орудием, и прямой наводкой. 15 июля вели огонь с запасной огневой позиции. Вдруг пронеслись три «мессера», обнаружили, развернулись, открыли сильный пулеметный огонь. Командир орудия успел крикнуть, чтобы бежали в укрытие, куда там, не успеешь, я лишь притулился к лафету, распластавшись на дне орудийной площадки. Наводчик Копылов сидел в полуметре от меня, прижавшись к казеннику ствола и защитному броневому листу.

– Пролетели, – говорю, отряхиваясь.

Глядь, Копылов сползает, хилится туловищем между лафетом и поворотным механизмом прицела. Обмякший, беспомощный, с изменившимся лицом, потускневшими глазами, он валится на бок. Взял за плечи – вялый, как мешок, заглянул в глаза, в них смерть, чуть-чуть шевелит губами мой товарищ. Наверное, говорит о своих «несмышленышах», ничего не вымолвил. Пуля вошла в голову, так на руках и скончался. Всплыл образ его жены, стоит перед окном с двумя детишками на руках, всматривается в даль, ждет домой. Муж, отец, сын, уже нет его. Еще одного друга лишили немцы. Бойцы бережно отнесли Копылова за землянку, положили под сосны, спасшие мне недавно жизнь, не уберегли они друга нашего. На войне как будто ничего не случилось, слышим команду старшего:

– По блиндажу, фугасным, четвертому, огонь!

Командир орудия Рубежанский показывает мне на панораму, становись, мол, за наводчика. Огляделся, данные стрельбы сбиты, ствол направлен далеко вправо, в окуляре панорамы ничего подобного на точку наводки не видно. Растерялся, пришлось

брать себя в руки. Прицел установил, можно стрелять, но сомневаюсь, не садану ли по своим? Командир:

– Ор-рудие!

Это последняя команда в цепи всех на открытие огня, я – ни туды, ни сюды, растерялся, сомневаюсь. Рубежанский прыгает к пушке, рвет за шнур, выстрел!

Команда:

– Левее 0-03, три снаряда, фугасным, огонь!

Снаряд у цели, соображаю наконец-то.

– По пехоте противника, осколочным, три снаряда, беглый! Быстрее, фрицы убегают, – передают с командного пункта.

Три снаряда – месть за Копылова. Вездесущие телефонисты информируют, что разбит дзот с пулеметом, выскочили несколько оставшихся в живых фрицев, догнали и этих, уложили шрапнельными. Комбату доложили, что убит наводчик 4-го орудия.

– Кто стрелял, Рубежанский?

– Нет, наводчиком орудия был Дронов.

– Какой Дронов?

– Из новеньких.

– Будет толк, ставьте наводчиком.

Вновь боевая судьба распорядилась по-своему. Почти год, с июня 1941 года по май 1942-го мой военный билет украшала запись «красноармеец», за это время сменил должности: стрелок, подносчик снарядов, наводчик орудия.

Запомнился день 29 июля, во фронтовой жизни от других не отличающийся. В оперативных сводках по-разному сообщалось о таких буднях: «ничего существенного не произошло», «были бои местного значения». С утра немец вел себя агрессивно, наша батарея активности не проявляла, лишь дважды, да и то одним орудием, вели огонь, экономили боеприпасы. На беду фрицы засекли позицию, пристрелялись, теперь жди беды, по поведению противника видно, что готовит удар. Расчетам приказано находиться в полной боевой готовности, в укрытиях, ибо на войне осторожность большое дело. Старший по батарее был человек спокойный, рассудительный, каким-то артиллерийским чувством ожидал налета, что и случилось.

Сначала немец ударил минометами. Хорошо, что укрылись в землянках, иначе жертв не миновать. Обошлось благополучно, незначительно повреждена пушка, разбит погребок, в нем были лишь ящики с гильзами. Одна мина разорвалась прямо на нашем убежище, для трех накатов ерунда, шуму наделала, и только. Правда, два верхних яруса разворочало, что прибавило храбрости, если не пробивает, мина не страшна. С шутками, прибаутками

сидим, протираем глаза, отряхиваемся от земли и прочего мусора, была какая-то ребяческая уверенность в неповредимости. Ка-ак даст 105-миллиметровыми!

– Дело плохо, – говорит Рубежанский.

Противник бьет и бьет, измотал, издергал.

– Снарядов не жалко гаду фрицевскому? – зудит Зюзин.

– У него их со всей Европы, – поясняет командир.

Обстрел продолжается сильнее, пробирают тревога, потом страх, больше скрыться некуда. Надежа только на случай. И вот… тра-а-х! Белого света как не было, все стихло, немец долго крушил позицию, товарищи говорили, что наделал немало бед. Для меня окружающее перестало существовать, памороки забило. Помню, как во сне, вроде как поднимало, несло, нечем дышать, глотнуть бы воздуха, только бы дыхнуть! Нос, рот забиты пылью и землей, глаза режет, в ушах боль тяжелая и тупая, собой не владею. Надо прочистить, утереть рот, а нечем, правую руку придавило, в плечо уперлось что-то тяжелое, левую черти с квасом съели, запуталась в шмутках, не вытяну, не подчиняется. Пробовал открыть глаза, не получается. Берет досада, живой ведь, а дышать невозможно, нос куда ни шло, как рот успел земли нажраться?

Кто-то трогает за ноги, брыкаюсь, сигналю: жив! Начинаю понимать, если силой потянут, навалятся стволы наката, задавят. В просвете вижу людей, угадать не могу, чувствую, Рубежанский роется подо мною, оказывается, подкоп делал, в эту канавку и потянули. Боль резанула плечо, правую ногу, на них падали стволы с потолка, усилилось головокружение, внутри стало муторно, вот-вот вырвет. Товарищи волокут из землянки, от боли терпенья нет, открылась рвота, сказать ничего не могу, бойцы меня уложили в окоп, сами нырнули в укрытия. То ли заснул, то ли забылся, взглянул на свет – увидел наклонившихся медфельдшера санчасти полка и старшего по батарее. Что-то спрашивают, гляжу, как баран на новые ворота, не слышу, не понимаю, сказать ничего не могу, язык стал большой-пребольшой.

Фельдшер показывает жестами, что увезет в санчасть полка, я знаками отказался, мол, пройдет. Ночью было хуже, к утру полегчало, утренний холодок освежил. Так и выходился, через 5–6 дней был в строю. Это время было вроде фронтового санатория, орудийные расчеты сооружали новую огневую позицию, я филоню, впервые за год войны имел отпуск по болезни.

Вскорости снова стал за панораму, все бы ничего, да теперь уши стали болезненными, особенно страдал от выстрелов орудия. Другие номера находились на некотором расстоянии от

казенника и дульного среза, имели возможность отбежать, мое место у самого огня, у выстрела. Пробовал спичку зажимать между зубов – выскакивала, брал в зубы пилотку – неудобно, не привык держать рот открытым при выстрелах, а зря, было их тысячи, так и терпел боль.

К концу второй декады августа при очередном обстреле, или внеочередном, уж и счет потеряли, случилась беда с Рубежанским. До сих пор вижу его согнувшимся надвое, старший сержант ранен в бок, внутренности не порвало, но ребра переломаны, ранение тяжелое. Трудновосполнимая потеря, командир орудия был коренным батарейцем, любимцем солдат и командования. Боевой, грамотный, всегда подтянут, строен, активен, умел командовать, подчинять и подчиняться. С ним легко было воевать и жить.

Как будем без Рубежанского, кто заменит? Скорее всего командиром назначат наводчика третьего орудия, больше некого. Он ни тпру, ни ну, ни кукареку, занозистый, любит лезть пузырем. В составе батареи с такими можно стрелять, тут главное, чтобы наводчики не были лопухами, а при выездке на прямую наводку, в боях по преследованию врага, при отступлении караул, крику будет много, толку ни на грош.

Сидим с Зюзиным у орудия, горюем, не везет расчету, за каких-нибудь два месяца из ветеранов батареи никого не осталось. Напарник пошел за ужином, я у пушки, орудие в любой момент должно быть в готовности к стрельбе. Приходит Зюзин с котелком каши в руках, с новостями в зубах.

– Ездовых, хозвзвод шуруют, в расчеты гонют, – сообщает новость первую, – хватит загорать да котлы выскребать, воевать, так всем.

– Кого к нам, не слыхал?

– Подходящих не видно.

– Пришлют из других батарей, – заключил я.

Котелок да ложка, когда полны кашей, все вытесняют из стриженой солдатской головы, трескаем, ажник за ушами трещит. Смотрим, идет старший по батарее, с ним трое, сержант и два красноармейца. Приняли строевую стойку, приветствуем, глазами впился в сержанта, оцениваю его мерками командира орудия.

Старший лейтенант обращается ко мне:

– Красноармеец Дронов!

– Я, товарищ старший лейтенант.

– Вы назначаетесь командиром расчета.

Вот те на, опешил, по инерции, приложив руку к пилотке, вытягиваюсь в струнку, отвечаю:

– Слушаюсь.

– Сержант Масленников назначается наводчиком. Он окончил шестимесячную школу младших командиров. Красноармеец Зеленков подносчиком снарядов. Красноармеец Маленков замковым, завтра пришлю второго подносчика. Ездовых вы знаете. Приступайте к выполнению обязанностей. – Заметив растерянность и мой взгляд в сторону сержанта (я-то рядовой), командир поясняет:

– Дронов артиллерист боевой, дело знает. Подразделение должно быть на высоте.

– Разрешите приступать?

– Приступайте.

– Расчет, слушай мою команду, становись, смирно! – командую резким, протяжным «есаульским» голосом.

– Равнение на середину. Товарищ старший лейтенант, личный состав четвертого орудия построен для боевой учебы, тема «Правила стрельбы орудием в ночное время». Командир расчета красноармеец Дронов.

– Продолжайте, – удовлетворенно говорит командир, видимо, не ожидал такого от новоиспеченного начальника. Как иначе, быков привык сразу брать за рога, пахать, то есть воевать, надо немедленно, вдруг ночью команда «огонь», что буду делать? И себя показать надо, подчинить. Не казачье дело в стаде ходить – казак сам любит водить. Так стал командиром орудия.

Война как работа

Дни и часы, а для меня как командира орудия и ночи, затраченные на боевую учебу, не пропали даром. На командирских занятиях мы вызубрили, как «Отче наш», предназначение 76-мм пушки образца 1902/30 года: уничтожение живой силы, не находящейся за укрытием, борьба с мотомеханизированными средствами противника, подавление огневых средств пехоты, подавление артиллерии и разрушение проволочных заграждений. Расчет постепенно обретал слаженность, мастерство каждого на своем месте, а затем и взаимозаменяемость. На своем опыте убедился, как важно, чтобы не только наводчик, но и заряжающий, и замковой, и подносчик снарядов в любой момент смогли бы стать за панораму орудия и вести огонь. Немало повозились с нами старший по батарее и командир взвода. Расчет в составе шести номеров орудия и трех ездовых в считаные дни стал в строй, в организацию стрельбы в составе батареи мы вписались без особых трудностей.

Познали науку руководства стрельбой. Командир батареи обычно находился на командном пункте, в непосредственной близости к передовой, с ним связист и артиллерийский разведчик. Командир передавал данные стрельбы своему заместителю старшему по батарее, тот выдавал команды взводам. Мы, находясь на закрытой позиции, огневых точек противника не видели, исполняли приказы, пользуясь панорамой. Однако самый ответственный бой – прямая наводка. Команда с КП:

– Четвертому орудию с открытой огневой позиции прямой наводкой уничтожить дзот с пулеметом у переднего края врага. Вот он, твой час, первый самостоятельный, ответственный боевой шаг. Выполним, комбат поддержит: «Молодцы». Не справимся – в лучшем случае будет выказано неудовольствие: «Командовать тебе октябрятами, не боевым орудием» – любимое порицание провинившемуся. И ты уже не командир, а номер расчета, выгонят с кандибобером, а то похуже – объявят трусом. От труса иногда не оставалось и хвоста, того коротенького, которым он обладал. Приказ получен, надо умереть, но выполнить. В струнку вытянись, а сделай.

Старший по батарее ознакомил с основными положениями Боевого устава артиллерии по стрельбе прямой наводкой, показал на крупномасштабной карте, где проходит передний край, месторасположение цели, огневой позиции, остальное забота помкомвзвода разведки. Сошлись боевые дорожки с «красивым старшим сержантом», который два месяца назад привел меня в

артиллерию.

– Ба, пехота, здорово! – с некоторой иронией обращается разведчик.

– Здорово, здорово, разведка, – к нему с тем же ответом.

– Вы, оказывается, с одной улицы, – смеется командир, – тогда за дело. – Это означало изучить цель, установить личный контакт и связь с пехотой, выбрать огневую позицию, основную и запасную, определить пути подхода к позиции, место укрытия конной тяги, многое другое.

Немцы тщательно укрыли и замаскировали свою огневую точку, не вели огонь, не допускали никакого хождения. Долго пришлось помороковать, посидеть на наблюдательном пункте командира стрелковой роты, поползать от одной точки наблюдения к другой, пока убедился, что вон тот бугорок и есть «господин дзот». Он предназначался для открытия смертельного, не преодолеваемого для пехоты огня, уничтожить надобно во что бы то ни стало. С закрытой позиции разбить трудно, хитро вмонтирован между холмами, прямая наводка верное средство.

Перешел на свою ОП, и ничего не понимаю: где он, как достать, когда не видишь? Напряг внимание, вспомнил ориентиры, кустики, бугорки, наконец взгляд уперся в едва заметный холм, увидел и замаскированную амбразуру. Надо подготовить точные данные для стрельбы. Определил дальность до цели, выбрал ориентиры, составил карточку огня, все чин по чину, как заправский артиллерист. Разделаю, достану, солдат сметкой богат.

Ночью на новой огневой позиции в полной тишине, без единого слова и звука, отрыли орудийный окоп с «карманом», ровики, ниши для снарядов. Бруствер не делать высоким, землю разбросать ровненько, чтобы не выделялся, не лез в глаза. Принести и засыпать пыли, и бруствер станет тоже серым. Сделали все для того, чтобы на следующую ночь быстро установить орудие, уничтожить цель. Землицы надо выбросить 56 кубов, чтобы полностью замаскировать 76-мм пушку! Днем тренировка, как стемнело:

– Пое-ехали! – бодро, будто на парад, почти что пропел Зюзин.

Артиллерийская 76-мм пушка

Вот забубенная голова, ни забот, ни хлопот, ни ответственности. Командир конной тяги Владилен (так, и не иначе, называл себя ездовой), посмотрев в небо, проговорил недовольно:

– Ночь не ночь, мгла серая. Э-эх, была бы только ночка, да ночка потемней.

Развязность не понравилась, остановил:

– Расчет! В одну шеренгу становись!

Выхожу вперед, слежу за построением.

– Смирно! Слушай приказ! – как положено по БУА, отдаю распоряжение.

Боевой настрой создан. Вот рубеж, до которого доставляют кони, ездовые поскакали в укрытие. Мы шестеро, кто за лафет, кто за колеса, кто за лямки, заменив лошадиные силы, покатили

свою пушку-старушку на огневую позицию, скорее поволокли, потолкали, такой тяжелой она была, тонна на шестерых. Ста метров не прошли, как орудие ввалилось левым колесом в яму. Командую: «Вперед!» – и ни с места. Повторяю: «Назад ходу нету». Если здесь настанет рассвет, нам смерть, только вперед, на ОП. Помогло, пушку выдернули из ямы, на последнем дыхании ввалили в карман окопа. Ожидаем рассвета, завиднелось.

– Расчет, к бою! – отдаю команду тихо, но властно.

Вытаскиваем пушку из кармана, устанавливаем на площадке. Сам становлюсь за панораму, так как чувствую, что наводчика бьет дрожь, его поставил наблюдать и корректировать огонь. Передний край живет своей жизнью, продолжают взмывать в небо ракеты, они висят, споря с утренним полумраком, пулеметы татакают, мины то там, то сям рвут тугой утренний воздух. Напряжение возросло до предела, надо снять дрожь, особенно в руках, никак не совладаю со страхом, сердце колотится.

– Стой, ты же казак без подмесу, – командую сам себе, – немца боишься? Чего дрожишь, как лист осиновый, бери себя в руки, тоже мне вояка! Вот она, амбразура дзота, в перекрестии твоей панорамы, только попади, разглядись, не спеши. Ты же командир, в твоих руках огромная сила, в них смерть немцев и жизнь товарищей. Точнее, точнее, спокойно. – Приказывал себе, убеждал, требовал выдержки, это главное в решающих моментах боя. – Потеряешь способность управлять собой, не проявишь волю, не ты врага убьешь, а он тебя, трудно это дается, всей военной жизнью воспитывается. Горе, если твоя воля не возобладает над всем. В азарте боя легче, а до него со своими слабостями – борьба, борьба.

– Зарядить!

– Шнур! Выстрел! – по привычке кричит сержант.

Расчетливыми движениями рук восстанавливаю наводку орудия при прежних установках, отмечаюсь по воронке разрыва, снова беру в перекрестье панорамы обнажившуюся черную пасть. Немного превышаю точку прицеливания и снаряд за снарядом луплю по огневой точке.

– Цель! – радостно сообщает Масленников.

Сам вижу, как лезут дыбом бревна наката, в дыму, в пыли корчится вражеское укрепление.

– Смотри, драпают фрицы. Спали, сволочи.

Три снаряда завершают дело. Тут: «Та-та-та-та», длинная пулеметная очередь замельтешила невдалеке от разбитого дзота. Это не страшно, пули лишь: «Дзи-инь, дзи-нь» по броневому листу орудия, или цокают при ударе о бруствер, чивикают, пролетая выше. Не вожжайся, не задирай нос, в землю прячься!

– По пулемету, осколочным! – Выстрел, выстрел.

– Трах! – Один за другим вздымают землю рядом с моей огневой позицией немецкие 75-мм снаряды, к их хору присоединяются крякающие разрывы мин, одним выдохом они рванули землю и воздух впереди позиции. С одной стороны беда, но мы уже попали в дымовую завесу, это хорошо.

– К орудию, в укрытие!

Пушку выдернули из окопа, покатилась, затипилялась сошником и стволом из стороны в сторону, уносим ноги подальше в лес, в укрытие. Противник сначала лупит по огневой позиции, однако немец не дурак, переносит огонь, бьет по путям возможного отхода. Это опасно! Отдал приказ Зеленкову бежать за лошадьми, уже мчатся галопом, ездовые быстро сообразили, что к чему, мигом развернулись. Коренники всем корпусом подались вперед, увлекая за собой передних, осталось только поднять лафет, и дали стрекача от горячего места. Снаряды то дальше, то ближе, немец огня не жалеет, рядом рванул 75-миллиметровый, за ним другой, третий.

– Жми быстрее, – кричит на ездовых Масленников.

Наконец мы в укрытии, теперь хоть убей, ничего не страшно, приказ выполнен. Ребятушки-молодцы прихорашиваются, ездовые проверяют амуницию на лошадях. Я своим ветеринарно-зоотехническим взглядом сразу заметил, что левый коренник шею скривил, правую заднюю ногу отставил, сгорбился. К нему бросился Владилен, смотрим, из-под гривы течет кровь, по ноге поползла извилистой змейкой кровавая дорожка.

– Милый мой, когда тебя? – обращаюсь, как будто предо мной стонущий человек.

Ветерок пригнул голову, скосил огромный, бездонно-глубокий умный глаз, теряя слезу, вот-вот скажет: «Помоги!» Ничего не поделаешь, жди вечера. Отправил боевое донесение, посыльный вскорости возвратился с приказом быть в укрытии, ночью занять ОП. Комбат передал благодарность, сказал, что стрельба была красивая, меня охватило чувство гордости, достоинства, не преувеличиваю, так и было. Выезд расчетов на открытую огневую позицию и стрельба прямой наводкой на батарее всегда событие, бойцы долго обсуждали нашу стрельбу.

Мы вновь на месте, орудие установлено, готово в любую секунду открыть огонь. Лошади отведены в укрытие, Ветерку ветсанитар оказал первую помощь. На второй день прибегает в землянку Владилен, с порога чуть не со слезами:

– Командир, дело плохо. Ветерок уши опустил, отказался от корма, раны загнивают.

Пошли к старшему по батарее, долго не раздумывая,

командир приказал седлать унос (пара передних лошадей), и аллюр в три креста за ветсанитаром. Ветерка эвакуировали в ветлазарет. Через несколько дней появился ездовой, веселый и разговорчивый, сообщил всем и каждому, что ветеринар извлек из коня два осколка, четвероногий боец пошел на поправку. Владилен ходил по батарее, показывал железяки, приговаривая, что осколки едва-едва ему не достались, хотелось внушить всем, что и он воевал, был на открытой позиции. Ездовой парень боевой, компанейский, ему бы в гущу боя, но военная судьбина уготовила тихое местечко в сообществе Ветерков, Ястребков, прочих лошадиных душ.

Воевали, имея на вооружении пушку-старушку. Бывший наводчик Копылов называл ее «царской», появилась на вооружении в русской армии в 1902 году, потом лишь слегка улучшили, стала именоваться пушкой образца 1902/30 года. Основное, что было плохо, – деревянные колеса, дубовые, железом ошинкованные, а также тяжелейший лафет. Трудно приходилось солдатикам, когда тащили по песку, торфяникам и бездорожью. Потом нам вручили новую современную пушку ЗИС-3, вот это орудие, мечта! Того же калибра, но с большей силой огня, удобная и транспортабельная. Это потом, а пока… 1092 килограмма на своих руках.

На очередном занятии по теме «Стрельба орудия с закрытой ОП», наряду с изложением основного материала, практической отработкой техники ведения огня, я упомянул, что сорок лет назад артиллеристы воевали лишь прямой наводкой по принципу: «Вижу – стреляю». Рассказал, как мой дядя Кирилл Константинович Дронов привез из Маньчжурии историю о казачьем открытии, он был очевидцем ведения боя из-за сопок, с закрытых огневых позиций. Такая стрельба велась впервые, гранаты казачьих батарей пошли через сопки в небо, перевернулись и вниз, на вражеские позиции. «Божья кара», – вопят япошки, попадали на колени, руки сложили по-своему, молятся богу японскому. Разинули рты мои артиллеристы, слушают и дивятся.

Через два года, будучи уже в Карпатах, командуя батареей самоходных пушек, встретил в литературе подробное изложение факта. 17 августа 1904 года командир артиллерийского дивизиона полковник В.А. Слюсаренко в крупнейшем сражении Русско-японской войны у города Ляоян впервые в мире применил стрельбу с закрытой ОП. За один день орудиями, сокрытыми от противника, выпущено более 5000 снарядов, были разгромлены три батареи, уничтожено много солдат противника, атака японцев полностью сорвана. Неисповедимы пути славы боевой, через

много лет находит она своих наследников.

От батареи остались только пять бойцов

В середине лета опять развернулись ожесточенные бои под Лугой. После мощной артиллерийской подготовки 56-й моторизованный корпус немцев атаковал войска лужского участка обороны, стремясь захватить Лугу и открыть дорогу на Ленинград. Но наша 177-я стрелковая дивизия под командованием полковника А.Ф. Машошина совместно с 24-й танковой дивизией сдержала натиск противника. Ежедневные бои, которые вели наши войска, занимавшие оборону с внешней стороны блокадного кольца, помогали Ленинграду выстоять, но не приносили столь ожидаемого прорыва окружения. Трижды предпринимались эти попытки, но успехов они не имели. Немецкие железобетонные и деревоземляные сооружения, под завязку начиненные огневыми средствами и живой силой, создавали препятствия для рвавшихся вперед войск.

Новая, четвертая мгинско-синявинская операция должна была прорвать блокаду. Несмотря на строжайшую секретность, мы догадывались, что ночью свершится то, к чему готовились многие дни, начнется наступление на врага, окружившего город. Вечером завезли боеприпасы, выдали неприкосновенный трехдневный запас продуктов, сухой паек. Значит, сегодня утром будет решаться судьба Ленинграда и каждого из нас, теперь спать.

Ранним утром завтрак со ста граммами, паек Народного комиссара обороны. Что за дела, взноровился желудок, не принимает пищу, внутри все онемело, остановилось, нервное напряжение передалось туда, где и нервов-то нет. Таких людей в расчете было большинство, лишь Зюзин пытался разыгрывать беспечную веселость. Сейчас лучше не куражиться, переносить смятение, ожидание боя мучительнее самого боя.

Наступление! Разразилась артподготовка, лес, окружавший позицию, озарился пламенем выстрелов, казалось, что стреляет каждая сосна, выстрелы сотен орудий и минометов смешались, соединились в сплошной громовой раскат. И так два часа! Орудийный расчет действует слаженно, с полной отдачей, наш минимум 10 выстрелов в минуту, ствол пушки накалился, не подходи, обожжешься, над батареей зыблются волны горячего воздуха, насыщенного запахом пироксилина. Вслед за нами в течение десяти минут немцев жгли и гвоздили «Катюши», голос и удар, страшный, громовой, не приведи Господь оказаться невдалеке от взрывов. В 1943 году под станицей Крымской я оказался впереди БМ-13, между ними и немцами, под траекторией полета ракет. Думал, что пропал, не выйду живым,

во всяком случае, облысею от страха, обошлось, остался чубатым. Вверх вырываются черные клубы дыма, в небесную высь устремляются сотни краснохвостых дьяволов, куда упадут – ничего живого не может остаться, все горит, рушится, плавится даже металл.

Нам снова команда на открытие огня, на этот раз по целям, которые у противника выдвинулись из тыла. Тут уж ушки на макушке, точность наводки решает успех дела. Что такое? Новые команды на открытие огня даются на старом прицеле, оказывается, бойцы поднялись в атаку, но залегли под обстрелом врага. Значит, огневые точки фашистов при артподготовке не поражены, ведь это доты, дзоты, начиненные пушками, пулеметами, страшное дело, пехота понесет огромные потери.

Думалось, что противник нашим огневым налетом будет подавлен, деморализован. Стрелковым частям осталось подняться, с могучим боевым кличем «За Родину!» пройти эти 6–7 километров, отделявших Волховский фронт от Ленинградского. Владилен, подавай шестерку, прокати по Невскому. Да не получилось.

Наши части, преодолев жесточайшее сопротивление противника, подошли к Синявино, а дальше никак. Враг отлично понимал, что роща Круглая и Синявино – это ключ к обладанию Шлиссельбургско-Синявинским выступом. Вот он, немецкий опорный пункт «Роща Круглая». Две бревенчатые стены, с заполнением пространства между ними землей, бревнами и булыжниками, вкопанные в землю танки, минные поля и проволочные заграждения. Наши моряки впервые захватили рощу в октябре 1941 года. Но через два дня немцы снова овладели этим опорным сооружением. И опять мы пытаемся взять этот укрепленный пункт, который обороняли части СС.

Батарея получает боевое задание одно за другим, ведем огонь на уничтожение подходящих немецких подкреплений, орудия выходят на открытые позиции.

– Четвертому выйти на ОП в районе рощи Круглая, прямой наводкой уничтожить дзот с пушкой противника, исполнение 14.00, Дронов, выполняй!

Два часа! Несколько дней назад менее опасную цель я уничтожил, затратив день, ночь, день, ночь, теперь дается только два часа. Таков удел наступающего. Несмотря на опасность, на неподготовленность позиции: галопом, ма-арш! Выскочил на указанное по карте место, выполз на бугорок, вот он, дзот с пушкой у самого ската. Сигналю: «Орудие, ко мне». Подскочили, развернулись, никаких окопов и укрытий, в упор:

– Огонь, огонь, огонь!

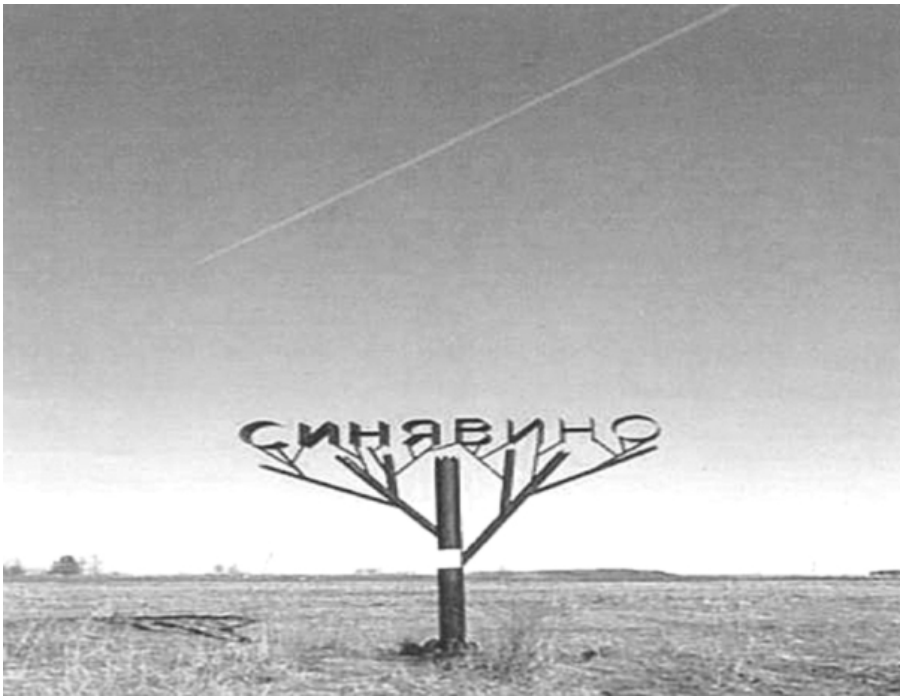
Стреляли много и хуже, чем прежде, но огневую точку разбили, приказ выполнен. Благо немец деморализован, система артиллерийского огня нарушена, одно компенсировалось другим. Не проехали и 500 метров назад, на основную ОП, видим вереницу упряжек с пушками. Наша батарея меняет место стрельбы, перемещается ближе к переднему краю с задачей сопровождать пехоту огнем. Опять не получилось, за боем бой, и ни с места.

В начале августа Военный совет Волховского фронта представил в Ставку ВГК план операции, впоследствии получившей название «Синявинская». Вскоре план операции был утвержден. Ранним утром 27 августа началась двухчасовая артиллерийская подготовка. Наступление началось на участке Гонтовая Липка – Вороново. Затем пошли части второго эшелона, опять осечка.

И снова жаркие бои разгорелись в районе Синявинских высот, которые длились с очень высоким напряжением до начала октября. С самого начала камнем преткновения, как и в прошлый раз, стала роща Круглая. Рощей она оставалась скорее по названию, чем по сути, почти все деревья были срезаны артогнем. Но деревоземляные заборы, восстановленные фашистами, по-прежнему служили серьезной преградой на подступах к Круглой. Эсэсовцы дрались за Круглую рощу («Wenglernase») с фанатизмом смертников.

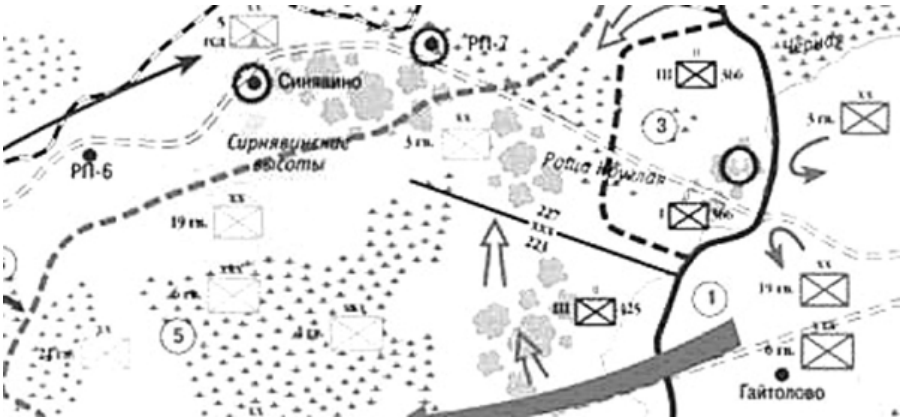
Более того, 6 сентября из рощи Круглая немец пошел «шубой», сначала обрушил на позиции шквал снарядов, мин, бомб, потом поднял и погнал пехоту. Вот тут-то мы отвели душу, мало приходилось до и после с таким удовольствием бить по живому двуногому врагу, не обращал внимания на разрывы снарядов, пулеметные очереди, вьющиеся «юнкерсы», «хейнкели», про все забыл, кроме одного: бить, бить, бить.

На этот раз снарядов было вдоволь, что редко случалось, много фрицев тогда уложили, они прут и прут, откуда у противника столько людей? Говорили, что подошла из-под Севастополя 11-я армия Манштейна, пикирующими Ю-87 пополнился авиакорпус «Рихтхофен», старый знакомый по Луге в 41-м. Насколько хватит живой силы у немцев? Они хотят оставить жизненное пространство лишь над своим «фатерляндом»? А на всех завоеванных территориях пусть останется выжженное поле? Бой был кровавый, наконец-то остановили, отогнали, заняли оборону.



Памятник у пос. Синявино

На следующий день немцы опять пошли в атаку, на передке все поднято дыбом, казалось, не останется ничего живого. Наша батарея не попала под артиллерийско-минометный удар, командир выставил посты, остальным приказал уйти в укрытия, под накаты блиндажей и землянок. Это ненадолго, на войне воюют, а не прячутся, всему свое время. Если не поддержим пехоту, фриц прорвет оборону, истребит оставшихся. Допустить этого нельзя, комбат приказал открыть неподвижный заградительный огонь.



Карта второго Синявинского наступления, роща Круглая, 27 августа – 3 сентября 1942 года

Он знал, что ставит батарею под удар, кому непонятно, что немцы перенесут огонь в глубь обороны, в первую очередь на огневые позиции артиллерии и минометов. Под нашим огнем атакующая пехота противника залегла, пехотинцы на переднем крае ожили. 10–12 выстрелов в минуту, такой вклад в победу. Случилось худшее, на огневую позицию обрушился смерч, мины врага рванули землю, их вой заполнил небесный купол над нами, воздух на секунду сделался тугим, потом смрадным, бурым. Слышны крики раненых, умирающих наших товарищей, батарейцев из первых трех расчетов.

Три орудия выведены из строя, у первого пробит цилиндр противооткатного устройства, у третьего срезана головка панорамы, поврежден уравновешивающий механизм, разбито поворотное устройство, погнут броневой щит. Второе орудие разбито вдребезги, посмотрели на него, махнули рукой, пушка отвоевалась. Погибли наводчик и заряжающий второго орудия, подносчик снарядов и заряжающий третьего, многие ранены или контужены.

Давно ли думал, что в артиллерии по сравнению с пехотой благодать, вот тебе и рай. Новый залп, мы мигом в землянку, еще один налет и навовсе добьет, сволочь. Вдруг немец прекратил огонь, видимо, полагал, что с нами кончено. Раненых перевязали, забинтовали, занесли в командирский блиндаж, кто мог, сам поплелся в медсанчасть, через некоторое время увезли убитых. На всех парах мчатся конники с пустыми передками, подхватили подбитые пушки, помчались в тыл. Обезлюдела огневая позиция второй батареи, из четырех десятков воинов остались лишь шестеро, случайно избежавших судьбы товарищей. Из младших и средних командиров остался один-единственный, да и тот красноармеец, до войны ни военного училища, ни полковой школы не оканчивал.

Это обстоятельство меня тяготило больше всего, в первый раз почувствовал, что значит быть единственным в ответе за действия в бою, за судьбы людей, за ежеминутную готовность личного состава. Умом понимаю, что смерть на войне неизбежна, но знаю, что не будет давать покоя вопрос: «А нет в гибели людей твоей вины, командир?» Сомнения усиливались трагедией поражения.

Сложилась тревожная обстановка, что нужно делать? Главное – проникнуть в душу подчиненного. Сколько раз приходилось видеть, как под натиском превосходящих сил бросали пушки,

минометы, машины, их расчеты с голыми руками удирали в тыл. Как поведут себя мои подчиненные? Всматриваюсь в каждого бойца, пытаюсь понять, на что способны в минуту испытания.

Не требовалось особой прозорливости, чтобы понять, что заряжающий Зюзин озабочен опасностью. Ему, уже опытному артиллеристу, было ясно – стоит немцу довернуть всего лишь на 0-01 деления угломера, и мы в перекрестии панорамы, в центре эллипса разрывов снарядов. Останется то же, что от трех орудий: дребезга. Он не находил себе места, не знал, за что браться, а надо было просто сидеть на снарядном ящике или на лафете, готовить снаряды. Куда девалась беззаботность, веселость, стремление подначивать товарищей. Вместе с тем, я чувствовал, что Зюзин себя пересилит, выполнит любой мой приказ.

Замковый орудия Зеленков, весельчак, любимец батареи, вел себя иначе, понимал опасность положения. Ему хотелось знать, что сделает командир, как я буду выходить из положения, что произойдет дальше, хочет помочь, сказать, что не подведет. Верю, так и будет. Отец Зеленкова запорожский казак, от него унаследовал отвагу, от матери-турчанки скромную и расчетливую деловитость. О таких говорят: казак – калач тертый, что бык упертый.

Подносчик снарядов Маленков выглядел серым, неказистым красноармейцем, этот «ни два ни полтора», ни то ни се. Не мог он приобвыкнуться, приспособиться к обстановке, служил за спиной старшего по батарее, старшины, других командиров, чувство локтя стало потребностью. Интуитивно чувствую, что боец стойкий, человек верный, стоит только стряхнуть с него шушеру неуверенности. Маленков внушал доверие именно тем, что не старался ничего доказывать, не рисовался, не кочетился, служил как-то по-домашнему.

Второй подносчик снарядов мне незнаком, он из чужого расчета, трудно вписывается в коллектив, чувствует себя, как живая рыба на сковородке. Его можно понять, пережил трагедию своего орудия, успел заглянуть смерти в глаза, чудом остался жив. В таких случаях организм человека требует хотя бы краткосрочного отдыха либо внушительного толчка извне. Все равно я видел парня волевого, дисциплинированного, верного в бою.

Наконец, телефонист Леня, трусишка, каких поискать. На связистов смотрели, как на баловней судьбы, всегда в укрытии, в блиндаже под пятью накатами. Они были вхожи к командиру батареи, к старбату, жили, как у Христа за пазухой, сидят себе, покрикивают на нас, ведущих стрельбу под огнем врага: «Быстрее, быстрее…» Однако как красноармеец Леня трудолюбивый,

исполнительный, в тяжелую минуту пересилит трусость, страх, выполнит любой приказ, невзирая на опасность.

Вот таким был орудийный расчет, уже второй состав за последние три месяца, по сравнению с первым этот коллектив был, конечно, слабее, профессионально менее подготовлен. Надо действовать, взять ситуацию в свои руки, с чего начать? Нашел ответ: с дисциплины. У нас она была без понукания, без излишней придирчивости, крепкая и осмысленная, но в боевой обстановке этот уровень должен быть выше и качественнее. Теперь мой приказ подчиненные обязаны исполнять беспрекословно, без обсуждения.

Он один вернулся из боя

– Расчет, смирно! Слушай боевой приказ! Противник контратакует, нам приказано поддержать артиллерийским огнем наступление первой роты на рощу Круглая. Быть готовыми к ближнему бою, иметь круговую оборону. Без приказа ни шагу назад. На случай прорыва автоматчиков врага и выхода пушки из строя закрепляю секторы наблюдения, рубежи обороны стрелковым оружием:

– Красноармеец Зюзин слева в 50 метров от ОП орудия, Зеленков справа, Маленков с тыла, в 50 метрах от командирского НП. Подносчик – наблюдение за воздухом, быть в готовности для оказания помощи товарищам. В траншеях оборудовать ячейки на двух стрелков.

– Можно вопрос? – обращается Зюзин.

– Можно.

– Я буду один, а копать на двоих?

– Не копать, а оборудовать опорный пункт в имеющихся траншеях. Если немцы появятся в секторе, то вы будете первым, но не в одиночку. По опыту 1941 года знаю, как трудно одному вести бой. Прямо скажу – страшно, нужен локоть товарища. Срок один час.

Приказываю телефонисту доложить на командный пункт, что расчет занимается подготовкой к круговой обороне. Начинаю тренировать:

– Немцы слева! Развернуть орудие!

Тяжела, неуклюжа наша пушка. Выдумываю новую легенду: наводчик убит, красноармейца Зюзина назначаю наводчиком орудия.

– Есть. – Тот выполняет приемы наведения орудия на цель. Тренировка внезапно окончена реальной командой с наблюдательного пункта: «По местам». Орудие ставим на позицию.

– По минометной батарее противника, прицел 70, угломер… Осколочным, один снаряд, огонь! – уже пошел бой.

– Пять снарядов, беглый, огонь! Еще пять выстрелов! – Ребята работают, как часы.

С КП передали: молодцы! Камень с моей души снят, расчет боеспособен, хотя бойцы, почитай, самоучки. Поступила команда:

– В укрытие!

Мы, как суслики, бегом в землянку, остался один часовой. Артиллерийская батарея противника стреляла вразброс, невпопад, двенадцать снарядов фриц выпустил «в молоко».

– Это не укрытие, а глазам прикрытие, – ворчит подносчик снарядов, – один снаряд на макушку, и крышка.

– Так бывает редко, – отвечает Зюзин, – помнишь, командир, как тебя откапывали, оттягивали от наката в землянке?

– Как не помнить, – отвечаю, – такое не забудешь.

Зеленков продолжает:

– Подсчитал, за сегодняшний день фриц положил вокруг нас 43 снаряда и мины. Беды наделали только те, что захватили батарейцев врасплох, не в укрытии. Земля, братки, наша союзница. Чем глубже уйдем, тем меньше потерь.

– Не скажи, командир помнит, как сидели в глубоких-преглубоких окопах. Едва при бомбежке не завалило. Бомбят, мы, как муравьи, карабкаемся вверх, не в землю, а из земли, – возражает ему наводчик.

Расставляю на места:

– Ты говоришь о траншеях слишком глубоких, а все полезно в меру.

Командование приказывает сменить ОП, занять позицию № 3, срок исполнения 45 минут, отсюда надо уносить ноги, умная команда.

– Это на прямую наводку! – ругается Зюзин. – Мы там были, видно, как на ладони, разве фрицу глаза подменили?

– Да ты не кипятись, хорошо повоевать там, где не пристреляно и не простреливается, – иронически вставляю свое слово.

Появляется конная упряжка, уносы полегче, попроворнее, коренники степенны, могучи, под шпорами Владилена лошади рванули на новую позицию. По приезду используется уже новая тягловая сила, вместо четырех лошадей пятеро бойцов, что есть мочи, толкают пушку в окоп. Леня занимается связью. Углубляем колею под колесами, закрепляем сошник, заносим снаряды в ровик. Выполз ужом на бугорок, пытаюсь разобраться и не вижу, от взрыва снарядов все в дыму, в фонтанах земли. Идут, пригибаясь, раненые, контуженные. Комбат передает:

– Огонь вести самостоятельно по обнаруженным целям.

Немец контратакует, его надо бить, а не различаю ни своих, ни противника. Присмотрелся – вдали, метрах в восьмистах от Круглой, ползут люди, форма будто бы не нашенского образца. Немцы? Может, наши передние цепи наступают, не лупанем по своим? Не спеши, взвесь все, не блох ловишь. Комбат, как на пакость, молчит, видимо, провода перебиты. Лежу, дрожь бьет, люди, орудие в смертельной опасности, я в бездействии, тяжела шапка Мономаха. Вдруг в сторону фрицев полетели одна за другой ракеты, за ними летят трассирующие пули. Вот где собака

зарыта, наконец увидел, как серая мышиная лавина тучей прет из-за Круглой. Начинаем бить по скоплению врага, людская масса передвигается, меняет направление, то остановится, то снова движется.

– Огонь, огонь!

Приятно видеть снаряды в цели, слаженно, бесстрашно воюет расчет, ребята будто не замечают пляшущие огни и фонтаны взрывов, не слышат дзиньканье пуль о броневой щит. Вот она, психология боя. Контратака противника отбита, к стволу пушки не прикоснешься, дымятся стреляные гильзы. Надо замаскироваться, ибо враг, приведя в порядок наблюдение, установит местонахождение орудия, тогда каюк. Приказа на смену позиции нет, приходится вгрызаться в землю. Заметил, что Зеленков ранен, боевой пост не покинул, рядом хлопочет «доктор» Зюзин, с такими бойцами воевать можно.

Наконец телефонист передает приказ на смену позиции, эх и рванули с переднего края в лес, на закрытую ОП! Оказалось, вернули на старое место, зачем комбат возвратил сюда, ведь вторая позиция не была обнаружена немцами? Вижу, что наводчик Маленков ранен, отправляю в тыл, становлюсь на его место.

Поступила команда на уничтожение минометной батареи противника, всаживаем три выстрела. Это для фрицев двойной удар, во-первых, налет с позиции, хорошо засеченной и с уточненными данными стрельбы, во-вторых, щелчок по престижу немецкого офицера, который не удержался от соблазна доложить об уничтожении русской батареи, а она опять открыла огонь.

– По пехоте противника, прицел 42 (ого, близко), осколочным, пять снарядов, беглый огонь!

Десять снарядов послали по уточненной траектории, наверняка фрицев положили немало. Рядом с пушкой рвутся четыре мины, получается, что по единственному орудию да целой минометной батареей, крепко мы им хвост прищемили. Ранены сразу двое, укрутили бинтами, отправили в санчасть. Уходили с тремя ногами на двоих, у одного разорван бок, у другого раны шеи и виска. Остались четверо, стало безлюдно, скорее бы ночь, в темное время немец воевал редко.

Пока команды на стрельбу нет, решил притащить ящик со снарядами, Зюзин вызвался помочь, показываю ему на второй ящик. В этот миг слышен знакомый звук полета мин, три разрыва оглушили, вдавили в землю. Лежу, считаю: «Четвертый разрыв где? Заткнули мы одному миномету глотку». Зюзин телепается на одной ноге к землянке, рана рваная, но кость не задета. В такие моменты стойкие бойцы не подают вида, перевяжут рану,

продолжают бой. Он застонал, закрутился, прихибенился, будто совсем больной. У меня было право не разрешить покинуть боевой пост, но противно смотреть на такого размазню. К тому же вероятно заражение крови, прочие осложнения, да уже и не помощник. После команды следовать в тыл, откуда прыть взялась, спустился в землянку, забрал шмотки, пошел, да еще как, из нашего пекла и безногий побежит. Чего осуждать, жизнь дорога, уйти в тыл это не полная, но все же гарантия остаться живым, по крайней мере, сегодня-завтра.

Велел передать командиру просьбу о подкреплении. Из-за бугорков показались повар и сопровождающий, ужин несут. Повечеряли, наелись досыта, еще бы, трое остались за шестерых. Ушли кормильцы, стало скучнее, сидим, ждем подкрепления, а его нет. Хотя бы охрану на ночь выставить, подойдут немцы, окружат, будет «хенде хох». Телефонист сопли распустил:

– Не хотят лишнее пушечное мясо иметь, хватит нас троих, – ошпарил своей панихидой.

Так обозлил, что едва не спустил его в землянку вниз головой, ступай, мол, в укрытие, там пушечное мясо реже бывает. Сдержался, понял его состояние, смятение, чего не полезет в голову в такой обстановке. Леня, как ни в чем не бывало, передает новую команду: бить по наступающей пехоте. Пришлось попотеть, трое остались, а КП кричит:

– Пять снарядов, огонь.

Немецкая батарея ка-ак даст минами по тому месту, где был удар утром, по пустым окопам.

– Давай, давай, – ору, сам не зная кому, – тоже минометчики-мимолетчики, – потешаюсь над немцами. Вдруг Зеленков пополз, пополз к землянке… Убит, осколки мин пересекли его тело поперек. Наступила мертвая тишина. ПК гудит, надо что-то делать.

– Доложи, – связисту говорю, – заряжающий убит.

Вместо выполнения моей команды Леня вышел из землянки, опустился на труп Зеленкова и зарыдал.

– Передай комбату, доложи! Прошу пополнения! – громко, чтобы привести в чувство, кричу ему.

Утеревшись, телефонист отвечает:

– Связи нет, наверное, накрыло КП.

Новая беда, здесь может быть немец, он пошел в атаку, что делать? Стрелять, куда? Выйти на открытую позицию, и то не на чем.

– Как проверить связь? – громко, требовательно спрашиваю связиста.

– Да идти по нитке.

Вдруг нашелся:

– Это мины виноваты, вон там перебили провод, я сейчас, – и побежал вдоль землянок по обгоревшей, покрытой пеплом позиции, то нагибаясь, то выпрямляясь. Слышу, как в трубке зашуршало, есть связь. Уступаю место у телефона, неприязнь сменяется жалостью и уважением, Ленька боится, но дело делает. Поступает команда:

– По пехоте, прицел 40, отставить 38, осколочным, пять снарядов, огонь!

Мы быстрее-быстрее выпустили свои подарки на головы фрицев, по распоряжению командного пункта бегом в укрытие. Видимо, командование ожидает, что немцы снова ударят по неугомонному орудию.

– Ну что, Леня, воюем? – спрашиваю дружески.

– Не дай бог такой войны никому. Если немцы хлынут?

– Рядом с Зеленковым будем. По дважды не мрут, а однова не миновать…

С командного пункта передают:

– Приготовиться, по пулемету, осколочным, огонь, выстрел!

– Дзоту капут, – передает командование.

Леня ожил, повеселел. Наступает белая ночь, ни день, ни темь, серость какая-то. Надо переходить на ночную точку наводки, пошел в лес зажигать фонарь, который вывешивался на сосне. Захотелось походить между деревьев, уж очень красиво, уютно в лесу. Забыл о войне, хотя она гудела рядом. Желтые стволы сосен с кудрявыми ветвями показались гурьбой девушек в золотисто-зеленых сарафанах, с косами, упавшими на грудь. В своем извечном девичьем хороводе на вечерней заре выбежали на полянку из дремучего леса.

– Кряк! – рвется мина, затем вторая, третья, и еще сразу две прямо на нашей позиции. Гляжу, у самого сошника лафета лежит, скрючившись, мой Леня. Поднял руку, она вся в крови, перевернулся раз, другой, задрожал всем телом, изо рта хлынула кровь. Бросился к нему, разорвал гимнастерку, рубашку, в правом боку огромные раны, из них цевкой свищет кровь. Вот кровь останавливается, взял его на руки, хотел перевязать, нет, помучился с полчаса и умер. Беру осторожно на руки, заношу в землянку, положил рядом с Зеленковым, укрыл тщательно, как будто им от этого легче станет. Сел рядом.

Что же ты делаешь, какой ценой будешь расплачиваться, немец проклятый? Впереди у этих ребят была счастливая жизнь… И я не выдержал. Не плакал, взрыд, стон, вырвавшийся из груди, вот что это было. Не от кого скрывать горе, слабость, изнеможение. Братушка, сеструшка, неужели и вам так

приходится, где вы? Юша, ты писал мне: «Бей немца, будь смелым и бесстрашным». Бью, дорогой мой, сколько есть сил. Насчет бесстрашия пока не получается, страх, он рядом, во мне, вокруг меня. Жутко смотреть на муки товарищей, страшно умирать самому, да еще когда один, кругом один. Видишь, братеник, какой из меня вояка, только я об этом, кроме тебя, никому не скажу: казак же!

Последние слова «казак же» вывели из минуты слабости, говорю себе: «Будем драться, теперь я один, не попадет вражина-немец». Оживился, сбросил гнет отчаяния, бросаюсь к орудию, на прежних данных стрельбы, лишь прибавив прицел на четыре деления, открыл огонь. Начав стрелять, окончательно пришел в норму, тут же опомнился: стой, стрельбой в белый свет фашиста не убьешь, своим можешь беды натворить. Связываюсь, чтобы доложить о случившейся беде, оттуда:

– Почему не отвечаете? Кто стрелял? Кто дал команду?

– Я стрелял. Телефонист дал команду, убитый Ленька.

К телефону подходит комбат:

– Как случилось?

Сбивчиво, перескакивая с одного на другое, докладываю:

– Ходил фонарь зажигать. На ОП обрушились мины.

– Вас двое осталось?

– Один.

– Как один?

– Зеленков убит, раненые ушли.

– Утром подмогу пришлю.

– А ночью?

– Некого, потерпи. Стреляешь здорово, последние данные откуда взял?

– У Лени, у мертвого.

– Понимаю. Больше так не пали, накажу.

В трубке затрещало, связь оборвалась, потом узнал, «Первого» вызвала «Заря», мне туда хода нет. Через некоторое время:

– Слушай мою команду, по пехоте противника прицел 44, угломер… Осколочным, пять снарядов, беглый! Запомнил? Лупи.

Побежал к орудию, сам себе приговариваю, вот тебе беглый, вот тебе скорее. Вместо 5–6 секунд, как было раньше, затрачивалось не менее 15–20. Доложил по телефону.

– Видим, хорошо легли. Будь на приеме, – сообщает связист, – подзаметили крупную дичь.

– Под какую дробь?

– Наверное, осколочным.

Лихорадочно навинчиваю колпачки, готовлю снаряды. Один, как перст, жутко.

– По пулемету, прицел 48, осколочным, огонь!

Бегу к орудию, устанавливаю данные прицела, навел, подготовил снаряд, зарядил, уточнил наводку, шнур, выстрел. Иду в землянку, докладываю, оттуда:

– Правее 0-04, огонь!

Снова к орудию, кое-как отстрелялся. Внедряю рацпредложение: батарейки располагаю под стенку орудийного окопа, трубку на голову, телефон поставил на лафет. Вновь приказ на открытие огня, выполнил медленно, но быстрее прежнего, опять меня обстреливают, батарея озарилась взрывами артснарядов.

– Не попадешь, я тебе сказал! – ору, придав себе храбрости, залезая под пушку. Услышал громовые раскаты с позиции третьей батареи нашего полка, она повела огонь по обнаружившейся немецкой артиллерии.

Эврика! Что если трубку привязать к голове так, чтобы микрофон был у рта, клапан включения прижать наглухо, замкнув электроцепь. Руки освободились, обязанности телефониста упрощены. Колпачки снарядов надвинтил, совсем снимать нельзя, ибо взорвусь, снаряды уложил под ноги и на колени. Операции заряжающего сократились наполовину, только замкового никак не упразднишь. Не беда, руки освободились за двоих, замкового и наводчика. Боевой расчет 4-го орудия в полном составе! Сам дневальный, сам дежурный, сам товарищ старшина, только в лес на пост некого поставить, на нет и спроса нет. Вдруг прямо в ухо:

– По минометной батарее противника, левее 0-50, прицел 62, осколочным, огонь!

Через 7–8 секунд выстрел.

– Быстро ты…

– Кто умеет, долго ли? – отшучиваюсь.

Три снаряда, один за другим, пошли, милые.

– Что у тебя за взрыв? – спрашивает телефонист. Клапан-то перевязан, «разговор» пушки им слышен. Пять снарядов впорол по немцу, пришлось попотеть, как на пакость, колпачок никак не свинчу, отложил снаряд, взял другой. Жарко стало, но на душе легко, забыл о бедах и невзгодах. На горизонте сверкнули молнии выстрелов, по телефону команда:

– В укрытие!

Не успел под пушку залезть (до землянки не успею!), как вокруг один за другим стали рваться снаряды, аж 105-миллиметровые. Немец подумал, что русский медведь сидит в бронированной и железобетонной берлоге, за 20 часов боя выкурить 75-миллиметровыми не удалось, вот и начал долбить

фугасными. Доложил, что снаряды ложатся на меня, телефонист отвечает словами комбата:

– Сейчас закроем ему пасть. Левее 0-03, три снаряда.

– Долго ли, кто умеет.

– Наловчился ты.

– Нужда научит.

Вижу зарево, потом слышу звуки выстрелов справа от меня, догадался, полк ведет огонь по немецкой 105-мм батарее, меня осаждавшей. Понял, что фриц не может смириться с моей живучестью, бьет по орудию то одной, то другой батареей, что и надо нашим артиллеристам, сейчас гансам будет капут. Плати, немец, наличными, поражение подразделения обернулось победой, не менее трех немецких подразделений уничтожены за эти 20 часов.

Мне отбой, растянулся вдоль лафета, голову засунул под механизм прицеливания, под защиту броневого листа, размечтался. Июльские и августовские ночи в Прилужье не такие, как донские, не похожи. Не здесь родились русские песни о ночке темной. Донская ночь, она, как родная мать, и укроет, и обнимет, и убаюкает. Южная ночь бездонна ввысь, беспредельна вширь, звезды крупнее, ярче, кажутся теплыми, не такими далекими. А вода донская! Она теплая, светлая, мягкая, нырнешь с открытыми глазами и любуешься жизнью под водой… Не такие ночи на Луге. Даже звезды, и те какие-то синие, мелкие, далекие. И небо, и земля, и лес – все другое. Дожди нудные, моросящие. Даже ветерка нет, как у нас на Дону: ароматного, с полынком и чабрецовой горечью. Тутошний болотом отдает. А какие здесь комары, это истязатели, кровопийцы, из-за них ни полежать спокойно, ни похлебать из котелка, не спеша. Недаром народ создал поговорку: своя сторона по шерстке гладит, чужая – насупротив.

От Дона мысль отправилась в степь, к балкам, к полям. У сенокосной делянки за буераком Будариным лежим с братом Ефимом на арбе, по грядушки заваленной сухой травой, калякаем. Уже темнеет, поднялось бурлацкое солнышко. Я слушаю, а братка до вторых кочетов рассказывает былины русские и донские, про чертей, сатану и всякую прочую нечисть. О том, почему наша река называется Дон-Иванычем, вольным, Тихим Доном, как лучшие сыны казачества бились и побеждали в схватках с врагами Родины. Свой родной Дон славили, но и косточки-головушки складывали в степях ковыльных, в краях чужбинных. Засыпаю под звездами, а он говорит, говорит под ночную музыку степи.

Светает, проснувшись от утреннего холода, радуюсь первым

лучам солнца, с усмешкой вспоминаю прошедший кошмар ночи. Оказывается, быки-супостаты уходили на потраву, Юня бегал их возвертать, я оставался один, вот так, как сейчас. В темноте проснулся, натерпелся карачуна, что-то грызло мои бока, потом оказалось – кости петуха, днем выброшенные. Испуг по мне пешком ходил, но поборол себя, не заревел даже, преодолел ночной детский страх. Радовался вместе с первым жаворонком, бившимся в солнечных лучах. Вот он поет, трепетным комочком, коротенькими крылышками бьется о воздух. Братушка, братушка, где ты теперь…

Вдруг слышу голос комбата:

– Как дела, чего не в духе?

– Дела, как сажа бела. Сижу, как сыч. Тот спит и видит, я не сплю и ничего не вижу, в лесу, как в норе. Немцы подберутся, вместе с пушкой в мешок положат и унесут.

– Ну, браток, потерпи часок-другой, пришлю людей. Ты вот что, выпей чаю крепкого. Чифир не пробовал?

– Дымку пробовал, водку, вино, этого не знаю.

Рассказал комбат рецепт, чифирок получился отменный, ароматный, черный, горячий, выпил стакан, вправду полегчало. Немец проснулся, передний край ожил, пушки бабахают. Ждал утра и дождался.

– По блиндажу огонь! – командуют с КП.

– Выстрел! Три снаряда!

– Почему тебя плохо слышно?

– Батарейки сели.

– Проверь проводку, клеммы. Может, где замкнуло.

Со мной связывается комбат:

– Пойдут двое, смотри, не перестреляй, еще примешь за немцев.

– Это запросто, ко мне вход-подход запрещен.

Минут через 40–50, когда уже совсем рассвело, показалась подмога. То бегут, то остановятся, нагнутся, снова бегут, заслышав звук выстрела, падают плашмя, опять встают. Понял, что связисты идут «по нитке». Пришли, осмотрелись, спрашивают:

– Что у тебя?

– Не знаю, батареи сели или замкнуло.

Спустились в землянку, увидели зелье, как ужаленные, заорали:

– Смотри, смотри, чем он тут занимается, алкаш, чифир пьет.

– Чего вынюхиваешь, меняй батареи, да уматывай, метись отсель.

Они больше вскипели, дескать, должны расследовать, почему сели батареи. Рассказал, как всю ночь стрелял, клапан был

прижат, цепь замкнута. Целый бой разгорелся на площадке орудийного окопа.

– Позови комбата, – талдычит сержант телефонисту командного пункта.

– Докладываю: он пьяный, чифиритик, мать его… Телефон вывел из строя сознательно, притянул клапан. Судить таких надо, я доложу!

Комбат прервал его разговор:

– Дай трубку Дронову.

– Не понимает связист, не было другого выхода, рук не хватало, – докладываю без всякого вступления.

– Ты мог отпустить клапан, когда не стрелял.

– Я пробовал отпускать. С прижатым телефоном огонь вести в несколько раз быстрее.

– Ладно, позови сержанта.

– Слушаю, товарищ старший лейтенант, – представился тот.

– Кто тебя учил так разговаривать? Позывных не знаешь?

– Виноват.

– Дронов плохой телефонист, это верно. Но у нас есть телефонисты похуже. Он один день и ночь, за шестерых и за себя, под огнем трех батарей. Один, ты понимаешь? Я вас туда не посылал, когда все дыбом стояло. А ты – вредитель, судить.

Почти отстранив сержанта от микрофона, все больше проникаюсь уважением к комбату. Разговор окончен, мой обвинитель лабунится, мир восстановлен. Сержант внезапно повторяет команду:

– По пехоте противника, три снаряда!

Бросаюсь по казачьей развязке, как угорелый, в снарядный погребок, хватаю ящик, бегом к орудию. Установил данные стрельбы, определил точку наводки, навел, хотел стрелять, а пушка не заряжена, забыл, что один. Шеметом бросаюсь за снарядом, вытираю, отвинчиваю колпачок, зарядил, закрыл затвор, уточнил наводку. Шнур! Снова заряжаю, снова выстрел.

– Левее 0-02, три снаряда, беглый! Быстрее, быстрее, – передают с командного пункта.

Выстрелы следуют один за другим, от орудия жар, от меня пар, мои помощники стоят, разинув рты. Показал телефонисту рукой, чтобы принес ящик со снарядами. Тот должен был положить опасный груз плашмя, но впопыхах бросил на угол.

– Что ты делаешь? – кричу на него.

Бедняга побледнел, ожидая взрывов, сержант юркнул в землянку, обошлось. Снаряды на исходе, доложил командиру, тот отвечает:

– Хватит.

Неужели блокада прорвана, наверное, встретились с ленинградцами.

– В укрытие! – передает начальство.

Мы и сами услышали залп немецкой батареи, бегом в землянку, к Лене и Зеленкову. От них уже трупным запахом отдает. Сидим, а ганс беснуется, вновь бьет из 105-мм орудий.

– Одного такого «дурака» на всех троих хватит, – печалится телефонист.

Земля ходуном ходит, с потолка через стволы наката просыпается песок, вход в землянку обвалился, нам – куда денешься, сидим, дрожим. Дождались окончания обстрела, только тут почувствовал, как тяжко устал, двенадцатый день нашего наступления, сколько товарищей потерял! Упасть бы, забыться, заснуть.

– Давайте, – говорю своим молодцам, – хлебнем по стаканчику чайку.

– От твоего чаю на стенку полезешь.

– Лучше на стенку, чем под лавку.

Выпил стакан, потом второй, совсем повеселел. Новый день наступил, немец продолжает теснить наши части, неужели все понапрасну, не прорвем блокаду? Появилась подвода, понадеялся, что снаряды везут, оказалось, что похоронное отделение «воюет». Погрузили товарищей на телегу, попрощались, втроем дали два залпа по погибшим, долго стояли, смотрели вслед удаляющейся команде.

Мчатся «Ветерки», узнаю почерк Владилена, прощай, огневая позиция, сколько жизней ты поглотила. Подумалось по недоразумению своему, что здесь, на этом бугорке синявинской низины, среди болот и лесов, на мне одном свет клином сошелся и фронт держится. Ничего нет удивительного, для солдата война, фронт, враг – это то, что перед ним, тот самый клочок земли.

Приехали на новую огневую позицию, батарейцы помогли установить пушку, командир выдал новые данные стрельбы, орудие готово к бою. С той поры его так и стали называть – «дроновское». После этого эпизода всю войну стремился, чтобы мой позывной был – «Дон». Постепенно укомплектовали расчет, большинство батарейцев не знакомы, в спешке собраны из тыловых подразделений.

Командир долго жал руку:

– Выжил, молодец, товарищ «плохой телефонист».

Связисты быстро разнесли слова комбата, в боевом листке появилась статья с таким названием, подробно описывался 24-часовой бой нашего орудия. Похвалам конца не было, в конце автор заметки добавил: «Как на Дону говорят: и один в поле воин,

коль по-казачьи скроен. Но нам, артиллеристам, надо знать в совершенстве не только артиллерийское дело, но и связь, изучать не только орудие, но и телефон».

У меня новый расчет, давно ли, всего три месяца назад, назначили подносчиком снарядов к старшему сержанту Рубежанскому, нет тех людей, погибли. 16 дней тому назад, перед самым наступлением, был укомплектован второй, нет и этого. Молох войны, ненавистное чудовище, поглотил и его. За три месяца третий расчет, я уже ветеран, вот как спрессовалось время.

В октябре командир полка перед строем батареи вручил правительственную награду – медаль «За отвагу». Я не ожидал такого, стою в смятении, не ослышался, меня ли? Лишь когда командир батареи лейтенант Савинов, видя замешательство, подал команду: «Дронов, три шага вперед», понял, что это про меня. Первая награда, в нашей батарее тоже. Были после и более значительные боевые дела, более высокие награды, но такого счастья, такой радости я не испытал более никогда.

В памяти живут друзья, вижу их молодыми, жаждущими жить, растить детей. После войны я узнал, что в Синявинской операции было потеряно более 20 % личного состава Ленинградского фронта. В сентябре на передний край через наши боевые порядки прошли войска прорыва третьего эшелона, в наступление пошла 2-я ударная армия. Бои разгорелись с новой силой, но опять блокаду не прорвали.

Э. фон Манштейн впоследствии так описал эти бои: «Если задача по восстановлению положения на восточном участке фронта 18-й армии и была выполнена, то все же дивизии нашей армии понесли значительные потери. Вместе с тем была израсходована значительная часть боеприпасов, предназначавшихся для наступления на Ленинград. Поэтому о скором проведении наступления не могло быть и речи».

В поэме «Битва на Волхове» фронтовой поэт Чивилихин напишет:

За боем бой. И все ни с места,
Лишь крик встающего с земли.
И вот встают у Круглой рощи
За ленинградцем туляки,
Воронежцы, сибиряки.
Семь дней сраженья. Что в итоге?
Почти все те же рубежи.
Так в чем же дело? Войско слабо?
Противник дьявольски силен?
Итог значителен. Вот он —

Приказ германского генштаба:
Штурм Ленинграда отложен.

Лишь в январе 1944 года силами 12 дивизий советское командование нанесло удар по Шлиссельбургу, к Ленинграду был пробит 10-километровый коридор. Наконец-то была взята роща Круглая. Впервые за 17 месяцев город получил связь с большой землей.

Сохранился документ, выданный командованием батареи 262-го артиллерийского полка, его дали на руки, когда уезжал на учебу.

Боевая характеристика

На красноармейца Дронова А.Т., рождения 1916 года, по соц. положению служащий, по национальности русский, кандидат в члены ВКП (б) с 1942 года. Образование высшее.

В Отечественной войне с 22 июня 1941 года, в боях с немецкими оккупантами показал себя мужественным, стойким и дисциплинированным бойцом.

За короткое время овладел артиллерийским делом.

18 июля 1942 года в районе «Круглая роща» (Волховский фронт) работал наводчиком, его орудие разбило ДЗОТ с пулеметом, 2 жилых блиндажа, повозку с боеприпасами и уничтожило до 15 человек пехоты противника.

За июль месяц 1942 года в составе орудийного расчета разбил 4 ДЗОТа с пулеметами, 2 повозки с боеприпасами и сжег автомашину противника.

С 27 августа 1942 года по 7 сентября 1942 года тов. Дронов работал командиром орудия. Его орудие разбило 6 жилых блиндажей, 2 ДЗОТа с пулеметами, 2 автомашины противника, подавил огонь 5 минометных батарей противника и уничтожил до 30 человек пехоты противника.

Политически грамотен, морально устойчивый, в трудный момент решительный. Пользуется авторитетом со стороны подчиненных.

Командир 2-й батареи Комиссар 2-й батареи
лейтенант Савинов мл. политрук А. Орлов
6.10.42 года

Стоит глянуть на пожелтевший лист бумаги, на знакомые росчерки, как наваливается одно воспоминание за другим.

Хочется поехать туда, под Синявино, в рощу Круглую, низко поклониться праху боевых побратимов.

Часть II. Битва за Тамань

Четыре смерти под Новороссийском

Семь месяцев я прослужил командиром 76-мм пушки, затем военная судьба подарила полгода учебы в Киевском училище самоходной артиллерии, которое было эвакуировано в Приволжский округ. С июня 1943 года назначен командиром самоходной артиллерийской установки. Долгое, по фронтовым меркам, время служил в 1448-м самоходном артиллерийском полку 9-й пластунской стрелковой Краснодарской Краснознаменной, орденов Кутузова и Красной Звезды добровольческой дивизии, кстати, это единственное пластунское воинское соединение СССР в Великой Отечественной войне.

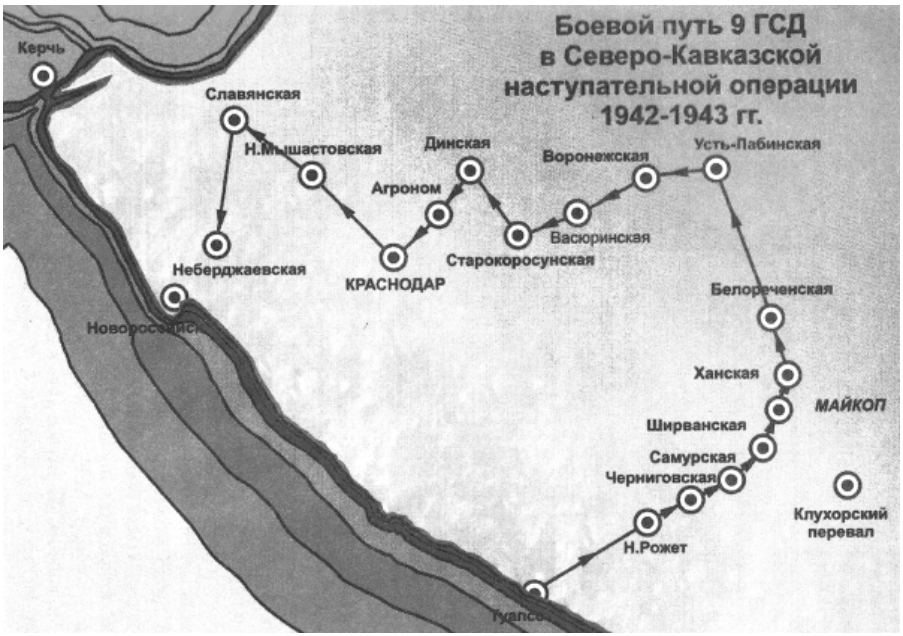
Командовал дивизией с мая 1943 года и до конца войны полковник Петр Иванович Метальников. Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин лично принял его по вопросам комплектования дивизии и вручил генеральские погоны. Дивизия находилась под контролем И.В. Сталина, а использовать ее на том или ином направлении дозволялось только с разрешения Ставки. П.И. Метальников был боевым генералом, награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, удостоен высокой генеральской награды – ордена Кутузова II степени.

Личный состав состоял в основном из кубанских казаков. В своих воспоминаниях С.М. Штеменко пишет: «Пластунская дивизия всем своим видом радовала глаз. Подразделения – полнокровные. Бойцы – молодец к молодцу. Много бравых стариков добровольцев с георгиевскими крестами на груди. Одеты все с иголочки в бешметы и кубанки».

Генерал-майор Петр Иванович Метальников, 1945

Командиром 1448-м самоходного артиллерийского полка был Василий Акимович Гуменчук, опытный военачальник, в кадрах РККА служил с 1928 года. Прошел все ступени офицерской карьеры – от младшего лейтенанта до полковника. В боях под Миллерово в начале 1943 года артдивизион под его командованием уничтожил 20 танков, 30 автомашин с пехотой противника. Вскоре он стал заместителем командира полка. В районе Терновой командир полка был убит, его заместитель взял командование на себя, вывел полк из окружения с матчастью и с личным составом, при этом уничтожил еще четыре танка. За эти подвиги капитан был награжден орденом Красного Знамени. В

Польше под его командованием наш артполк крушил и «Тигры», и «Пантеры», в боях за город Коршув истребили 900 немцев. Всего три ордена Красного Знамени и орден Красной Звезды получил наш боевой командир. В конце войны полковник В.А. Гуменчук был удостоен высокой офицерской награды – ордена Александра Невского. С таким командованием служить да служить.



Боевой путь 9-й гвардейской стрелковой дивизии в Северо-Кавказской наступательной операции 1942–1943 гг.

Самоходная артиллерия была подразделением прямой наводки. СУ-76 предназначалась для огневой поддержки пехоты. При правильном использовании новые пушки хорошо показали себя как в обороне, при отражении атак пехоты и танков, так и в наступлении, при подавлении пулеметных гнезд, разрушении дотов и дзотов, а также в борьбе с контратакующими танками. Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский вспоминал: «Особенно полюбились солдатам самоходные артиллерийские установки СУ-76. Эти легкие подвижные машины поспевали всюду, чтобы своим огнем и гусеницами поддержать, выручить пехоту, а пехотинцы, в свою очередь, готовы были грудью заслонить их от огня вражеских бронебойщиков и фаустников…»

Наши пушки были лучше немецких этого типа. Бойцы-самоходчики вооружались новейшими образцами личного оружия. Автомат ППШ-71 в два раза скорострельнее хваленого

немецкого МП-40, да и понадежнее в бою, безотказный. Для самообороны имелись ручные гранаты Ф-1, пистолеты, а также переносный пулемет ДТ.

Вновь сформированные части владели огнем, который, с одной стороны, сильнее и прицельнее танкового, с другой – маневреннее и действеннее полевой артиллерии. В первые годы войны тяжелую пушку образца 1902 года ночью на четырех лошадях, на деревянных колесах, мы как можно ближе подвозили к выбранной огневой позиции, расчетом из 5–7 человек выкатывали на руках. С наступлением светлого времени производили несколько выстрелов, быстро покидали огневую позицию, из последних сил волокли орудие в укрытие, подтаскивали к лошадям. Это происходило под огнем противника.

Для самоходчиков большинство трудностей братов-артиллеристов снято, не они пушку тащат, а она их возит, так как укреплена на танковой основе, только нет вращающейся башни. Возникли новые трудности, горячие головы считали, раз на танковой основе, то и действуйте, как танкисты, сопровождайте пехоту огнем и гусеницами. Тогда самоходки горели, как спичечные коробки. Не раз приходилось слышать, как командир полка подполковник В.А. Гуменчук пытался защитить свои подразделения от горячих голов с танкистскими замашками. Самоходная артиллерия в боях вырабатывала свою тактику боя, но не всегда удачную. Бывало и так: отважные зарывались далеко вперед и горели, трусливые болтались сзади, постреливали издалека и не выполняли боевую задачу.

В феврале 1943 года в окрестностях Новороссийска в непогоду и стужу был высажен морской десант. В результате ночного боя моряки захватили плацдарм шириной до четырех километров. Сзади морская пучина, контролируемая немцами с воздуха, с земли и с моря. Сбоку горы, с которых пристрелян каждый метр, а спереди опорные пункты врага. Но подразделение майора Куникова, а за ним и другие части, оборонявшие Малую Землю, – выстояли. Лишь к сентябрю стала возможной операция нашей армии по освобождению Новороссийска.

Вот он, этот город казачьей трагедии. Отсюда казаки в 1920 году пытались эвакуироваться в Турцию. Брошенные лошади тысячными табунами бродили по известковым склонам, окружающим Новороссийск. Эти горы были молчаливыми свидетелями страшной драмы казачества, ее одного из последних аккордов. Невольно всматриваюсь в них, не увижу ли черные точки пасущихся донских коней… Защемило, заныло в груди. Где-то здесь сгинули два моих дяди полковники Кирилл

Константинович и Леонтий Константинович Дроновы[2].

И вот время «Ч» – 2.44. В эту минуту ударили 800 артиллерийских стволов и 227 «Катюш», поднялись в воздух сотни бомбардировщиков. Шесть дней и шесть ночей шли бои. Встретиться с малоземельцами довелось 15 сентября. Мы подошли к правому крылу дома, где оборонялись десантники. Посылаю заряжающего Алексея Святкина на второй этаж дома, чтобы разведать цели и определить новую огневую позицию. Слышу стрельбу из автоматов, бегу на помощь. Оказывается, подразделение моряков ведет бой с наступающими немцами.

Я и Святкин вошли в дом, наперерез выскакивает вражеский солдат, но не «ариец», а из воинства Антонеску. Подлюка, не сдается, вытягивает руку с пистолетом, готовясь выстрелить. Из положения согнутой руки нажимаю на спуск своего ТТ. Выстрел, опережаю! Он падает, Алексей пришивает к полу автоматной очередью: «Получай жизненное пространство!» Оставляю заряжающего для охраны входа, взбегаю на второй этаж. Там взрыв снаряда, слышу крепкую русскую речь, совсем не литературную. Наши! В комнате дым, гарь, кирпичная пыль, смрад сгоревшей взрывчатки. Это немецкая батарея произвела залп по окнам дома, из которого малоземельцы вели интенсивный огонь. Осколками тяжело ранило двоих моряков.

– Танкисты, братишки! Мы куниковцы. Теперь добьем немчуру, – десантники благодарят меня, жмут руки.

Оказалось, что это бойцы 393-го отдельного батальона морской пехоты под командованием капитан-лейтенанта В.А. Ботылева. Они семь месяцев держали Малую Землю. Нам моряки показали, как можно подойти к вражеской пушке, выбираем огневую позицию. Немцы непрерывно ведут огонь на поражение, надо немедленно уничтожить. Но как? У фрицев преимущество – пристрелянное пространство. Если выйдем из-за укрытия и чуть помедлим, то погибнем. Кто кого, у кого больше мастерства, тот победит. Даю сигнал: вперед. Механику красный: стоп! Наводчик орудия Василий Шустеров почти с ходу бьет по цели. Промах, недолет.

– Это чтобы немчуру ослепить, – кричит наводчик. И правда, еще 4–5 беглых, и вражеская пушка захлебнулась. Морячки бросились вперед. Слышим стук в дверцу самоходки, офицер морской пехоты благодарит с довольной улыбкой:

– Ловко заткнули ему пасть.

После того как мы прямой наводкой уничтожили орудие, был еще пулемет, три дома с засевшими автоматчиками, ячейки с противотанковыми ружьями. За этот бой командир 5-й гвардейской Новороссийской танковой бригады наградил наш

экипаж орденами и медалями. Я был награжден орденом Красной Звезды.

16 сентября Новороссийск освободили. Выполнив задачу, наша вторая батарея СУ-76, израсходовав боеприпасы и горючее, сосредоточилась на склоне одной из высоток окраины города. Две установки направились в ремонт, наша, с позывными «Дон», выведена из боя преследования, пополняем боекомплект снарядов, заправляемся горючим. Обслуживание заняло немного времени, тыловые службы стали действовать оперативно, быстро и точно. Война жучит, война и научит. Навели порядок в самоходке, пообедали, к бою готовы, экипаж в сборе, ждем приказа. Мало самоходок полка пошло на передний край, даже двух батарей не укомплектовали. Потери пехоты в Новороссийске за эти дни такие, что вот-вот комполка вызовет на передний край, опять в бой.

– Сделал дело, гуляй смело, – говорит Шустеров, берет книгу М. Шолохова «Тихий Дон», поудобнее устраивается позади самоходки, собираясь чтением заполнить время отдыха.

– Вот бы вздремнуть часика по три на каждого, – позевывая, недвусмысленно высказывает пожелание механик-водитель сержант Павел Хижняк, добавляет:

– Голова гудэ, як киевский колокол.

– Тебе что-о! Посидел бы на нашем месте, у казенки орудия. Вот где гром-гроза при каждом выстреле. Только за вчерашний день их было больше сотни. Не знаю, крупные ли дырочки в барабанных перепонках. Но то, что они уже дырявые – факт, мне врач давеча сказала, – вступил в разговор Святкин.

– Вздремнуть можно, – говорю, – правда, по три часика на каждого вряд ли придется. Пока отдыхайте, я спать не буду.

Хижняк приглашает Святкина в ровик под самоходкой, там спокойнее, вроде как укрытие от шальных снарядов.

– Береженого Бог бережет, – говорит он заряжающему.

– Только не галдите, верующие нашлись, – выговаривает Хижняку Шустеров, продолжая, – на Бога надейся, сам не плошай, вернее будет.

Василию, как и мне, не спится, не прошло напряжение от боев за Новороссийск, трудно подсчитать, сколько раз подвергались смертельной опасности, можно сказать все дни и ночи, ежечасно, ежеминутно. Смерть четырежды была в глазах, страх хозяйничал, как дома, чем немцев побороли, не знаем. Был поединок с пушкой, преградившей своими осколками путь наступавшим малоземельцам, отражение двух контратак противника, когда огонь приходилось вести под шквалом разрывов немецких мин и снарядов, не просто прямой наводкой, а

прямо-таки в упор, до последнего снаряда, до крайней возможности. Последний боеприпас для артиллериста страшное дело, после него выходи из самоходки, защищай себя и ее автоматом, гранатой, кинжалом. Успокаивало лишь то, что враг изгнан из города, в развалинах, воронках и траншеях нашли себе конец немецкие вояки, чьи зловонные трупы еще валяются в пыли, в лужах их собственной крови, под несметными полчищами иссиня-черных трупных мух.

Шустерову было ясно, что чтение книги, даже письмо жене, его любимый отдых, сегодня не получатся, заводит, вызывает на разговор:

– Лейтенант, почему цари придумали здесь город поставить, ни подъехать, ни подойти.

– Зато подплыть легко, смотри, какая бухта.

– Только что бухта…

– А Ленинград твой – болота кругом, наводнения.

– Так то Ленинград. Окно в Европу!

– Здесь Новороссийск, окно в Азию, в Европу, в мир.

– Я и не подумал. Давно этот город строился, раньше Петербурга?

– Нет, позже, попервости, в Петровские времена, тут была турецкая крепость. Наши ее разгромили в 1812 году. Новороссийск основан при Николае I в 1838 году. Постепенно стал крупным городом, крепостью и портом.

– Я думал, вечно русским был. Во время Севастопольской войны кто владел?

– В Крымскую войну Новороссийск проявил себя часовым на рубежах Родины. История у него богатая и особенная. Здесь решались задачи особой значимости.

– Флот тут был затоплен, забыли? – подает голос из-под самоходки Святкин, оказывается, не спал, слушал разговор.

Я продолжаю внезапно возникшую политинформацию:

– В июне 1918 года здесь, в Цемесской бухте, моряки предпочли гибель кораблей позорной жизни в плену. Они затопили часть Черноморского флота, чтобы он не попал в руки кайзеровской Германии. 25 лет разъединяют два немецких вероломства на нашей земле. Вся история Германии – это разбой и глумление над соседними народами. История превращения страны и народа в нацию вооруженных разбойников. Этим городом в 1942 году поперхнулся Гитлер. Ухватился, пытался проглотить, не смог. Целый год длилось боевое противостояние наших войск и немецко-румынских. Тот домик видишь? Он стал занозой в глазу гитлеровцев. Враг был остановлен у цементного завода «Октябрь». Отсюда наши войска пошли в наступление.

Малая Земля была особенной, 225 дней и ночей моряки-десантники под командованием Цезаря Куникова удерживали плацдарм. Есть ли такая земля в Европе, Африке и Америке? Приятно, что наша славная самоходочка своими гусеницами, своим огнем оставила след в истории Новороссийска!

Святкин выкарабкался из-под машины, подсел ко мне, лукаво посматривая, спрашивает:

– Лейтенант, признайся, здорово напугался, когда румын чуть не укокошил?

– Напугался, Леня. Как опередил своим выстрелом, не представляю. Век буду благодарить свой ТТ, он меня спас.

– Я не мог выстрелить, засмотрелся в подвал, а вражина из-под лестницы вылез.

– Что об этом говорить, спасли быстрота в открытии огня, тренировка. Больше пота в учениях, меньше крови в бою.

– Не успел он упасть, как я тоже всадил очередь. Не испугался, а разозлился. Вот гад, не поднял руки, не сдался, хотел командира убить. Знаете, когда по-настоящему убоялся?

– Лучше скажи, когда ты не трусил, – состроил подсмешку Шустеров.

– Помнишь вторую контратаку немцев, когда ворвались на первый этаж? Если бы не ты, ей-богу драпанул, орешь, как оглашенный: давай, давай, быстрее.

– Зря пугался, дом был в руках куниковцев. Я не думал уводить самоходку с огневой позиции. Самая критическая обстановка сложилась при первой контратаке, утром. Когда звездочку снесло взрывом, машина осталась на одной гусенице. Немец лавой идет, бить нечем, снаряды на исходе. Оставалось брать гранаты, автоматы, защищать самоходку.

– Я не боялся, рядом траншеи. Из самоходки бегом в окопы, догоняй наших, – сдуру ляпнул незадачливый вояка.

Шустеров прищемил хвост заряжающему:

– С ума спятил, останься мы с лейтенантом живыми, до траншеи не дополз. Пристрелили бы на месте. Добежал до тыла – под трибунал. Оттуда две дороги, одна на расстрел, другая в штрафную роту.

– Знаю: приказ № 227 от 28 июля сорок второго года. Ни шагу назад без приказа высшего командира.

Мне пришлось закрепить сказанное, добавить из истории казачества. Рассказал, как ветераны учили новобранцев на Кавказской войне, где воевали под началом легендарного казачьего генерала Я.П. Бакланова. О нем рассказывали: «Командир такой, что при нем и отца родного не надо. Последнюю рубашку снимет и отдаст, в нужде твоей выручит. Но

на службе, братцы мои, держите ухо востро: вы не бойтесь чеченцев, а бойтесь своего асмодея: шаг назад – в куски изрубит!» Добавил Морским уставом Петра I: «Которые во время боя оставят свои места, дабы укрыться, то будут казнены смертию».

2-я батарея СУ-76, вверху слева заряжающий орудия Алексей Святкин, старшина батареи Сапар Худайбердыев, наводчик орудия Петров, наводчик орудия Василий Шустеров, внизу слева командир орудия Иннокентий Ильков, командир батареи Александр Дронов, командир орудия Лобов

Комбат вызывает:

– Командиры самоходок, ко мне.

– Во, сейчас получите команду выделить по одному заряжающему в поход на виноград, – острит Святкин.

Приказ: «К 14.00 батарее сосредоточиться…» Вот тебе, Леша, и виноград. Закончился четырехчасовой отдых после освобождения Новороссийска.

Рвем «голубую линию»

Немцы понимали, что потеря Тамани неизбежно приведет к потере Крыма, поставит под угрозу войска на Украине. От Черного до Азовского моря они создали мощный оборонительный рубеж из двух полос, покрытых минными полями, противотанковыми заграждениями, завалами, огневыми точками с броневыми колпаками. Четыре месяца, с февраля 1943 года, они рыли свой «Тотенкопф», у нас она называлась «Голубая линия».

Сил у гитлеровцев было много, 17 пехотных дивизий, 11 отдельных частей, как пояснял на командирских занятиях комполка В.А. Гуменчук. Немцы сосредоточили полмиллиона человек, планировали соорудить над Керченским проливом подвесную дорогу, нефтепровод, мост с пропуском по нему железнодорожных составов. Вот такой плацдарм планировалось ликвидировать. Нашим 9-й, 56-й и 18-й десантным армиям привелось каждый рубеж отвоевывать в ожесточенных боях. Таков он, немец того времени.

Начались бои за освобождение Таманского полуострова. Из долгих 1418 суток войны они заняли 24 дня, помнится каждый час, каждый песчаный бугор, каждая выемка, каждый свой выстрел и особо опасные выстрелы немцев. Нам представлялось, что враг, сдав Новороссийск, безудержно покатится на запад. Он повел себя иначе, по-немецки, до остервенения упорно отстаивал полосу обороны, выгодные рубежи, опорные пункты. Умел, сволочь, воевать! Стремился к выигрышу максимально большего времени для планомерной эвакуации в Крым войск, а также всего награбленного. Батарея получила задачу сопровождать пехоту в боях за населенные пункты Абрау-Дюрсо, Глебовка, Гайдук и далее до перевала Волчьи ворота. Распроклятые ворота второй раз стали на пути, сколько летом бились за них, это единственый удобный проход через горы к Новороссийску. В оперсводках значились бои местного значения, успех обыкновенно незначительный, потери большие, стычки кровопролитные, что особенно досадно – безуспешные. Господствующие высоты юго-западнее станицы Крымской имели тактическую важность как для нас, так и для немцев. Здесь находились главные узлы обороны первой позиции немецкой линии обороны, одним концом упиравшейся в Черное море в районе Новороссийска, другим – в Азовское море около кубанских плавней.

Наступали через поселок Верхне-Баканский, в тяжелом бою полк понес большие потери. Подлый закон войны: во время наступления солдат гибнет чуть ли не в три раза больше, чем во

время отступления или обороны. Нашему экипажу повезло, все остались живы, меня легко ранило в руку, да и то по дурости, догадался держаться руками за верхний край брони боевого отделения. Зато противнику нанесли урон, повредили вражескую самоходку, уничтожили дзот, побили немало пехоты. Кто их считал, можно было отчитываться (и прибавляли некоторые), сколько вздумается, на войне как на охоте.

Ночью пришлось принять участие в эвакуации подбитой и сгоревшей самоходки, она находилась у самого переднего края. Страшное дело, вовсе не потому, что немец мог уничтожить наш тягач, стоило произвести артналет по пристрелянному рубежу. Жутко было обнаруженное в сгоревшей самоходке. При неверном свете неба и вспышках немецких осветительных ракет увидели за рычагами человека, он сидел, где обычно находится механик-водитель, даже правая рука лежала на рычаге. Скелет и не полностью обгоревшие органы оставляли тело в таком положении, в каком застала смерть. В боевом отделении бесформенная куча рук, ног, голов, всего, что не сгорело, осталось от наших боевых друзей. Вы ли это? Несколько часов назад советовались, как лучше прорваться и занять рубеж, откуда хорошо вести огонь по немецким позициям. Вот она, ваша последняя высотка…

5 мая, после взятия Крымской, погибших похоронили на кладбище станицы. Мне было поручено сказать прощальные слова. Стою на краю братской могилы, начал говорить, горло перехватило, не смог ничего вымолвить, автоматчикам махнул рукой команду: «Залп». С той поры, именно с этих похорон, хотя они были далеко не первыми, при любых подобных потрясениях не могу сдержать ни слез, ни рыданий. Говорят, что человек на войне приноравливается к тому, что с ней связано, но к гибели боевых побратимов, к страданиям человеческим привыкнуть не смог.

Таковы были бои за перевал Волчьи ворота. Теперь у нас больше сил, впереди идут танки 5-й гвардейской бригады, другие подразделения. Бои тяжелые, но здесь хоть глазам простор, воздух свежий, земля под ногами, не асфальт, не камень. Привыкли к земельке, она, как мать родная, и спасет, и обогреет, если надо, по-человечески укроет твой прах.

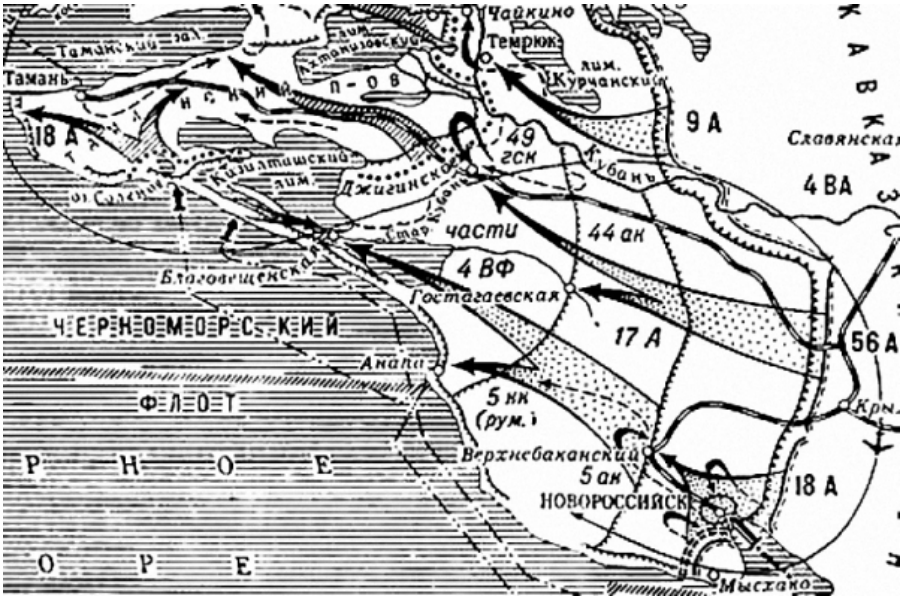
Командир второй батареи старший лейтенант Степичев был душой и организатором боя, для уничтожения огневых средств противника повзводно выдвигал экипажи. Когда немец сосредотачивал артогонь по нашим огневым позициям, быстро уводил установки в укрытия. Он закрепил за собой славу бесстрашного, хладнокровного артиллериста, на глазах у всех

грамотно разбил бронетранспортер, уничтожил пулемет, который буквально прижимал к земле нашу наступающую пехоту. Мотострелки действиями самоходок довольны, пехота второй судья. Командир полка назвал организацию боя эталонной.

К исходу 20 сентября получили боевой приказ наступать через горную гряду на станицу Раевскую. В течение всей ночи карабкались по крутому склону горы вверх, на гребень. Моторы натужно гудели, перегревались. Местами подъем был настолько крут, что самоходки захлебывались, останавливались. Наш комбат это предвидел, заранее приготовил вспомогательные средства. Забуксовавшую переднюю установку при помощи длинных бревен выталкивали на крутой подъем. Теперь она, вскарабкавшись наверх, при помощи 2–3 тросов подтягивала машину, расположенную ниже. Если движения не было, ее подталкивала бревнами снизу третья. И так всю ночь.

Недобрым словом мы припоминали этот «суворовский переход», замучились. На что комбат слово в слово процитировал Суворова: «Если я запугал врага, хотя я его и не видел еще в глаза, то этим я уже одержал половину победы; я привожу войска на фронт, чтобы добить запуганного врага».

На рассвете расположились на гребне горы. Пехоте мы были хорошим подкреплением, такую силу немцам не сдержать, самоходчики расправили крылья, дышат огнем пушек. Фрицы, видя, как с горы валом идут самоходки и пехота, почуяли себя скверно. Станица, как на ладони, вся в огне, противник удерживает южную окраину, справа обходят танки 5-й бригады, за ними пылят в дыму разрывов бронетранспортеры с пехотой 18-й десантной армии.



Новороссийско-Таманская операция, 1943

Батарея с гребня гор, произведя артналет на позиции немцев тремя-четырьмя залпами, сразу же, сломя голову, ринулась вниз, на Раевскую. «Казачья смелость порушит любую крепость». Слышим гром разрывов, гитлеровские орудия ударили по старым позициям. Нас и след простыл, задержись на минутку, получили бы по первое число, вот и думай, что лучше в бою, кто замешкался, тот проучен. Немцы, видя, как с гор валом идут самоходки и пехота, почувствовали себя в окружении, отошли к заранее оборонительным рубежам.

В самый разгар боя ворвались в станицу, оказались вблизи горящего склада с зерном. Подожгли, сволочи. Жалко было смотреть, как гибнет хлеб, самое дорогое богатство. Многое пришлось испытывать, особенно в 1941 году, но хлебное поле, зерновой бурт в огне жуткое дело. Золотисто-желтая, беспомощная пшеничка, чуть не закричит, сначала краснеет, затем буреет и обугливается. Горит от краев к центру, в середине еще целая, но как спасти? Да и некогда, пусть тушением занимаются тыловики, которые вот-вот появятся за нами. Доля самоходок идти туда, где гремят разрывы, гудят танки, где крики, команды, команды. Хочешь увидеть спину врага, не показывай ему свою. Вперед – на Анапу.

Клич бросить легче, на деле встречены и остановлены ожесточенным пушечным огнем, минными полями. Противник ввел в бой корабельную артиллерию, снарядов у него было

вдоволь, рядом Анапа, порт, склады. Разрывы следовали один за другим, самоходчикам не дают хода противотанковые, мотострелкам противопехотные мины. На этих зарядах был убит командир батареи Степичев, погиб на глазах личного состава, первым ринулся вперед, увлекая за собой. Это был замечательный человек, высокообразованный и жизнерадостный, в меру требовательный к подчиненным, твердый в сложной обстановке боя, мы тяжело пережили смерть командира. Много жизней потребовалось от саперных подразделений, пока проделали проходы в минных полях, фашистами было так много поставлено мин, что на некоторых участках их извлекали до двух тысяч штук на километр фронта. Бедная пехота, ее вдобавок косил огонь стрелкового оружия.

Шальным снарядом разбита правая гусеница, сбиты траки, подвесной каток, пришлось ремонтироваться на поле боя, запасные звенья всегда были на крыле машины. Нудное это дело – под огнем восстанавливать ясно видимую, такую «аппетитную» для врага цель. Любой фриц, который поразил, а затем сжег самоходное орудие, получал от фюрера награду, как минимум Железный крест.

Помощь оказал заместитель командира по технической части старший техник-лейтенант Суяров. Он быстро исправил нашу глупость, потому что работали на стороне, обстреливаемой немцами. Машина на одной гусенице им развернута так, что бойцы оказались на защищенной боковине. Специалист внес коррективы в технику замены поврежденных частей, мотором с помощью звездочки натянул гусеницу, лишь успевали подносить траки да вставлять пальцы (стальные стержни). Посоветовал не расклепывать, успеется в укрытии, подвесной каток не восстанавливали, можно временно без него обойтись. Преподал хороший урок военного дела мне, бывшему животноводу, призванному войной в механизированные войска.

Но все равно мы почувствовали себя с развязанными руками, вырвались на кубанский простор, видно, как ползут, передвигаются по всему фронту танки, это окружение. У немца после Сталинграда поджилки трясутся, но держится, гад. Наконец фрицы драпанули поближе к своим кораблям в Анапском порту. Мы быстро догнали боевые порядки, вступили в бой на дальних подступах к Анапе.

Танки 5-й бригады, части 18-й армии, корабли, морской десант Черноморского флота нанесли настолько мощный и стремительный удар, что враг в панике бросил технику, оружие, склады, даже не успел вывести в море суда с награбленным добром. Чего только не увидели в брошенных вещевых мешках

немецких вояк. Не сработал план ускоренной эвакуации «Брунгильда». После немецкого драпа бойцы сложили стишки:

В самом деле, ведь в пехоте
При любой твоей работе,
Что награбил – не возьмешь.
Анапа, солнечный город, наш!

Гуманизм или месть?

В разгар боя, когда с ходу ворвались в город, за небольшим пустырем увидели двухэтажный дом, из окон и чердака немцы вели пулеметный огонь по боевым позициям пехоты.

– Ну гады, – восклицает Шустеров, – лейтенант, смотри.

Не успел уяснить, что к чему, как Василий посылает снаряд за снарядом на чердак, в окна. Огневые точки подавлены, из дома выскочили фрицы, бросились наутек, двоих настигли пули пехотинцев, остальные скрылись за угол дома.

– Легко отделались, думал, напоролись на опорный пункт немцев, как в Новороссийске, – говорит Шустеров, вытирая пот с лица.

Он настроен на худшее, слишком неосторожно подошли к дому, вырвавшись впереди пехоты. Видим, как из окон, дверей дома выскакивают неодетые немцы или румыны, за ними, как из дырявого мешка, во все щели посыпались молодые женщины, у каждой правая нога перевязана белой лентой.

– Что такое?

– Это лазарет, – отвечает Святкин.

– Га, дывись, – по внутренней радиосвязи раздается украинский говор Хижняка.

– Какой лазарет, смотри, как стрекозы прыгают, – возражает Леша, – что за наваждение, неужели у всех правая нога болит?

Когда подъехали поближе, разъяснилось, увидели, как почти во всю стену, выше окон первого этажа, крупными немецкими буквами написано: «Soldaten zu Haus».

– Так вот оно что-о, – почти одновременно вырвалось ехидное восклицание Святкина и Шустерова.

По внутренней световой сигнализации даю механику-водителю зеленый долгий сигнал, что означает: «Вперед, вправо». Самоходка пошла в нужном направлении, веду наблюдение в перископ, бои уличные, из боевого отделения, если хочешь жить, голову не высунешь, береженого бог бережет. Наводчик прильнул к панораме, пулеметы в окнах дома напомнили об опасности. Заряжающий, протирая желтобокие снаряды, навинчивая колпачки, чтобы можно было перевести из фугасного состояния в осколочное, не унимается. Разболтался, как тещин язык, продолжает донимать Шустерова обсуждением животрепещущего вопроса, что это было?

Догадываемся, что перед нами немецкий дом терпимости. Выбежавшие первыми – это пулеметчики, охранники в почтенном заведении. Раздетые в борделе – главнодействующие,

сверхчеловеки, добившиеся особой награды служением фюреру. Их лелеяли днем и ночью, круглосуточно, те женщины, которые разбежались при нашем приближении. Мы нежданно-негаданно вторглись в святая святых немецкой солдатчины. И смех, и грех.

Экипажем не решен вопрос, почему в такое время, в опасной обстановке действовало, причем безостановочно, на полную мощность, столь интимное немецкое предприятие. Обращаются за помощью, от вопросов уходить нельзя. Подсказываю, чтобы облегчить решение первостепенной важности задачи:

– Немцы не собирались оставлять Анапу ни сегодня, ни в ближайшие дни.

– Ага, мы виноваты, – смеется Шустеров.

Святкин наводчика подначивает:

– Здорово, Вася, воюешь с бабами. Что ни снаряд, то в цель.

– Пулеметы не цель? Им, сволочам распутным, следовало поддать жару. Что за свадьба во время войны, без огня, без музыки. Вот и послал огоньку. Они, шляндры, куражились с немчурой, а пулеметчики по нашим бойцам строчили. Ты видел, как пехотинец за бок схватился, нырнул в развалины. Наверное, ранили, сволочи.

– И бей по огневым точкам. На то у тебя панорама, чтобы целиться, куда надо. А ты по своим, такими дорогими боеприпасами. Артмастер Ковалевский говорил на занятиях, что каждый снаряд дороже коровы. Любым выстрелом надо бить по врагу, – допек Святкин Шустерова.

– Какие они свои? Жалею, что этим сукам семитаборным не послал вдогонку парочку шрапнельных.

– Так я и зарядил. Лейтенант такой команды не даст.

– Не дам. Нельзя, Вася, без разбора бить всех подряд. Женщины с тобой не воюют. Думаешь, они пришли в этот дом добровольно? Многих загнали насильно. Среди них есть действительно наши люди. Могут быть связанные с партизанами. Разбираться не нам с тобой, а органам власти, которая нынче будет восстановлена в полном объеме.

– Вразумел, Вася? – с чувством победителя говорит Святкин.

– Потом разберись. Будут клясться, божиться, что страдали день и ночь.

– Нет у тебя, Вася, гуманизма, – заключил заряжающий.

Тут уже Шустеров не сдержался, стал гопки:

– Гуманизм! Да ты знаешь, что это такое? Это война с фашизмом и его приспешниками. Убивать их – вот гуманизм. Делать это должен каждый человек там, где поставила война. Моя Полина опухала с голоду в холодном цеху на ленинградском заводе. Кобылы на пуховых постелях не имеют права позорить

наших женщин. Что давеча говорил командир? Разрешаю лупить немцев всех подряд, ежели не поднимают «хенде хох». Прояви к ним гуманность, отведи два квадратных метра жизненного пространства в нашей земле. Кто пожалел врага, у того жена – вдова.

Святкин добавляет:

– Жирно будет, сколько земли пропадет. Посчитай, уложили их за два года войны. Миллиона три, может, четыре. Нет, не согласен, в общую яму, как зверей. Гитлер каждому солдату обещал по 40 гектаров нашей земли, славян в качестве рабов. А ты гуманизм, гуманизм.

Наверное, долго вели бы солдатики разговор, не обращая внимания ни на надрывный гул моторов, ни на лязг гусениц, ни на гул боя. Мне не до спора, смотрю в оба, вижу окраину Анапы, невдалеке передний край. Немец подтянул резервы, уперся, готовит, судя по всему, контратаку. По лощине, что за садом, сотни серых фигурок движутся к передку, передаю сведения на командный пункт, экипажу командую:

– Прекратить разговоры, – выждав несколько секунд, продолжаю: – В ложбине за садом отдельное дерево. Лево 300, прицел 16, осколочным, огонь!

– Цель понял, вижу. Огонь!

Разрыв снаряда оказался правее цели, делаю поправку:

– Лево 50, прицел 14, осколочным, огонь!

Еще три выстрела! Боевая жизнь экипажа вошла в свои рамки, так закончилась полемика по женскому вопросу, вставшему перед экипажем во всей наготе.

Думы о доме

Не удается разорвать, распылить на куски передний край, немец не выдыхается, вовремя и умело затыкает бреши. Упорно, шаг за шагом, идем вперед, освобождая Кубань. Фронт живет своей жизнью, по законам военной науки, вернее, военных наук – советской и немецкой. Чему она служит? Как убить и как не быть убитым. Немцы пятятся, но не бегут, все по правилам.

В один из моментов боя, когда силы наши и гитлеровские выравнялись, ни мы их не спихнем, ни они нас не могут попятить, с улиц Анапы на машинах вырвался батальон мотопехоты. Как смерч, он почти моментально канул в бездонной пучине переднего края, автомобили ушли в укрытие, на месте высадки остались тыловые службы. Бойцы и офицеры свежие, хорошо экипированные, чувствуется, что это новые дивизии, армия наступления. Восхищаемся выучкой бойцов.

– Стой, подожди, Ефим! Юша-а, брат мой! – шумлю, показывая товарищам на старшину, среди других бойцов перебегающего путь от дороги в дом.

– Юша-а!

Не слышит, удаляется. Выпрыгиваю из самоходки, дважды стреляю из пистолета вверх, бегу к нему, старшина остановился, удивленно, настороженно смотрит в мою сторону. Поняв, что обращаются по-доброму, подходит. Нет, не он!

– Извините, обознался.

– Бывает, – говорит он, козырнув, удаляется.

Снова, в который раз, ошибаюсь. Как хочется увидеть родного брата, доброго, умного старшего наставника в жизни. В последнем письме из-под Сталинграда он писал: «Гнетет мысль, что не подготовлен к войне, никакой военной специальности, старшина роты – все, на что способен. Мы должны отстоять Сталинград».

В письмо вложена фотокарточка измученного, утомленного фронтовыми дорогами бойца. Карандашом другого цвета дописано: «Идем в наступление. Хотелось бы всех вас увидеть».

Как в воду канул, где ты, Ефим? Сколько пересмотрел красноармейских колонн, групп, одиночных бойцов. Выискивал среди тех, кто гордо шагал к фронту, одетых и обутых во все новенькое, с автоматами, с высоко поднятыми головами. Среди тех, кто, понурив головы, сгорбившись под тяжестью поражения, в исполосованных соленым потом грязных гимнастерках, шли в остатках разбитых частей в тыл на переформирование. Среди раненых, контуженных, больных. И даже среди тех, кто в

одиночку перебегал линию фронта, выходили из потайных укрытий со страхом в глазах от пережитого, от неизвестного, как встретим их мы. Нет тебя, братка, нигде.

Другим на войне выпадала удача, судьба сталкивала с односельчанами и родственниками, мне не везло на встречи. На фронте шестеро братьев, две сестры, сколько земляков-хуторян! Где-то в казачьих кавалерийских соединениях двоюродные братья Иван, Георгий, Николай Дроновы, братеник по материнской линии Дмитрий Андропов, воспитанник-сирота Иван Топольсков (Ваняшка-маленький, как звали в отличие от Ваняшки-большого, старшего брата И.И. Дронова). В армию ушли добровольно несовершеннолетняя сестра Нарочка, двоюродная сестрица Катенька Быкадорова. Сколько родных сердец бьется рядом, а повстречаться никак не доводится!

Прервавшаяся переписка с родным братом Ефимом Тихоновичем волнует больше всего. Жив ли, не вещало сердце о заранее предрешенной гибели? Тихо-тихо, как бы про себя, он часто повторял песню: «Черный ворон, черный ворон, что ты вьешься надо мной, иль погибель мою чуешь, черный ворон, я не твой». Пора бы отозваться, мужа ждет жена, папу дети. Надя, кровь дроновская, вся в тебя Галочка, красавица турчанка, в мать пошла. Слезами исходит старенькая мама, всем нужен дома, в семейной жизни, отзовись, братушка!

Задумался, загрустил. Святкин, заметив это, весело кричит:

– Лейтенант, смотри, нет им дороги в нашем небе.

Наблюдаем за воздушным боем истребителей. Ме-109 пытаются прикрыть бомбардировщики, шедшие бомбить наши наступающие части, «яки» смело вступили в бой, погнали «мессеров», сбили одного, затем подбили второго, уже Ю-88, бомбардировщика. Истребитель рухнул на глазах, бомбер, видно, дотянет к своим, остальные в беспорядке смылись восвояси, издалека послышались разрывы бомб, то «юнкерсы» бесцельно сбросили смертоносный груз.

– Вот так бы всегда, – восклицает Святкин.

– Это вам, гансы, не 41-й год, когда были хозяевами в небе, глушили, как рыбу.

Так бы начинать войну, слишком много тогда утратили авиации. Лишь к 1943 году наши летчики получили машины Як-3 и Ла-5, на них можно было сражаться на равных с фрицами. А потом и Як-9, Ла-7, превосходящие немецкую технику по многим параметрам боя. В небе Тамани нас прикрывали с неба 2200 самолетов, махина!

Анапа свободна, 21 сентября отныне станет праздником города. Горючее и снаряды на исходе, передаю об этом на

наблюдательный пункт полка, сообщаю местонахождение, информирую о противнике, этим особенно интересуется помощник начальника штаба по разведке капитан Дуров.

На поле снова просматриваются убитые и раненые, почему никто не движется вперед? То тут, то там вездесущие медики пестуют раненых, большинство из санитаров девушки. Одна помогает бойцу переползти в укрытие, рядом лежат убитые, попали под разрыв крупнокалиберного снаряда. Вдали, от укрытия к укрытию, в направлении переднего края перебегают две санитарки и боец, они посланы за ранеными. Какая трудная служба, рядом море, парк культуры, пляж, для вас ли военная доля? Сердце уколола нежная жалость к боевым спутницам. Вспомнил о сеструшке, Нарочка, родная моя, неужели у тебя тоже такая судьбина? Нет и восемнадцати, в шестнадцать лет прибавила годы, добровольно ушла на фронт вместе со станичными ребятами, оставив наших дорогих родителей в немецкой оккупации. Где ты, вынянченная мною, замучившая детство мое, как ты там?

Внимание снова приковал бой, немец ведет жуткий огонь по тому участку фронта, куда введен мехбатальон, бойцы которого так понравились выправкой и хваткой. Проявят себя такими молодцами, какими показались? Многие люди боевиты в строю, но трусливы в бою, попав в критическую ситуацию, теряют волю, не в состоянии управлять чувствами, поступками, самими собой. Поддерживаемая нами рота хорошо воюет, шаг за шагом, то там, то тут, как медуза, обтекает, обходит объекты, отвоевывает один клочок земли за другим и медленно продвигается вперед, вперед. Немецкий пулемет, пригнувший было роту к земле, уничтожен меткими выстрелами Шустерова. Наблюдаем за ходом боя, наша задача немедленно уничтожать огневые средства противника, находящиеся в зоне прямой видимости и поражаемые прямой наводкой пушки.

Мысли живут по своим законам, снова вижу на переднем крае медсестру рядом с ранеными, с трупами, вспомнил о «Soldaten zu Haus», его «сотрудницах». Неспроста у Василия закипела злость на этих девок. Действительно, закончится война, народ выйдет на улицы, там встретятся девушки, те, что были в окопах, и те, которые «воевали» с немцами на пуховых перинах. Как они будут ходить по одной и той же земле? Какую великую почесть надо воздать женщине с фронта, какой заботой страны должна быть окружена она, вынесшая на плечах непомерную тяжесть боев!

Перестрелка усилилась, слышится «ура», вдруг слышу разрыв за разрывом, трескотню пулеметов. Успел заметить, что выстрел немецкой пушки следовал сразу за вспышкой света, что означает:

бьют прямой наводкой с близкой дистанции. Пехота залегла, лишь красные ракеты одна за другой летят в одном и том же направлении, бойцы установленным сигналом указывают артиллеристам цель, просят уничтожить. Сейчас полевая артиллерия будет срочно готовить исходные данные на подавление противника. Мы ближе, нам и решать эту задачу, но с нынешней позиции цель не поразишь, надо искать такую ОП, чтобы подавить наверняка, вот это единоборство! У немцев преимущество: можно вести огонь с места, но не видят самоходчиков. У нас наоборот, огонь придется вести с остановки, почти с ходу, но цель видим, есть внезапность, что дает надежду на успех боя.

Мы хорошо уяснили, что СУ-76 имела много положительных сторон: легкость в обслуживании, надежность, малошумность. Это следует использовать, солдат хорош, когда обучен, нужно учесть свои выгоды. Ставлю пушку в укрытие, ползу на высотку, пехотинец помог уяснить задачу, пути подхода к огневой позиции. Дзот или дот расположен между двумя складками рельефа, надо зайти левее. Неизбежно попадем в сектор обстрела противника. Была не была, либо в стремя ногой, либо в пень головой. Хижняку показываю место огневой позиции, объясняю момент остановки, только по сигналу, быстро взять на тормоза. Наводчику приказал наблюдать, корректировать огонь, к панораме стал сам, жду, когда оживет цель, чтобы уточнить место амбразуры.

Вспышка, разрыв, вот ты где. Восемь снарядов, целых восемь, послал по цели и быстро сматываюсь в укрытие. Если я не убил, то он убьет, как пить дать, какой же артиллерист с пристрелянного места не поразит такую махину, как наша установка, да на близком расстоянии. Вокруг дота пыль, дым, взрывы, попали! Пехота пошла, побежала вперед, «ура, ура!». Хоть кричи от радости за спасенных людей, гордость от мысли, что ты исполнил воинский долг, – благородное чувство.

Снарядов осталось лишь на неприкосновенный запас, на случай вражеской контратаки, в первую очередь для отражения танкового удара. Мы использовали почти весь боезапас, 60 выстрелов. Доложил на командный пункт, оттуда приказано уйти в укрытие, быть в готовности к отражению возможного наступления немцев. С подходом машин с боеприпасами вызовут на заправку. Через некоторое время слева, через дворы и виноградники, наблюдаем, как, рассредоточиваясь, идет на передний край первая батарея САУ под командованием лейтенанта Огурцова. Самоходки спешат на правый фланг, там ожидается контратака немцев, а мы до конца дня прокантовались

в резерве командира полка. Заправились, пополдневали, да как!

– Вот это кок! Одного птичьего молока не прислал. Наготовил, как на Маланьину свадьбу, – восхищается обедом Святкин.

– Дывись, две нормы с гаком налыв, – перемешивая украинский язык с русским, вторит Хижняк.

Было чему удивляться, мы такого обеда не только за войну, в мирное время не имели. Борщ с мясом, свежей капустой, каша гречневая с маслом, не перловая, будь она неладна, курица жареная, главное, хлеб, пышный белый кубанский хлеб, не сухари, а каравай деревенской печной выпечки. Да две порции с гаком наркомовского пайка – водки.

– Какой виноград! Вы, северяне-клюквенники, вовек не видали и не пробовали, – поддевая нас за неосведомленность, шутит Алексей, – вот сорт Абрау-Дюрсо, ишо «дамские пальчики», Вася, это тебе, – подает крупные гроздья с продолговатыми, светлыми, сочными ягодами.

Осязание этой прелести вызвало воспоминания, они стоном отдаются в душе. Тоска по настоящим женским пальчикам, по женской ласке вызовет дрожь в пальцах рук, в сердце. Тут Святкин некстати затянул песню: «То не ветер в поле воет, не дубравушка шумит. То мое сердечко стонет, как осенний лист дрожит». А моя душа пела другую, нашу, казацкую: «Напрасно ты, казак, стремишься, напрасно мучаешь коня. Тебе казачка изменила, другому счастье отдала». Эту песню часто пели мои старшие братья Ефим, Георгий, Иван, Николай, Ваняшка вместе с хуторянами-казаками. Потом и я вошел в хор.

Гул боя слышен на переднем крае, за спиной которого сидим в трех километрах, как у Христа за пазухой. Поснедали, набуздались, приняли по две сотки водки, кому и три перепало, что растопило напряжение, разлило доброту в теле и душе, возбудило тоску по дому, разбередило душу, сердце защемило, заныло. Каждый видел себя в семье, еще лучшим, иным, чем до войны.

Василий Шустеров налился солнечным счастьем любви к Полиночке, жена тоже в нем души не чаяла, слала письмо за письмом, откуда только находила столько радости, бодрости и любви к мужу в блокадном Ленинграде, у станка.

Леша Святкин, рыбак бакинский, был угрюм, невесел, жена редко слала письма. В тех, что получал, не было ни нежности, ни радости, чувствовалось, что балагурство не от веселья, а от необходимости победить горе.

Тяжело было Хижняку, семья в оккупации, уже два года о родных ничего не знает. Мне знакомо его самочувствие, надо

помочь, не оставлять наедине с горем. Считая, что обед окончен, Шустеров решил, как всегда, дела завершить письмом к жене.

– Ты, Вася, что-то редко стал писать. Вчера целый вечер не кропал, сегодня уже день кончается. Расскажи, не забудь, как дело имел с публичным домом, – понес без колес Святкин.

– Ты шутишь, а письма к жене мне жить и воевать подсобляют.

– Во, как в «Веселых ребятах», – нам песня строить и жить помогает.

– А ты как думал? Напишу – и легче на душе. Как будто поговорил с Полиной, снял с себя какой-то груз.

– Я своей не буду. Вася, ты умеешь. Доложи в письме, что поженился я на красивой самоходочке с 76-мм пушкой, на гусеницах.

– Ничего, Леша, вот получишь медаль, все девки за тобой гужом, да мимо, – пытаюсь успокоить заряжающего.

– Моя изменяет, дружок написал.

– Как так, неужто в такое время можно? – спрашивает Павел.

Добавляет надрывно, с горечью:

– Что сейчас отдал бы за одно письмо, за одну весточку, что жена и детишки живы. Их еще в августе освободили. Писал два письма соседям. Ни слуху ни духу.

Наступила тишина. Куда делся игривый тон в разговоре Святкина с Шустеровым, у каждого звоном отозвались слова друга, трудно найти утешение, понятно состояние товарища, сам испытал, да еще как. Что-то сказать надо, нельзя оставлять человека одного журиться с несчастьем, с нашей общей бедой. Горе молчать не любит.

– Павел Семенович, – обращаюсь к Хижняку, – может, написать письмо в сельсовет или в райисполком. Гляди, и родные в другом селе живут. Бывает, жилья не осталось, одни трубы торчат. Как вон там…

– Есть идея, – загорелся Шустеров.

– Давайте, напишем – мы, боевой экипаж установки «Дон». Сообщаем, что ваш земляк бьет врага. Храбро водит самоходку, – предлагает свой текст письма Святкин.

– Сообщим: установка 1448-го артполка резерва главнокомандования 18-й десантной дивизии. У тебя, Ленька, не голова, а кубышка пустая. Всем растрезвоним, что под индексом полевой почты № 12296 скрывается наш полк. Напишем иначе: «группа бойцов и офицеров, боевых друзей». Отошлем на освобожденную часть Украины. Ответ шлите срочно на имя Хижняка Павла Семеновича.

Под впечатлением рассказал товарищам о своих

переживаниях. В период немецкого нашествия на Дон и Ставрополье мои родственники были либо в оккупации, либо на фронте, я один, как перст. Мысль, что одинок, сама по себе тяжела, смерть рядом. «И никто не узнает, где могилка моя». Пока не коснулось, такие песни плохо понимал, а тут почувствовал, как сердце закипает. Кто знает, может быть, родных уже могила укрыла? Живы, здоровы, не умирают с голоду? Свербит мысль, квелит душу день и ночь, ложусь – думаю, ночью проснусь, представляю, где они и как.

– С кем она, – ввертывает неуместное словцо шутоломный Святкин.

На него зло осклабился Шустеров, болезненно дернулся Хижняк. Леша быстро ретировался.

– И об этом не раз, не два думал. Дожил до того, что голова стала, как колокол. Сильные боли, слабость, апатия. Пошел в санчасть. Там знали, что в 42-м году был тяжело контужен, ранен в бок. Покрутили, повертели, постучали. Рецидив контузии, говорят. Я этому поверил! Сколько брома попил, таблеток разных проглотил, уколов принял, и успокаивающих, и возбуждающих. Ничто не помогало. Замучили постоянные головные боли и прочее. 2 июня 1943 года получаю письмо от жены. Доразу сердце отложило. Живы, Верочка ждет папу. Не обо всем написано, но главное есть, остальное выспрошу. Через несколько дней боль и слабость как рукой сняло. Здоров, свеж, силен. Вот тебе и контузия, и бром. Воину важно знать, что его ждут, что он нужен. Думаю, и вы, Павел Семенович, дождетесь этого.

У нашего товарища в глазах заблестел огонек, на лице мелькнула улыбка радости и надежды.

Наступили бои за станицу Благовещенскую. Надеялись, что, потеряв Новороссийск, затем Анапу, немец без оглядки побежит в Тамань, на корабли. Не сбылось, частям пришлось пробиваться к станице в тяжелых боях. Полк вместе с 5-й гвардейской бригадой и 55-й Иркутской стрелковой дивизией наступал по песчаной косе южнее станицы. Севернее пробивалась дивизия 18-й армии, западнее станицы на Бугазскую косу был высажен десант морских пехотинцев и стрелковый полк дивизии. Ударом с трех сторон немец разбит, 26 сентября, на десятый день после взятия Новороссийска и на пятый после Анапы, станица Благовещенская освобождена.

Впереди Тамань, чем ближе город, тем ожесточеннее сопротивление врага. На косе тесно, наступаем между Черным морем и лиманом, ширина этой проклятой плешивой полоски не более двух километров. На выходе, впереди кубанские просторы, здесь череда небольших гор, они, как пробка, закрывают выход из

песчаной бутылки. Высотки немец так укрепил, что который день не можем столкнуть в море, сделать это надо немедленно, слишком невыгодная позиция, нет естественных укрытий, искусственных сооружений. Нельзя останавливаться на более или менее длительное время, артиллерия противника пристреливается, затем открывает массированный артналет. Мы у врага, как на ладони, единственная защита собственный «бог войны».

В один из моментов боя обнаружили скопление немецкой пехоты, на передний край шло подкрепление. Цель была настолько хороша, что, забыв об опасности, снаряд за снарядом отправляли в гущу фашистов. Взвод немецких пушек ударил по нашей огневой позиции, к счастью, недолет, тут сзади второй залп, куда деваться? Мы в вилке, командую механику:

– Полный вперед!

Только успели отъехать, как в непосредственной близости новый, третий гром разрывов, осыпало песком и осколками. Куда теперь? Эх, погибать, так в бою: «Вперед, огонь, огонь!» Где в атаку идет казак, там у врага трое в глазах. Наконец, на помощь пришли полевые пушки, заставили замолчать немецких артиллеристов. В азарте забыл о личной предосторожности, приподнялся над броней, оказался головой и грудью выше верхнего края боевого отделения.

– Лейтенант, смотри, – указывает Святкин на перископ.

Быстрее обычного спустился, спрашиваю:

– В чем дело?

– Смотри в перископ. Наверху по твоей голове осколки плачут.

И тут разрыв… Осколками буквально осыпало самоходку: тра-та-та-та.

– Это твои, – смеется заряжающий.

Шустеров сосредоточенно, с каким-то отрешением ведет и ведет огонь. Видим, как немцы бегут в овражек, одни падают плашмя, другие корчатся от ран, некоторые успокоились навсегда, приятная картина, такое встречалось нечасто.

– Лейтенант, сбегаю, посмотрю на фрицев. Довольны ли нашей работенкой, – смеется Святкин.

Любил поговорить в таких ситуациях, не поймешь, почему в самые тяжелые минуты боя либо песню затянет, либо сморозит что-нибудь. То ли от страха спасался, то ли нас хотел отвлечь, не знаю, почти всегда в бою чудил.

– Ты из самоходки и до ветру боишься выйти, – выводит на смех Шустеров.

– Как тебя оставишь, в один миг снаряды расстреляешь. Чем

буду кормить свою подружку? – заряжающий попытался погладить казенную часть ствола, но быстро отдернул: горячо.

Действительно, интересно посмотреть, что там мы накрошили, думается, пушечное мясо из румын и немцев.

– Это вступительный взнос, – говорит Василий, его только что приняли кандидатом в члены партии.

– Маловато, Вася, коммунист должен жизнь свою отдавать.

– Потребуется – отдам. Пока она и мне, и стране здесь нужна. Впереди много фрицев, добавим, – уверенно отвечает Шустеров.

Пока затишье в бою, Шустеров затеял разговор о прошлом:

– До сего времени не пойму, чем вызваны, кому понадобились страшные 1937–1938 годы?

Потом приглушенным голосом, как бы боясь, что его в самоходке кто-то подслушает, рассказал историю, происшедшую с одним рабочим. Хороший был человек, мы, молодые, брали с него пример. Коммунист дореволюционный. Но вот на собрании дядя Гриша разозлился на выступающих крикунов и в сердцах сказал: «Разве можно так жить и с душой работать, когда то того, то другого увозит «черный ворон»? Почему это делается, почему не дойдете до товарища Сталина?» На другой день и его забрали, как врага народа. А какой он враг?

Знаешь, что было дальше? Мишка, сын дяди Гриши, кореш мой, на комсомольском собрании (он был у нас активистом) заявил, что он отказывается от своего отца. Так и сказал: «Не признаю врага народа своим отцом. Сталин мой отец». В 1939 году дядю Гришу выпустили из лагерей. Но что от него осталось… А в 1941-м он пошел в ополчение. Под Лугой их разбили немцы, но дядя в плен не сдался, ушел к партизанам. Мишку вместе со мной забрали в армию. Только меня послали учиться в полковую артшколу, а его в пехоту. Утек Мишка к немцам, наши люди рассказали, что служит полицаем. Вот как все повернулось. Встречу дядю Гришу, не знаю, как буду ему в глаза смотреть: тогда, дурак, поверил, что он враг народа, Мишка убедил. А сейчас того подлеца встретить, да поговорить с глазу на глаз, тут не пожалел бы снарядов!

Святкин стал в позу:

– Надо было уничтожать «пятую колонну».

Шустеров ответил:

– Такие люди, как дядя Гриша, не «пятая колонна»!

Разговор на этом закончили. В наушниках:

– «Дон», «Дон», сменить ОП, лево пятьсот.

И опять дотемна огонь, огонь.

– Ну и дэнь, думав, от-от моторы вид пэрэгриву взирвуттца, – ворчит Хижняк, вылезая из своего пекла.

После этих боев командование отослало на А.Т. Дронова наградной лист, где было отмечено: «В бою 7 и 8 августа 1943 года при наступлении на Горно-Веселый уничтожил прямой наводкой: самоходное орудие, противотанковое орудие, наблюдательный пункт, дзот и миномет противника с прислугой, мешавшие продвижению нашей пехоте. Умело маневрируя орудием среди разрывов вражеских снарядов, тов. Дронов поставленную боевую задачу выполнил без единой потери и повреждений».

Авось да небось в бою

На следующий день происходит почти то же самое, только с меньшим напряжением, зато напортачить успели предостаточно. При слишком крутых поворотах (без них можно было обойтись) левая гусеница остановилась, натянулась, как струна, вот-вот разорвется, самоходка вздрагивает, под катки набился песок, растительный мусор. Хижняк выскочил из моторного отделения, начал очищать, но по пути к люку его настиг разрыв мины. Ранен в голову, кое-как влез на свое место, за рычаги сесть сил не хватило. Шустеров и Святкин помогли ему сползти в боевое отделение, лег на днище между моторами. Оказали первую помощь, осколок прибинтовали, он крепко и глубоко сидел в кости черепа. Передаю командование наводчику орудия, сам перебираюсь в моторное отделение, сажусь за рычаги, быстро вывожу самоходку из-под обстрела. Вот когда пригодилась взаимозаменяемость в экипаже.

Повторилась ситуация, возникшая полтора месяца назад около станицы Нибереджаевской, тогда на крутом склоне установка пошла юзом. Наш механик-водитель старший сержант Василий Шаров, желая проверить, не перевернется ли самоходка, выскочил наружу, был ранен в голову. Мне пришлось перевязывать, до сих пор в памяти осталось чувство прикосновения к пальцам осколка, сидящего в височной кости, затуманивающиеся глаза, покрытое каплями пота лицо Василия. Быстро вывел СУ-76 в первый эшелон тыла полка, на сборный пункт подбитых машин и раненых людей, механика сдал медикам. К концу войны Шаров стал кавалером трех солдатских орденов Славы, по статусу равных званию Героя Советского Союза.

Механик-водитель батареи СУ-76 Василий Иванович Шаров

Тогда вез бойца по лесу, теперь этого делать нельзя, у немца, как на ладони, покидать передний край без приказа не надлежит, впереди пехота, ее защитить некому. Что делать? К счастью, подвернулся танковый тягач, отправили своего Хижняка.

Опять повторилось неправильное поведение в бою. Выйти для осмотра машины надобно, но это можно сделать через люк, а не через боевое отделение, не поворачиваться, как сом в вентере, не

ловить раззяву, а вьюном нырять в самоходку. Мелочь? Но такие случаи часто решали в бою вопрос жизни и смерти. До конца дня вожу установку сам, то открываем огонь по обнаружившемуся противнику, то уходим в укрытие и ведем разведку целей.

Наводчику Шустерову понравился «новый» механик-водитель, теперь никто не командует, где и когда занять ОП, когда включать скорость, брать машину на тормоза, когда покидать позицию и уходить в укрытие. Все шло слаженно, пригодилась взаимозаменяемость в экипаже, владеть которой постоянно требовали командиры, и хорошо, что требовали.

Тремя днями ранее поймали еще одну ляпу. Вторая самоходка нашей батареи допустила тактическую ошибку, надо было вести бой с места, прикрывая нас и подавляя огневые средства противника, открывшие огонь по нашему орудию. Только когда мы заняли новую огневую позицию, надо менять ОП. Потом уже наше орудие должно было вести атаку, прикрывая огнем продвижение соседей. Это основа тактики ведения боя самоходной артиллерией (в отличие от тактики танков). Но получилось, что противник, видя скопление самоходок, открыл заградительный огонь по заранее пристрелянному рубежу и едва-едва не уничтожил обе СУ-76. Дураку в поле – не дай воли. Машина оказалась подбитой, в экипаже есть раненые. Вызываю службу эвакуации и тягач для отбуксировки орудия. Бой ошибок не прощает, они ведут к кресту и бессмысленной гибели. Конечно, кресты бывают и там, где вроде бы все делается без промахов, но все же их тем меньше, чем меньше ошибок.

Стемнело, прошу у командования механика-водителя, горючего и боеприпасов, приказано для заправки отойти в тыл, метров на 1000–1200. Сказано – сделано, прибыли тыловые машины, с ними помощник начальника штаба капитан Дуров, командир отделения управления батареи (мы его называли – старшина батареи) Сапар Худайбердыев. Механика-водителя не имеется, в резерве никого нет. ПНШ-2 передает экипажу благодарность командного пункта, предупреждает, что в 2.00 возможна атака полка. Ночь так ночь, значит, ночная атака, маршрут известен. Дуров выспросил, что знаем о противнике (он же разведчик!). Старшина угостил хорошим довольствием, завтрак, обед, ужин, все доразу, заправщик налил баки горючим, помкомвзвода по боепитанию выдал два боекомплекта снарядов, знал привычку «Дона» возить запас. За счет умелого расположения боеприпасов мы доводили боекомплект до 80 выстрелов.

– Передайте замполиту, что коммунист Шустеров произвел хороший взнос в партийную книжку, уничтожил не менее двух

десятков немцев, – говорю капитану Дурову.

– Пятерка из них моя, – поправляет Святкин.

– Майор будет рад.

Заправились, уложили все строго на свои места, проверили, в бой хоть сейчас. Надо быть в готовности № 1, настороже, а мы… заснули мертвецким сном. Видать, сказалось напряжение последних дней, были доведены до последней степени изнеможения.

Тревога! Время 2.30, а атака назначена на 2.00. Впереди слышим гул, шум.

– Проспали, – горестно, спросонку говорит Василий.

– Наши пошли, – кивком головы заряжающий указывает в сторону переднего края.

– Догоним, они близко, до ПК не дошли, – сажусь за рычаги в машинное отделение.

Шустеров и Святкин, как думалось, ведут наблюдение, хотя ночью что увидишь. Что со всеми троими произошло, почему послышалась атака танков, самоходок, их подход и выход на рубеж огня? Минут через 20 уперлись в танки, догнали, выхожу. Тишина, темь. Меня поразил ужас, это те машины, которые вчера подбил немец! Так и остались на переднем крае, эвакуировать было нельзя, не подпускает противник. Никого рядом, никаких танков, самоходок, все мертво.

Фронт живет своим бытием, рвутся «сонные» мины и снаряды, которые немец посылает с запасных огневых позиций, чтобы не дать бойцам отдохнуть, выматывая душу и силы. Тут и там взвиваются осветительные ракеты, строчат короткими и длинными очередями пулеметы. Куда самодуром завел установку, свой экипаж? Здесь смерть или позор, одно другого не лучше, скорее в самоходку, пока немец не понял, что к чему. Задний ход, еще, еще, разворачивать машину остерегаюсь, боюсь, что повернусь уязвимым местом, где тонкая броня. Только задний, назад, назад!

Вдруг установка пошла легко, лобовая часть поднимается… Пошли под откос во впадину, куда угодно, хоть к дьяволу в пасть. Яма, укрытие, глушу моторы, перевел дух. Немцы открыли огонь. Поздно! Бьют по площади, это не страшно, мы дома, хоть подобьют, хоть убьют, главное – на своем месте.

– Шустеров, – обращаюсь к наводчику, который был оставлен на командирском посту и должен был наблюдать, ему виднее, чем мне из моторного отделения, – почему не остановил?

– Думал, вы видите и знаете, куда ведете. Глаза проглядел, выискивая танки и самоходки. Подбитые пушки увидел, когда столкнулись нос к носу. Гул ведь.

– Вот тебе и нос к носу. Вот тебе и гул.

В детстве удивлялись, почему Дон Кихот и Санчо Панса, принимая желаемое за действительное, ходили на штурм ветряных мельниц, мы чем не донкихоты, тоже атаковали… Черное море. Это его гул и волнение позвали в ночную атаку. До сих пор не могу объяснить этот случай, не понимаю, как догадались принять шум моря за гул моторов, что мною руководило, когда, сломя голову, мчался навстречу гибели? Почему не догадались, что не может быть атаки в тишине, без артиллерийской, минометной стрельбы, даже стрелковое оружие молчало.

Ночка даром не прошла, лишний раз убедился, в бою надо не хлопать ноздрями, а действовать осмотрительно, разумно, не поддаваться эмоциям, первым впечатлениям, всполошка ведет к оплошке. Потом узнал, что атака полка и танков бригады была отменена. Поставил часового, оставил бодрствующего члена экипажа, заснуть не смог. Товарищи мои, как ни в чем не бывало, храпели, хоть из пушки пали.

Заживо не сгорели

Сижу за самоходкой, мысль переносится в 1941 год, к Ладоге, Волхову, синявинским болотам, ледовой Дороге жизни. Перед глазами горестные месяцы, тяжкие дороги отступления и упорство, с которым наши войска стояли насмерть у стен Ленинграда. Вспомнил себя – красноармейца, нашу часть. Плетемся среди болот по нехоженой тропе, в сырых шинелях, в дырявых ботинках, черных обмотках. С длинным «ружжом», не менее длинным штыком, а немец с легким, удобным для боя автоматом, я по фашисту 2–3 пули, он по мне 2–3 диска свинцовых пилюль.

Мы пешие, фрицы на машинах, на танках. В воздухе висят, вьются, как стальные осы, «мессершмитты», «юнкерсы» да «фокке-вульфы». Местами удавалось дать отлуп противнику, наши части крепко били «сверхчеловеков», жгли танки, крошили пушки, минометы. Много было позиций, где немцу противостояла мощная, хорошо организованная оборона, тот же Лужский рубеж, но силы были неравны. Было трудно, до боли тяжко уходить, порой просто убегать от броневой силы врага.

Страшно оставлять города и села на произвол зверей-немцев, жутко вспоминать женщин, голодных, измученных, в одном лишь пальто, да с сумочкой, с ребенком на руках, помнятся их глаза, полные страданий, глазенки детей в бессмысленном страхе. Пожары, пожары, пожары… Огонь – это главный признак отступления.

Много надежд связывали с Ленинградом, уперлись, остановили, положили врага в мерзлые болота. Не все верили, не все вгрызались в землю, были те, что числились боевыми и преданными, а потом потеряли свое достоинство, поодиночке и пачками сдавались в плен. Через многие годы им попытаются присвоить статус великомучеников… Во время войны и после, через год, десять, тридцать лет, когда надо было ответить на вопрос: «Кто он?» – всегда думал: «Каким бы он был в 1941-м?»

Вот и новое утро, только подумал, что немец усилит огонь, как невдалеке разорвались две крупнокалиберные мины. Оглянувшись, увидел на месте разрыва человека, распластавшегося на земле, смел, думаю, раз спит, как на сенокосе. Подойдя к нему, понял, что мертв, то был командир взвода стрелков, выведенных на левый фланг для охраны побережья. Бойцы прикорнули на рассвете в окопах и ветхом блиндажике, он надумал сходить к морю. Лежит, как живой, разбросав в стороны руки и ноги, голова повернута навстречу

солнцу, пилотку снесло взрывной волной, противогаз лямкой задержался под рукой. Светло-русые пряди чуба колышутся на ветру, то откроют, то прикроют белый лоб, лицо открытое, чисто русское. Бережно подняли, унесли в блиндаж, из которого вышел, не сделав и четырех шагов.

До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти четыре шага.

Вспомнил, как услышал эту песню в 1942 году. Многие бойцы попустили повода, расплакались, спрятав лицо в пилотку, тогда сдержал себя, не дал воли эмоциям. К концу войны, и теперь, в послевоенные годы, как только услышу фронтовые песни, не могу удержать непрошеные слезы, рыдания. Странно устроен человек, к старости приобретает столько опыта, умения, казалось бы, надо научиться сдерживать себя, а не получается.

Новый день застал в боевых порядках первой батареи. Механика-водителя не прислали. Пехота требует поражения той ли иной цели, порой обнаруживаем их сами. Вымотался окончательно, как на пакость, к концу дня левый мотор заглох, лопнула и пропустила воду прокладка головки блока, сказался заводской брак. Машину надо уводить в укрытие, где оно? На одном моторе по песку, ямам и воронкам далеко не уедешь. Попал немцу на пристрелку, надо двигаться, быстрее найти огневую позицию, удобную для ведения огня с места. Мотор перегревается, посмотрел и ахнул, головка блока и у другого двигателя красная. Что делать? Остановиться нельзя, сразу разобьют.

Шустеров выискал яму, по внутренней связи командует, каким рычагом действовать, машина пошла куда-то вниз, удрали. Глушу мотор, через некоторое время завожу – заклинило, доложил на командный пункт. Как стемнело, прибыл капитан-инженер, дал заключение: левый двигатель починим сами, правый требует заводского ремонта. Буксируют подальше от передовой, запрягли и тянут, как дохлых, обидно и досадно.

Вот и тыл, здесь не разбери-бери, самоходки с разобранными моторами, без гусениц, все в ремонте. Кругом раненые, иные ждут эвакуации в госпиталь, есть такие, что отказались идти в медсанбат, остались лечиться в медсанчасти полка. К нам идут любознательные, хочется из первых уст узнать, что творится на переднем крае, как там самоходчики. Мы «безлошадные», вся амуниция в куче, как у погорельцев. Нудное дело, я взвинчен, дошел до изнеможения, заснуть не могу, неопределенность, неприкаянность хуже любой напряженной схватки. Там надо в

комок собраться, все подчинить стрельбе, здесь ни боя, ни отдыха, больные, и те чем-то заняты, а мы…

Жалко расставаться с боевой машиной, вместе попадали в какие переплеты! Выручали друг друга, мы ее, она нас. Даже уравновешенный Шустеров, и тот не спит, забрался в ровик под самоходку, включил переноску, последний раз решил попользоваться электроэнергией, читает книгу В. Василевской «Радуга». Обязательно проштудирует то, что читаю я, так уж повелось. В книге красной нитью проходит ненависть к гитлеровцам, ее призыв: убей немца.

Неунывающий балагур Святкин тоже «опустил уши», боится, как бы не отправили в тыл вместе с самоходкой, ибо механика-водителя на установке нет. Кто захочет уходить из своевавшегося экипажа, боевой семьи? Попасть к чужим на передний край – это как дикий гусак среди свойских. Некогда срабатываться, все решают секунды, до боя надо научиться понимать друг друга с полуслова, проникнуться верой в успех совместных действий.

Раз не спится, будем повышать механизаторский уровень, техника не зоотехния, тут не овечку постричь или курицу пощупать, тоже думать надо. Вообще-то установленные на самоходках автомобильные шестицилиндровые двигатели работали в танковом режиме длительно и безотказно. Но это для «средних» условий. Беру инструкцию «Самоходная 76-мм установка», выясняю, какие ошибки допущены при вождении, прав ли, когда на одном моторе долго маневрировал по тяжелой дороге. Умей ошибаться, умей и поправляться. По тактике прав, ищу ответ, почему мотор запорол. Оказывается, не надо было муздыкаться, глушить перегретый двигатель, следовало поработать на тихих оборотах, на холостом ходу. Плохо знаем технику.

Отдохнуть бы за горами, в виноградниках, тут команда:

– Дронов, к «Первому».

То комполка Гуменчук нагрянул с передовой в штаб. Думаю, задаст перца за вывод мотора. Прибыл, доложил. Василий Акимович по-отцовски обнял меня за плечи, пожал руку, посмотрел пристально, говорит:

– Молодцы, взаимозаменяемость осуществили на деле, в бою. Самоходку Эпикурова видел? Она в боевой готовности. Экипаж вышел из строя, остался один механик-водитель. Принимайте.

Добавил виновато, устало, не командирским, извиняющимся тоном:

– Отдохнуть вам надо, но некому передать установку. Нужна в бою, мало машин осталось в строю.

Просьба командира – приказ. От самоходки идет Эпикуров,

докладывает, передает хозяйство.

– Вот и новая гроза «тиграм» и «пантерам». С какой стороны к тебе подходить? – язвит Святкин.

Приказываю экипажу:

– Проверить приборы, боекомплект. Каждый снаряд осмотреть, проверить наличие колпачков.

На душе кошки скребут, непривычно, нудно входить в чужой дом, о своей машине все знаешь, как заводится, как глохнет при выстреле, как бьет орудие, привыкаешь, веришь в нее. Доложил о готовности к выполнению боевой задачи. Приказ: «Дону» к 4.00 поступить в распоряжение командира первой батареи старшего лейтенанта Огурцова».

Новый бой, немец остервенело сопротивляется, наши с таким же упорством ломают оборону, выбивают огневые точки, живую силу. Комбат-1 приказал уничтожить дзот с пулеметом, который ведет огонь по правому флангу пехоты. Легко сказать, пытались подавить другие артиллеристы, он не уничтожается, живуч, видимо, имеет железобетонное перекрытие, либо башня танка над головой, может, просто везет какому-то «сверхчеловеку». Поговорил с командным пунктом полка, попросил понаблюдать за артиллерией противника, если потребуется – подавить. Страшен не сам пулемет, а огонь пушек, что стоят за высотками, только высунешься за бугорок, сразу ведут шквальный огонь.

После налета решил быстро отходить к лиману, в камыши, только не засадить бы десятитонную махину в болото. Нам в училище преподавали, что СУ-76 имела особенность: благодаря низкому удельному давлению на грунт она могла успешно передвигаться в лесисто-болотистой местности, сопровождая пехоту там, где не могли пройти средние танки и другие самоходные орудия. Надо использовать это преимущество.

Ползком, по-пластунски, вылез, где повыше. Замер, жду, когда оживет огневая точка. Вот он где, вижу возвышение. Каждому ставлю задачу, разъясняю пути исполнения. Выскакиваем на песчаный холм, фриц как на ладони, бьем по дзоту. Перелет. Недолет. Фу, пропасть, сказывается волнение, но молчу, ругань не к месту. Есть попадание, огонь, огонь! Пора сматываться, гансы с удовольствием променяют пулемет на самоходку. Механику-водителю командую по внутренней радиосвязи и сигнальными лампочками: «Задний ход, вправо, еще вправо». По бывшей огневой позиции, по вероятному пути отхода, сразу обрушен шквал огня, немец не дурак, разбирается в нашей тактике. Но мы отошли по невероятному пути, в камыш, к лиману, этим и спаслись. На НП волнуются, целы ли? Как ни в чем не бывало, воюем с лягушками. Радирую комбату:

– «Дон» задачу выполнил, прием.

Подключился наблюдательный пункт, хвалят. Чувствуется, что немец на издыхании, по его огневым точкам бьют полевая артиллерия и самоходки, готовимся к штурму, наша берет.

К исходу дня из-за моря показываются штурмовые Ю-87, над ними взад-вперед, кругом, вверх-вниз, как будто играются, носятся «мессеры». «Ястребков» не видно, давно такого не было. «Во-оздух!» – слышится кругом.

– Идут бомбить тылы, – определяет Святкин.

– Сколько их, смотри, смотри, поворачивают, – указывает Шустеров, пытаясь пересчитать самолеты.

Рев зениток, гул моторов, вой падающих бомб, взрывы, взрывы, первая волна пикировщиков обрабатывает тылы. Следующая группа сбрасывает бомбы уже ближе, еще ближе. Песчаная коса в разрывах, окутана облаком дыма, кажется, что море соединилось с лиманом, накрыло и погребло под смерчем все живое на мертвом песке.

– Нас миновало, – успел выговорить Василий.

Увидев новую волну бомбардировщиков, заорал сполошным голосом:

– Это наши, берегись!

И упал на дно самоходки. Святкин пытался выскочить из машины, я задержал, там неминуемая смерть. Почему не подумал, что и в установке не спасемся, не знаю. Из брюха бомбардировщиков отделялись черные точки, которые быстро превращались в огромные, зловещие капли и с раздражающим душу визгом устремлялись к земле. Три пикирующих «Юнкерса» с заунывным воем, ориентируясь по прежним взрывам, кладут бомбы точно вдоль нашего переднего края, одна досталась нам, упала впереди пушки рядом с лобовой частью. Что было дальше, уже не видели, не слышали, очнулись вверх ногами.

Взрыв разворотил лобовую броню, вырвал напрочь коробку передач, самоходка поднята в дыбошки, потом торчмя опрокинута через корму, сорваны и откинуты в сторону обе гусеницы, слева нет катков, осталось лишь ведущее колесо. Наша пятиметровая установка легла кормой к фронту, лобовой броней к тылу, так распорядилась взрывная волна. Эпикуров вместе с коробкой передач выброшен из машинного отделения, лежит поодаль. Мы трое в боевом отделении, кто как, все на головах, ногами кверху. Ближе к люку вперемежку со снарядами оказался Шустеров, под ним Святкин. Ниже всех моя голова на песке, крыша у самоходки брезентовая, перед боем ее снимали.

Что чувствовал в момент взрыва бомбы, не помню, оморок накрыл, лишь потом догадался, что душу сам себя, собственной

бородой уперся в горло, шею скрутило в бараний рог, в грудной части позвоночника адская боль. Понимал, что малейшее усилие, малейший подъем, и позвоночник не выдержит. Кое-как нашел лазейку для воздуха, вздохнул. Смотрю из боевого отделения снизу вверх и через дыры в броне вижу, как лучи заходящего солнца освещают желтый бензопровод мотора, всю внутреннюю стенку машины. Думаю: «Сейчас вспыхнет бензин, самоходка взорвется, вместе с ней и мы заживо сгорим». Выкарабкиваться из-под Святкина, Шустерова не было сил.

Первым на помощь прибежал старшина батареи Худайбердыев, он через люк вытащил заряжающего, затем за ноги – меня. Святкин вскочил, побежал прочь, лег в траншею. Со мною старшине пришлось повозиться, первым делом распрямил, поправил что-то выступающее на шее, сделал массаж, дал из фляжки водки с виноградным соком. Чистую русскую не пил, говорил, что мусульманский закон запрещает.

Я ожил, вволю надышался, почувствовал себя вполне боеспособным. Случилось непредвиденное, аника-воин Дронов очумел, схватил автомат старшины в левую руку, свой пистолет в правую, с криком: «За Родину, вперед!» метнулся в сторону переднего края. Немцы поднялись в атаку, кому, как не Дронову, ее отбивать? Худайбердыев не растерялся, схватил круженного за шиворот, затянул за самоходку, придавил коленом к рваной броне и к земле, держал до тех пор, пока казак не охолонулся, упокоился и начал стонать от боли в шее, груди, голове.

Наводчик Шустеров выскочил, стал оказывать помощь Эпикурову, у того перелом позвоночника в области поясницы. Под шквалом пуль и разрывов снарядов подползла медсестра, еще кто-то из бойцов. Мне сказала: «Лежи», дала какую-то пилюлю, быстро занялась Эпикуровым. Его перевязали, перебинтовали почти кругом, как мумию, виднеется лишь голова да рука. Как только живым остался – непонятно, железо, броня не выдержали, а человек дышит. Помню последние слова:

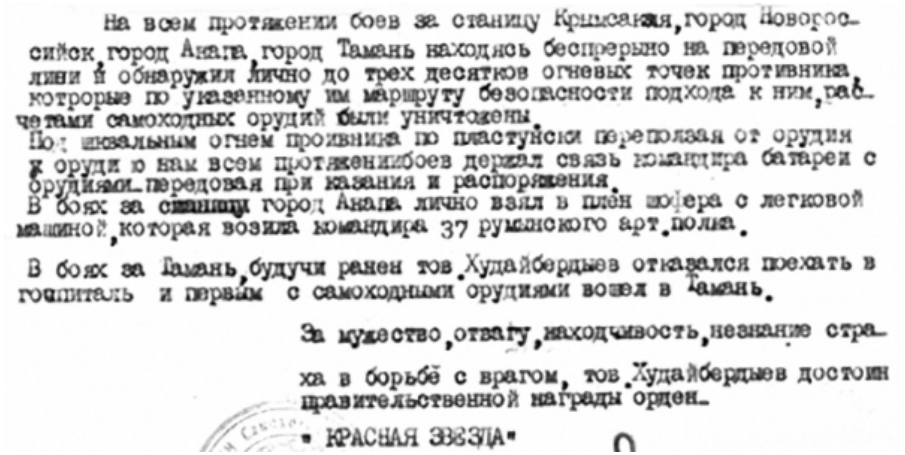
– Лейтенант, не обижаешься? Как я воевал?

– Хорошо воевал, – вымучиваю языком, не поворачивающимся из-за контузии, – быстрее выздоравливай, возвращайся.

Помню его последний благодарный взгляд, виделись не только страдание и боль, но и радость от чувства исполненного долга, оттого что остался жив, теперь вывезут из пекла. Бережно положили на носилки, поставили на бронетягач, по-братски распрощались, потом, как узнали, навсегда.

Этот бой был подробно описан в журнале боевых действий полка, в полковом архиве сохранился снимок остова нашей самоходки. За спасение экипажа и за другие подвиги,

совершенные на земле Тамани, Сапар Худайбердыев был награжден орденом Красного Знамени.



На всем протяжении боев за станицу Крымская, город Новороссийск, город Анапа, город Тамань находясь беспрерывно на передовой линии я обнаружил лично до трех десятков огневых точек противника, которые по указанному им маршруту безопасности подхода к ним, расчетами самоходных орудий были уничтожены.
Под шквальным огнем противника по пластунски переползая от орудия к орудию на всем протяжении боев держал связь командира батареи с орудиями передовая при казания и распоряжения.
В боях за станицу город Анапа лично взял в плен шофера с легковой машиной, которая возила командира 37 румынского арт. полка.

В боях за Тамань, будучи ранен тов. Худайбердыев отказался поехать в госпиталь и первым с самоходными орудиями вошел в Тамань.

За мужество, отвагу, находчивость, незнание страха в борьбе с врагом, тов. Худайбердыев достоин правительственной награды орден.

• КРАСНАЯ ЗВЕЗДА •

Наградной лист С. Худайбердыева

Дождавшись темноты, все трое, отдохнув на земле, с трудом поднялись и пошли. Только тут понял, какая она коварная – контузия. Бебухи отбил, никак к памяти не приду, усиливается боль в груди, мутит, дрожь в мышцах, шум-гам в голове, ослаб слух, язык не мой, не подчиняется. Потом узнал, что старший медслужбы полка капитан А. Метелкина диагностировала перелом шеек двух ребер, повреждение шейных позвонков, трещину в грудной кости, многое другое. До сих пор эти трещины-переломы дают о себе знать, боль не проходит, а с годами все больше и больше усиливается, ранения и контузии все чаще напоминают, мучают. До этого никому нет дела, травмы войны переносятся в одиночку, зачем о них трубить, к чему близким портить настроение, рассчитывать на соболезнование. Сочувствие немощности тоже тяжелый удар, действует разрушающе.

Доплелись до командного пункта, оттуда «Виллисом» в Благовещенскую, в тыл полка. Радовались, что остались живы, не чаяли, что война будет безжалостна, придется еще много раз смотреть смерти в глаза.

Не догадывались, что Святкина судьба скрутила в бараний рог, не выпрямиться, не стать строевым. Он не был ранен, а пострадал больше всех, руки и ноги стали дрожать, к службе не пригоден, демобилизовали. С виду балагур – а какой воин! Летом 1943 года, в боях за поселок Горно-Веселый, умело заряжая орудие, он помог своему расчету уничтожить прямой наводкой

немецкое самоходное орудие и наблюдательный пункт, за что вручили медаль «За боевые заслуги». В бою за Новороссийск был удостоен высокой солдатской награды – медали «За отвагу». В бою заменил раненого наводчика, уничтожил взвод пехоты противника и два наблюдательных пункта.

Говорят, в тылу было трудно – согласен. Считают, что медаль за бой, медаль за труд из одного металла льют – тоже правильно. Не могу принять, что жизнь воина на передовой можно сравнить с трудом человека в тылу, ибо это труд в поте, в крови, при высочайшем напряжении и… в страхе. Кто над этим глумится, тот ничего не знает о войне. Страх пронизывает всю жизнь на передовой, подавляется лишь приверженностью делу защиты Родины, чувством собственного достоинства, гордостью, честолюбием (любовью к чести!), нетерпимостью позора, трусости, ответственностью перед судом и трибуналом, для многих боязнью расстрела, прямым уничтожением за трусость.

К. Симонов писал: «Лейтенантская жизнь в дни наступления недолгая – в среднем от ввода в бой и до ранения или смерти девять суток на брата». Так было. Вот и равняй труд лейтенанта с трудом самой уважаемой медицинской сестры в Ташкенте! Об этом надо чаще напоминать не в меру ретивым администраторам из тыловиков.

Прибыв в тыл полка, в станицу Благовещенскую, встретили многих своих товарищей. Некоторые с ранениями средней тяжести (по медицинской классификации), но не пожелали идти в медсанбат, боялись отстать от своего подразделения. Особенно много пострадало тех, кто во время бомбежки вымахнул из самоходки, пытаясь найти спасение в песчаных укрытиях. Командир полка, анализируя бой на косе, поведение экипажей, указывал, что покидать машину не лучший, а худший выход из положения, тому наш пример.

Да, были в наших самоходках слабые стороны. Это не такое мощное, как хотелось бы, противопульное бронирование, пожароопасность бензинового двигателя и открытая боевая рубка. Она не защищала от стрелкового огня сверху, от закидывания гранат. Осколочно-фугасные снаряды не пробивали броню, но при разрыве убивали, контузили или травмировали экипаж ударной волной. Все это приходилось учитывать в бою. Из-за брезентовой крыши словохоты присваивали нашим пушечкам грубоватые прозвища: «голозадый Фердинанд» или «сучка». Хотя, с другой стороны, та же открытая рубка была удобна в работе, позволяла взаимодействовать с экипажем в городских боях, снимала проблему загазованности боевого отделения при стрельбе, можно было легко покинуть подбитую установку. Поэтому многие самоходчики были влюблены в СУ-76, мы ее ласково называли «сухариком».

На второй день Гуменчук пришел в клуню, в которой мы устроились. Встреча была трогательной, назвал молодцами, об экипаже сказал немало теплых слов. Он с НП наблюдал, как били немцев, умело маневрировали, видел, как оказались в центре бомбового удара. Пожелав быстрейшего возвращения в строй, направился к выходу. Я, как положено, сопровождал.

– Рад за тебя, Дронов, в сорочке родился. У самоходки живого места не осталось, а вы живы. Как не загорелись? Спасибо Худайбердыеву, вытащил вас вовремя. Я представил его к ордену.

Полуобернувшись, добавил:

– Теперь воевать до Победы.

– Есть воевать до Победы, товарищ полковник.

– Там, в установке, тыловики подобрали ваши вещи. Возьми у шофера в «Виллисе».

Водитель подает мою офицерскую фуражку, подобранную в самоходке. Смотрю и своим глазам не верю: в ней иверень.

– Что делать, на самом видном месте дырка.

– Тогда разрешите взять, я перешью.

На том и порешили, через некоторое время водитель щеголял в переделанной зашитой фуражке, так и дошла моя горемычная до Праги. На следующий день принесли еще один сувенир, часы от самоходки, при эвакуации на сборный пункт аварийных машин сержант Сидоров снял и решил мне вручить. Это были часы Кировского завода в пластмассовом футляре со светящимися стрелками и цифрами, я их привез на гражданку. В станице Казанской часы очутились в руках «часового мастера», не успевшего в свои 3–4 года набраться ума-разума. Попали… и пропали. Прекратили существование, вернее, стали бесформенной кучкой винтиков, колесиков, то прокудной чадушка Валерик разобрал их самостоятельно, без помощи вечно мешающих старших. Комплект завернули в носовой платок, узелок связали вместе с матерью, с хитрющей ухмылкой вручили папе на память. Выпороть бы «мастера», да жалко, и не в привычку.

Кстати сказать, часы да бритвенный прибор – это все, что доставил с войны трофейного, больше ничего не стяжал. На вопрос жены: «Какой подарок мне привез?» отвечал: «Самого себя и Победу». Трофеи никогда не схватывал, слишком много подпослед было трагедий с теми, кто ими интересовался.

Повалявшись немного в тылу, пришли в себя, хотя в костях груди боль, в голове шум, но молодость, ей все нипочем. Сплеча отвергли какую-то там дисциплину, здешнее начальство тыловики, им ли командовать? В течение нескольких дней превратились из бойцов, спаянных железной дисциплиной, в бесшабашных гуляк. Стали выкидывать коники. На машине ночью со светом повадились охотиться на зайцев в виноградниках. Вступили в артель лейтенанта Лбова, старожила тутошнего, он был ранен в руку. Развернули на полную мощность работу цеха по производству вина, по перегонке сивухи в спирт.

Все давалось легко, подумаешь, сложность, чуть-чуть помытыми босыми ногами в чану надавить виноградного сока. День, другой, сивуха для сугреву готова. «Пей, ума не пропивай». Хотите спирта, пожалуйста, чихирь заливаем в двадцатилитровый бидон (немецкий kraftschtof), в пробку вставляем трубку (медный бензопровод от мотора самоходки), второй конец скручиваем в кольцо, опускаем в холодную воду. Осталась самая малость, подогревай на медленном огне бидончик, собирай чистейший spiritus vini, можно разными фракциями. Две фляжки гулебная компания успела отправить товарищам на передний край. Помешал развернуться командир полка, кто-то предал артель.

– Гуменчук, Гуменчук, – слышится кругом.

Подполковник приехал в тыл, вкручивает щетинку, разносит службы за нерасторопность, несвоевременную подачу на передовую горючего, боеприпасов, горячей пищи. Дошла очередь до нас, посмотрел на расхлябанность, говорит:

– Безделие для воина тяжче опасного боя, заживо губит.

Тут же назначил сержанта Шустерова исполняющим обязанности командира экипажа другой СУ-76, к вечеру и наша установка появилась, пригнал из Анапы механик-водитель старший сержант Карандашев. Не какая-нибудь, а наша родная самоходочка возвратилась к хозяевам, вот повезло! Рад был Василий, больше не тому, что командиром стал, а что встретил свою машину. Сколько прошли на ней: Крымская, Молдаванская, Анапа, Благовещенская, Кабардинский перевал, Новороссийск, и ничего, обошлось. На чужой сразу чуть Богу душу не отдали, и пяти километров не прошли.

Умение побеждать

Комполка забрал меня в «Виллис», везет на замену, думаю, убит кто-то из командиров орудия. Гуменчук неожиданно отдал начальнику штаба распоряжение оформить приказ о назначении лейтенанта Дронова командиром 2-й батареи СУ-76. Вот те на, подразделения-то нет, из вооружения одна самоходка, личный состав раз-два и обчелся, в резерве лишь соратники по виноделию. К вечеру прибыл начальник штаба полка, определил, кого отозвать из тыловых подразделений, из отдыхающих и поправляющихся, передал батарее экипаж лейтенанта Илькова, составил расписание учебы личного состава, приказал:

– Комбат Дронов, занимайтесь боевой подготовкой. Учите людей, готовьте подразделение к бою.

Наутро прибыли еще две установки, пока только понятие, что боевое подразделение, как сделать его действительно боеспособным – забота командира батареи. Первой задачей считал быстрейшее приведение личного состава в состояние боевого организма, необходимо излечить питейные раны тыловой жизни, они были тяжкие!

В армейский порядок привели машины, орудия, приборы, личное оружие. На примере установки Шустерова определил строгое вседневное расположение оружия, боеприпасов, личного обмундирования, чтобы в любое время, днем и ночью, в любой ситуации безошибочно взять каждую вещь на ее месте, ничего не должно лежать кулем, как попадя. Технику выдраили, чтоб как у офицерской кобылы – все до самой подхвостицы помыто и выскоблено. Строгий порядок, чистота оружия и техники, опрятность каждого батарейца остались на всю военную жизнь главными чертами моего характера, не требовал «строевитости», спрашивал собранность, добивался осмысленной, самовытекающей из обстановки дисциплины.

Понимал, что группа вооруженных современным оружием людей, спаянных самодисциплиной, обладающих стойкостью, может совершать, незаметно для себя, чудеса воинской выучки. Наоборот, расхлябанность – это мягкий колпак, в котором задыхается живое, боевое, чересседельню отпускать нельзя. Доказывал личному составу, что оснащены могучей силой. На бронированную машину устанавливалась универсальная дивизионная пушка ЗИС-3, хорошо зарекомендовавшая себя в боях. Ее подкалиберный снаряд с дистанции 500 метров пробивал броню до 91 мм, то есть любое место корпуса немецких средних танков, а также борта «пантеры» и «тигра».

Внушал, чтобы не кичились боевым опытом, знаниями, их мало. Создано напряжение, это уже дело. Через два дня прибыли заместитель командира полка и помощник начальника штаба. Объявили учебную тревогу, приказали вывести батарею на условный исходный рубеж, провели беседу с личным составом. Много рассказали об обязанностях командира-единоначальника по воспитанию подчиненных, об ответственности за каждого из них. Приказали построить личный состав.

– Вот и воскресла вторая батарея, – проговорил замкомполка вслух, будто сам с собою.

– Она не умирала, мы-то живы, – не по-уставному, прямо из строя возразил экспансивный командир 3-й самоходки Иннокентий Ильков.

Думаю, черти тебя мордуют, испортишь дело, но майор не придрался. По команде «смирно» объявляет от имени командира полка командиру батареи, командирам экипажей, всем бойцам благодарность за образцовое состояние материальной части, высокую боевую готовность.

– Так держать, комбат!

– Есть, так держать.

Вскоре приказ: второй батарее 06.10.1943 года к 3.00 быть в пункте сосредоточения в районе южного берега озера Соленое, комбату Дронову прибыть за получением боевого приказа. Окончился наш виноградный сезон. Перед ужином разрешил старшине батареи выдать из своих запасов по сотке на брата, нужно перед походом взбодриться, принять стременную, как у казаков заведено.

– Тревога, командиры установок, ко мне, слушай приказ. Без света, дистанция 50 метров, я в голове колонны.

Вот она, земля, изрытая воронками от снарядов, исполосованная гусеницами и колесами машин, пересеченная от моря до лимана траншеями, ходами сообщения, обильно политая кровью солдат и офицеров. Нашли песчаную косу, где была подбита самоходка, она чуть не стала нашей могилой. Шустеров, проезжая мимо, дал очередь из автомата: салют героям. Видим рубеж, где стояли подбитые танки, тут мы попали в вилку, сюда сбежали, с этих позиций кромсали пехоту, оттуда подавили пулемет, вот лощина, в которой нашли свой бесславный конец десятки фрицев. Что ни шаг, то переживания. Теперь высотки, преграждавшие путь на Тамань, наши.

На пункте сосредоточения встречает ПНШ-2 капитан Дуров, информирует об обстановке. В ночь на 3 октября наши части сбили немцев с рубежа деревни Веселовки, подразделения 55-й и 89-й стрелковых дивизий посажены на танки, направлены на

город Тамань. Батарея вступает в бой, на самоходки посажены автоматчики и саперы, поступает задача преследовать врага, это было инициативой в тактике ведения боя, рожденной в условиях непрерывного наступления. На новом рубеже немец встретил неимоверно сильным заградительным огнем, пехота залегла, СУ-76 всю мощь обрушили на огневые точки противника, расчищают путь бойцам. Все-таки это сила, в полку 40 боевых машин.

Отличился экипаж Илькова, пехотинцы их потом на руках носили. Сержант Шустеров, будучи командиром установки, сам стал за панораму, его почерк почувствовали все наводчики батареи, умел стрелять артиллерист.

Сопротивление немцев доводилось преодолевать на каждом рубеже. Многие спрашивали, что заставляло гитлеровцев так упорно сопротивляться, почему не сдавались в плен? Главным был трепет перед расплатой, они боялись слов «котел» и «Сибирь». Почему Сибирь так пугала, не знаю, видно поработал Геббельс. А еще страх перед приставленным к затылку дулом пистолета, расстрел младших всяким старшим у них был введен в 1943 году. За невыполнение задачи, отступление полагалось уничтожение без суда и следствия, этот приказ крепко вошел в жизнь немецкой армии, особенно пострадали от него румыны и словаки, их расстреливали пачками. Пленные нам говорили: «Либо я буду убивать, либо меня убьют». В тех случаях, когда можно было избежать гибели, румыны и словаки сдавались в плен.

До поры до времени эти жесткие меры помогали немцам удерживать фронт, способствовали эвакуации в Крым наиболее боеспособных частей и награбленных ценностей. Сколько фрицев полегло под Таманью! Упустили некоторых, выпустили в Крым, а жаль.

Плацдарм врага на побережье Черного моря был ликвидирован, 9 октября Москва салютовала освободителям двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий. Нам зачитали новую задачу Военного Совета Северо-Кавказского фронта – освобождение Крыма. В обращении к войскам говорилось: «На долгие годы не померкнет ваша слава, слава героев битвы за Кавказ и Кубань. Перед вами стоит вторая, не менее ответственная и не менее важная задача – ворваться в Крым и очистить его от немецко-фашистских захватчиков. В данный момент самое главное и важное – форсировать и преодолеть Керченский пролив».

Командирская подготовка

Остановили бронированных «коней», как некогда казаки, предки наши, своих дончаков у самого синего моря. Умылись соленой морской водой, привели себя и технику в порядок. Край кубанской земли, дальше Крым. Донимает мысль: «Что нас ждет?» Страшились плыть через перешеек на скорлупках, с бронированным камнем на шее. К земле попривыкли, на воде страшновато, земля она мать родная, а море… Никто не знает, как нас примолует. Жди горя от моря, а беды от воды.

Думай, не думай, готовиться к десантным операциям надо, учимся сами, учим людей. В один из вечеров, когда миновала опасность налета авиации, решил собрать личный состав батареи на беседу. Задание получил на командирских занятиях, где снабдили материалами, пособиями, дали сводки Информбюро, свежие газеты, статьи М. Шолохова.

На батарею пришел начальник связи полка капитан И. Яшневский. Он устранил неисправности в работе приемников и передатчиков, проинструктировал экипажи об устранении погрешностей в работе средств связи. Прибыли медработники во главе с капитаном медицинской службы А. Метелкиной, она оказала помощь больным, проверила аптечки, выдала индивидуальные пакеты. Соблюдая субординацию, первым выступил связист, толково разобрал ошибки в обращении с радиоаппаратурой, рассказал о правилах работы, соблюдении радиомаскировки. Медслужба довела до сведения, что в случае опрокидывания плота не следует погружаться в воду полностью, особенно беречь область сердца.

Потом состоялась моя беседа, зачитал приказ об освобождении Тамани:

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

Генерал-полковнику Петрову

Войска Северо-Кавказского фронта ударами с суши и высадкой десантов с моря в результате многодневных упорных боев завершили разгром таманской группировки противника и сегодня, 9 октября, полностью очистили от немецких захватчиков Таманский полуостров.

Таким образом, окончательно ликвидирован оперативно важный плацдарм немцев на Кубани, обеспечивавший им оборону Крыма и возможность наступательных действий в сторону Кавказа.

В боях за освобождение Таманского полуострова отличились войска генерал-лейтенанта Леселидзе, генерал-лейтенанта Гречко, генерал-майора Гречкина, генерал-майора Хижняка, генерал-майора Провалова, генерал-майора Сергацкова, генерал-майора Лучинского, летчики генерал-лейтенанта авиации Вершинина, моряки вице-адмирала Владимирского и контр-адмирала Горшкова.

В ознаменование одержанной победы соединениям и частям, отличившимся в боях за освобождение Таманского полуострова, присвоить наименования «Таманских», «Темрюкских», «Анапских» и «Кубанских»…

Преобразованным гвардейским дивизиям вручить Гвардейские знамена.

Сегодня, 9 октября, в 22 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует нашим доблестным войскам, освободившим Таманский полуостров, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность всем руководимым вами войскам, участвовавшим в боях за освобождение Таманского полуострова.

Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. СТАЛИН
9 октября 1943 года [№ 31]

Я попытался психологически подготовить бойцов к десанту, спросил, есть ли вопросы. Внезапно Метелкина опередила странным высказыванием:

– Боюсь моря. Черное или синее, кто его поймет. Сколько это чудовище жизней поглотило!

Мы смотрели с недоумением, что с ней? Волнуется перед десантом, не может этого скрыть. Невольно в голове: «Бабий язык – чертово помело…» Слово попросил лейтенант Ильков, командир 3-го орудия.

– Это краса Юга. Недаром греки называли его гостеприимным. Русский народ сколько сил приложил, чтобы овладеть побережьем и водами. Это ворота в Азию, в Европу. Море кормит.

– Кормит! Останусь живой, не съем и куска черноморской рыбы.

– Не было бы Черного моря, не стало гордого Севастополя. А Нахимов, Толстой, Корнилов? Что там, без Черного моря не

состоялась бы Россия. Как у Тютчева:

Ты волна моя, волна,
Сладок мне твой тихий шепот,
Полный ласки и любви.
Внятен мне и буйный ропот,
Стоны вещие твои.

А вы – чудовище.

– Вот-вот, именно «стоны вещие» и противны, – не унимается взбудораженный доктор.

Пришлось поддерживать обоих, чтобы ни того, ни другого не обидеть. Понимал, что надо рассеять мрачные мысли перед переправой. К месту стрянул лейтенант Лбов:

– Смотрю на красоту, думаю, не вылезут из воды турецкие янычары с кинжалами в зубах. Не поддадут жару за обиженных друзей-немцев?

– Товарищ лейтенант, разрешите вопрос. Правда, что турки, япошки, персы собираются нападать? – спрашивает старший сержант Карандашев.

С удовольствием увожу мысли от высоких материй:

– Собираются ли сегодня, после Сталинграда, Курской дуги, Тамани, не знаю. Молчат, прикусили язык. Что готовились нападать летом 1942 года, это правда. Не дождались разгрома наших армий. Турки хотели отхватить часть Кавказа. Япония была наготове, отмобилизовала миллионную Квантунскую армию, стремилась к оккупации Дальнего Востока и Сибири. Про персов мало знаю. Лектор из политуправления говорил, что и они копошились. Наступление в 1943 году остудило горячие головы, умерило пыл охотников до лакомого куска.

– Товарищ комбат, – обращается наводчик сержант Петров, – слыхал, что немцы привозили на Дон царского генерала, родственника донского атамана Краснова.

– Немцы привозили его племянника не на показ. Рассчитывали, что белогвардейцы, грузинские князья, дашнаки и прочие подымут восстание против советской власти. Казаки пошли не к немцам, а в Красную Армию. Слышали, как воюет казачий корпус Доватора, 4-й гвардейский Кубанский, 5-й гвардейский Донской корпус?

Зачитываю коллективное заявление колхозников станицы Шумилинской Верхнедонского района Ростовской области, текстом письма вооружили на командирских занятиях в штабе полка: «Мы, казаки, не можем на словах выразить наше проклятье врагу Гитлеру и его приспешникам. На собрании мы решили

записаться в народное ополчение, чтобы с оружием в руках беспощадно громить врага».

С галерки подает голос старший сержант Митин:

– Когда откроют второй фронт? Обещали, обещали, или обещанного три года ждут?

– Никогда они его не откроют, – категорично отвечает Митину лейтенант Лбов, – капиталист капиталисту, как ворон ворону, глаз не выклюет.

– Как думает сержант Михайлов? – обращаюсь к сидящему в сторонке наводчику.

– Чума его знает. Запутлялся, товарищ лейтенант, не знаю. Ждал, ждал, жданки поел, а второго фронта нету. Шибче бы общими силами разгромить немцев и пойтить по домам. В колхозе хлеб не убран, кормов мало. Сенца корове некому наготовить. Одни бабы, все на их плечах. Что они, прокормят детей, да еще и нас? Детишки дожидаются, да и к женке пора бы…

Оперся руками на край окопа, отломил комок земли:

– Вот она, землица. Ей не осколки нужны, а семена. Любовь человеческая, а не злоба. Земля трудом кормится.

Казаки на Эльбе, в центре А. Т. Дронов, 1945

Наступила трудная тишина, вот тебе и Михайлов, все думали, молчун, уродился от супругов – от пенька и колоды, никто его таким не знал. Скорее надо дать ответ по второму фронту. Найти слова, которые могли бы загнать этих чертиков с рогами – мысли о доме, о земле, о жене поглубже да подальше, нельзя обострять чувства по дому, по семье.

– Вопрос о втором фронте никого не оставляет в покое.

Думает о нем и товарищ Сталин. По-своему считают Черчилль, Рузвельт. Что могу ответить? Надо надеяться: второй фронт будет открыт. Когда? В тот момент, когда убедятся, что можно опоздать. Теперь они понимают, что мы способны одолеть один на один немецкую армию, пронести красный флаг по Европе. Только какой тогда будет порядок вместо фашистского? Эти вопросы стоят перед нашими союзниками.

– Кабы поскорее да трошки полегче. Через 2–3 дня и Крым. Неделька-вторая, и Берлин, – вновь говорит Петров.

– Эка куда загнул, – вскидывается Шустеров, – быстрый ты. Надо сперва вот этот перешеек перешагнуть, пройти Крым. Освободить во-он сколько государств. Чтобы был ближе Берлин, надо вам, товарищ Петров, посмелее да поточнее вести огонь по немчуре. Вперед рваться, не сзади топтаться, как надысь в тылу пыль глотали. На свежий воздух надо. А ваша самоходка как-то не спешит вперед, да и огонь редковато ведет… Вы все чаще: целил в воробья, а попал в бугая.

И пошла критика! Молодец, Василий. Делаю заключение, подаю команду:

– Встать, разойдись.

– Спасибо тебе, Саша, – пожимая руку, говорит Аня Метелкина, – как будто на лекции побыла. Глаза на многое открылись. Хорошие у тебя ребята.

– В вашей батарее не так, как в других. Здесь бойцы дружнее, грамотнее, – вступает в разговор Яшневский.

– Хорошая батарея. Может и воевать, и решать вопросы государственной важности, – подшучиваю над ними.

Может, и выживу

Спят солдатики, бодрствуют лишь часовые и комбат. Все ли в порядке с каждой самоходкой, исправно несут службу часовые, начеку экипаж дежурной установки? Надо проверить, обошел батарею, теперь можно и нужно заснуть, время приближается к 24.00. Вспомнил о письме родителей, которое получил вчера, тогда прочитал быстро, не успев разложить мысли по полочкам. Притулился под днищем самоходки, включил переноску, перед глазами дорогие строки. Адрес на конверте, как обычно, написал папаня, как всегда, с ошибками: Дронову Александре Тихоновичю. Знает, как правильно, но все равно вместо «у» ставит «е» и «ю», потому что эта буква грубее, посему не должна быть написана, вот такое казачье упрямство.

Отец сообщает: *«У нас все благополучно, теперь жить можно, помаленьку становимся на хозяйство, купили козочку, в колхозе обещают дать тялушку. Немного накосил и перетаскал в сарашко сена, да еще листьев нагребем. Вчера в колхоз из МТС пришел трактор».*

Затем вступает мама. Она всегда пишет больше, душу в письме изливала, все эмоционально окрашено: *«Сыночек Шурушка, Володюшка, родненький твой сыночек, поправляется. Как немцев выгнали, так ему стало легче, спит с дедушкой и с бабушкой по очереди, а то он ишо пужается, проклятые немцы дюже орали на нас. Ты, Шурушка, не беспокойся, у нас теперь все хорошо. Мы самое страшное пережили. Теперь дождаться бы всех вас, гужом-то и нужду-лихоманку легче будет переносить.*

Бог даст, Володюшка поправится, он парень смышленый. Катюшенька твоя ноня письмо из Джалги прислала, у них с Верочкой и свахой тоже, Бог милостив, благополучно. Бедные, пережили под немцем немало, их турсучили за отца, он же красный партизан еще в гражданскую был, и теперь добровольцем ушел. Да и она отказалась работать на немцев, но теперь все обошлось. Пошли, Господи, им счастья. Ждем тебя с победой и с книжками для Володюшки, он дюже ждет папу».

Нет, мама, не благополучно, много надо пройти с боями, через смерть и муки, чтобы больше этого не повторилось. От родного Дона мысли перенеслись на Маныч, в Ставропольский край. Достаю письмо от Катюши, уже третье с тех пор, как возобновилась переписка со времени освобождения хутора Большой Джалги от оккупации: *«Здравствуй, Шура. Мы живем хорошо, о нас не беспокойся».*

Кто провел с ними таковскую работу, что и родители, и жена

в письмах пишут только о хорошем? Лишь иногда между строк увидишь это «благополучие».

«Меня и дочушку твою, Верочку, полицаи-уроды заносили в черный список как неблагонадежных. Теперь выяснилось, что не успели немцы добраться, не хватило времени нашу семью уничтожить. Вышвырнули советские войска их быстро, освободили нас».

Вот тебе и «хорошо». Решил еще раз перечитать другое письмо от мамы. Хранил, пока не истерлось в прах, к тому времени конверту было уже с полгода.

«Ишо сообчаю тебе, что наш Ваняшка-маленький, Топольсков он по отцу, погиб. Немцы-супостаты повесили его. Долго пытали, но своих не выдал, партизаном был. Кто-то из казаков выдал его, страма-то какая, это не с нашей станицы, а с Мигулинской. Царство Ваняшке небесное, вот ведь какая доля у парня, в энту войну немцы отца убили, нонича сына-сиротку.

Вот от Юнюшки ничего нет. Давно уже надо быть письму. Как отступили за Дон, нет никакой весточки. Болит душа за него, за его деточек.

Отольются антихристам-германцам слезы наши, родимец их возьми, дойдут до Бога молитвы материнские…»

Тяжело читать письма, без них еще труднее. С нетерпением поджидал, высматривал почту, главное – известие, что живы. Выполз из-под самоходки, выпрямился во весь рост, пошел к морю, вдыхаю плотный воздух, насыщенный влагой. Тут, на берегу Черного моря, в октябре 1943 года, впервые за 800 дней войны, подумал: «Пожалуй, можно живым остаться».

На войне такое убеждение вредное, с ним трудно сражаться, эти мыслишки до сего времени не посещали, не одолевали, и хорошо было. Думалось: хучь сову об пенек, хучь пеньком сову, все одно сове не воскресать. Так жить было проще. «Во что бы то ни стало, любыми средствами остаться живым», – людей с такими размышлениями встречал, терся бок о бок с ними, жалкий вид они имели, трусливый.

Спать, спать, наступает новый день октября, засыпаю с думой о родителях. Мама, маманюшка, сколько неизбывного горя принесла тебе война. Оказалось, мало тех несчастий, испытаний, которые принесла судьба в двадцатые, тридцатые годы. Потеряла первого мужа, четырех его братьев, невесток, верных их жен, родителей, безвременно ушедших от голода и невзгод. Теперь эта

«кара господняя», – как ты пишешь. Отрывала от себя, отдавала нам последнюю корку хлеба, последнюю картошку в голодные 21-й и 33-й годы, отдаешь и сейчас нашим детям, внукам своим. Не сумею сказать всего того, что чувствую к тебе, разве найдешь слова. Письма, как они важны, когда их ждешь. Наверное, и мои послания с фронта не были безразличными. Вот одно из них, написанное в 1945 году.

«Здравствуйте, дорогие родители, я живу хорошо (?!) Воюю успешно, бью немцев на их собственной территории, недалеко то время, когда последние тысячи фашистов падут на колени и будут просить милости. Задачу выполним, этому обязывает наш исстрадавшийся народ, так обязывает пролитая кровь миллионов людей, тяжкий труд и пот наших братьев-каторжников в Германии. Посылаю вам справку о своем награждении правительственными наградами, полагаю, что она послужит делу моральной удовлетворенности и материальному обеспечению вашей жизни[3].

Вместе с тем на днях вышлю новый денежный аттестат на 1945–1946 гг. Хочу, чтобы труд, вложенный вами в наше воспитание, не пропал даром, чтобы старость была обеспеченной и спокойной.

23.03.1945 г. Германия.

С поклоном, Ваш сын Дронов».

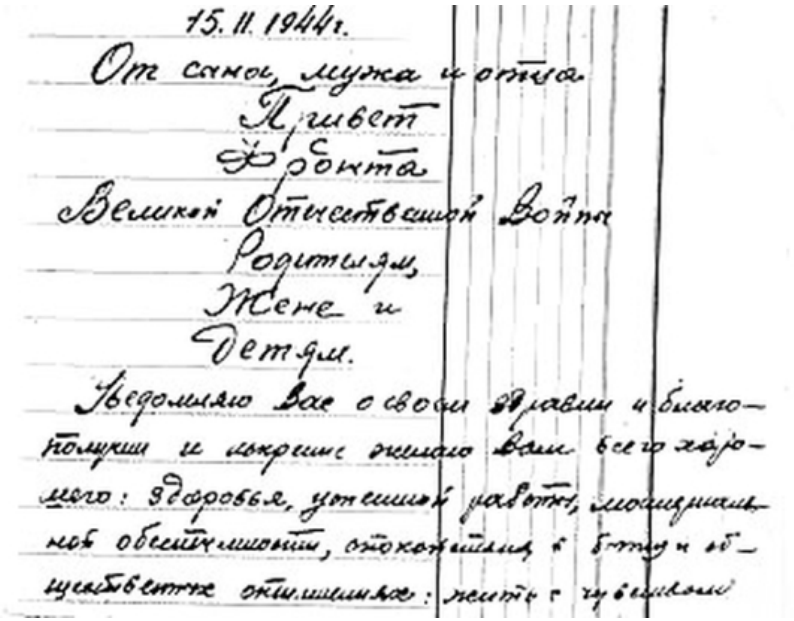
Еще письмо от 12 февраля 1945 года из Польши:

«Радуюсь тому, что дети мои Вовочка и Верочка растут хорошими. Хочется их видеть.

Учите их верить в свои силы, самим решать вопросы, которые перед ними ставит жизнь, самим выходить из трудных положений. Учите труду. Это не значит, что детей можно предоставить самим себе, нет, обилие воздействий, при том влияний, непосильных детской психике, наоборот, подорвет их, воспитает чувство беспомощности, неуверенности и апатии.

Детям надо помогать осознавать жизнь, не водить за руку. Пусть сам идет. А уж если видишь, что не пройдет, то лучше направь окольным путем, но не води, еще раз повторяю, не води за руку. Детям нужно художественное воспитание, как взрослым любовь. Оно дает импульс, толчок к более глубокому восприятию окружающего. Женушка, вышли какие-либо свои фотокарточки. Какими стали дети, какой – ты сама. Если нет новой, вышли хоть прежнюю свою фотокарточку. Я прибавлю к ней 3–4 года военного времени, оккупационного режима и, как следствие этого, энное

количество морщинок… представлю женушку в теперешнем виде».


15.II.1944г.
От сына, мужа и отца
Привет
Фронта
Великой Отечественной Войны
Родителям,
Жене и
Детям.
Уведомляю Вас о своем здравии и благополучии и искренне желаю Вам всего хорошего: здоровья, успешной работы, материальной обеспеченности, спокойствия в быту и обществе. Остаюсь с

Письмо А. Т. Дронова с фронта, февраль 1944

Вот открытка, на ее лицевой стороне девочка с медвежонком. Адрес: Дроновой Вере Александровне. К сожалению, военная цензура так похозяйничала, что многого не прочитаешь. Еще одна, на лицевой стороне парнишка с ружьем.

«Здравствуй, Вовочка. Ты, случайно, не похож на этого «сорвиголову»? Хороший хлопец? А если он еще и учится хорошо, то просто отличный парень. Вот таким и ты будь. Папа».

24 марта 1945 года.

Просмотрено военной цензурой № 05800.

Сохранилась открытка, адресованная детям. На лицевой стороне красивый пейзаж с разной мелкой живностью. *«Здравствуйте, дорогие мои Вовочка и Верочка. Посмотрите на эти холмы, долины, цветы, кузнечиков, божьих коровок, скворцов, на природу. Сколько прелести в ней. Любите, изучайте, природа – это мудрость. Учитесь мудрости у природы. Ваш папочка».*

Печать в/цензуры № 05977.

В том немногом, что уцелело из писем в конце войны, видна уверенность в победе, до нее недалеко, но до смерти ближе, чувствуется завещательная нота. Было от чего, немец сопротивлялся с отчаянием отрешенного, мы несли тяжелые утраты. Даже в таком маленьком коллективе воинов, как наш,

именно в то время погибли командир третьей батареи Горбунов, командир первой батареи Огурцов. Многих товарищей потеряли в последних боях.

Меня миновала эта участь, может быть, потому, что в июне 1944 года был переведен в штаб полка на место убитого в бою помощника начальника штаба. Тоже не глубокий тыл, особенно для офицера с переднего края и взятого для дальнейшей службы на ПК, но это не боевые порядки батареи, тем более не огневые позиции самоходки. В штабе по тебе пушки, пулеметы, минометы, автоматы огонь не ведут, долетают лишь «слепые» снаряды, мины. Самое неприятное бомбы, но не то, не то, братцы штабисты! Тут я, как у Христа за пазухой. Кто всю войну обретался вдали от окопов, чувствовал себя везде, как рыба на сковородке, боялся и в штабе, и в тылу. Мораль: отведавшему, что такое пекло, огонь не страшен.

– Командиры батарей, в штаб. Подготовить матчасть и личный состав к длительному маршу.

Передислоцировали на берег Азовского моря, по данным разведки, сюда ожидается высадка десанта противника. Полк ввели в состав 9-й Краснодарской казачьей пластунской дивизии. Голый обрывистый берег, крутояр на семи ветрах, ни построек, ни деревьев, немцы разрушили, увезли на дзоты. Заосеняло, бушующее море с каждым днем свирепеет, свистящий, промозглый ветер находит везде, холодно, не спрячешься, не горит ни один очаг, нет топлива. Ни уюту, ни приюту. Спросил у старшего лейтенанта Илькова: «Ну как, ты волна моя, волна?» Молчит.

Капитан А. Т. Дронов, Украина, г. Станислав (Иваново-Франковск), 1945

Самоходки закопали в землю, замаскировали, под установками устроили убежища, углубив яму между гусеницами. Чем ближе к зиме, тем труднее, днем получше, ночью невтерпеж, занудились, набрыдла такая жизнь, негде обогреться, помыться. Вошь одолевает, пропаривание в бочках не всегда достигало цели. Где ногтем поскребешь, там и вошь. Самое надежное средство – промыть белье в бензине, но он на вес золота, на строгом учете. Девушки повадились, придут и передергивают плечиками, почесываются незаметно (для них самих). Приходилось выделять по половине ведра, в бензине производили дезинфекцию имущества, снимут с себя одежонку – и в ведро, сами в это время сидят в плащ-палатке телешом, в чем мать родила. Одна

связистка удосужилась намочить горючим голову, бедная, как только вытерпела. Бензин на руки попадет, и то кожу сушит, ядовитый какой-то был, но вошь убивал отменно.

Плохо в наступлении, в обороне тоже не мед, особенно на голом возвышенном месте. Милое дело лес, в любую стужу, даже без огня, копай ровик, клади сосновые лапки, ложись, как на перину.

Фронтовое счастье

«Азовское стояние» затянулось. Наступил ноябрь, приближается праздник Великого Октября, надо и здесь, на голых морских берегах, отметить, отпраздновать 26-ю годовщину. За два дня до праздника замполит полка майор Мещеряков вызвал в свою землянку командиров батарей, тыловых подразделений и служб, спрашивает:

– Как думаете праздновать?

– Проведем собрание, объявлю благодарность тем, кто заслужил, споем, потанцуем, подготовим кое-какие номера. Днем 7-го проведем соревнование по стрельбе из личного оружия, – докладывает командир четвертой батареи Александр Храмченко.

– А как третья? – спрашивает старшего лейтенанта Горбунова.

– Да так, соберемся, поговорим… – мямлит Павлик.

– Не густо, – заключает Мещеряков.

– Капитан Барановский, – обращается к зампохозу полка, – чем порадуете?

– Обед будет праздничный.

– Две нормы? – спрашивает кто-то о количестве запасенной водки.

– Вам придется выдать строго по норме, – отвечает Барановский, – выдадим белье, новые портянки.

Получить на праздники теплые портянки – мечта того времени.

– Что скажет Дронов?

– Вторая батарея вместе с взводом боепитания сооружает палатку, натянем брезент между «студебеккерами», повеселимся, ребята готовятся.

– Идея! – проговорил майор. – А если сделать навес человек на 150? (В полку около 200 личного состава.)

Загудели:

– А демаскировка? «Рама» посещает, наведет бомбардировщики, будет нам праздник.

– Палатку соорудить за один вечер, к утру разобрать, следы скрыть. – Мещеряков звонит командиру полка.

Гуменчук пришел быстро, наметили план. Старшему лейтенанту Храмченко подготовить художественную самодеятельность, комбату-2 Дронову соорудить 6 ноября к 22.00 палатку, 3-я батарея дежурная. На голом месте, без столба, без доски стали мастерить сцену. Шестиметровые «студеры» установили стенами, два ряда по четыре машины, по одной спереди и сзади, одиннадцатый грузовик «костюмерная». Вокруг

натянули утепленный, двойной брезент, сверху тоже два слоя, трибуны возвели из ящиков для снарядов, обтянули кумачом, столы – штаб разгромили и хозчасть, занавес повесили на тросах, светят лампы-переноски. Сиденья – это проблема, их сделали из земли и плащ-палаток, под ноги вырыли ровик глубиной в штык, рельеф выбрали покатом к стене, задние сиденья повыше.

Из штаба прислали три лозунга, на сцену и по бокам, в глубине портрет И.В. Сталина. Машинистка штаба Тамара и помощник начальника штаба съездили в город, выменяли за три буханки хлеба три цветка в горшочках.

Подполковник увидел и ахнул, доложил начальству. Глядим, едут на «эмке» командир 9-й казачьей пластунской Краснодарской дивизии генерал-майор П.И. Метальников с офицерами штаба, на грузовой машине везут артистов самодеятельности дивизии. Торжественное собрание открыто, выступили комдив, комполка, офицеры, сержанты, солдаты. Почтили память участников революции, Гражданской и Отечественной войн, генерал вручил награжденным ордена и медали. Торжество было великое!

Метальников доложил, что наш 1448-й отдельный артиллерийский полк 9-й пластунской дивизии награжден орденом Красного Знамени. Его от имени Верховного Совета СССР вручил член Военного Совета 60-й армии генерал-майор В.М. Оленин. Награды мы были удостоены за образцовое выполнение воинских заданий на фронтах борьбы с немецко-фашистскими захватчиками.

Затем начался концерт, первым отделением ведали дивизионщики, вторым артисты нашего полка. «На бис» спела о любви полюбившаяся певица:

Холодно, холодно на морозе петь,
Если милый не умеет,
Если милый не желает
Мои губки обогреть.

Подмигнула красивыми глазками и ушла. Как перенести такой упрек? Затем выступили наши товарищи под руководством Александра Храмченко. Откуда что взялось! Русские песни сменялись украинскими, узбекскими, казахскими, гопак лезгинкой, «яблочко» барыней. Гвоздем программы было исполнение самим Храмченко, какие это были песни! Большой любитель и ценитель пения Гуменчук говорил, что Александр имел голос – «серебряный колокольчик». Не знаю, какому месту лейтенант больше соответствовал, должности командира батареи

самоходных пушек или певца консерватории, он ли один работал в то время «не по специальности». Празднование удалось, бойцы были на седьмом небе, давно так не веселились, не радовались. Часто вспоминаю тот вечер, брезентно-палаточный «Дом культуры» без окон и дверей, добрую улыбку генерала Метальникова, с которым дошли до самой Чехословакии, довольное выражение подполковника Гуменчука, вдохновенного комбата-4 Храмченко, разгоряченные лица танцоров.

Теперь, когда вижу серые, унылые физиономии молодых, бессильных организовать досуг, становится не по себе, иждивенческое настроение вызывает гнев. Неужели человеку нужно пройти через нужду и горе, чтобы уметь чувствовать счастье? Надо вырастить самому цветок, если нет возможности, выменять его на кусок хлеба, сэкономленный из своего пайка, чтобы увидеть его прелесть, почувствовать в самом себе и в товарищах радость при виде этого цветка.

«Ура, ура» слышится на позиции батареи, то бойцы, выведав у штабистов военную тайну, довольны приказом командования отправить полк в тыл, в станицу Афипскую, под Краснодар. Радость немалая, это не только служба в тылу, учеба, подготовка к боям, но и отдых, хоть в бане помоемся. Кое-кто другому радуется: девушек, солдаток будет предостаточно. Вот и станица, разместились в домах, поступает пополнение. Многое предстоит доработать, делалось и таковское, что не красило воина. Народ, жители станицы растворили в себе боевые подразделения, пришлось срочно исправлять ситуацию, обособляться.

Как уберечь бойцов от бытового разложения, от болезней и чрезвычайных происшествий? Лындали солдатики, слонялись без дела. Захлестнула волна любовных интрижек, появились самовольные отлучки. Каков выход – поставить всех в строй, запретить связь с миром? Тоже не дело. Методом борьбы с расхлябанностью стала интенсивная учеба, учебно-боевые стрельбы, занятия по тактике, по вождению машин наводчиками, заряжающими и командирами САУ, разумное использование свободного времени. Приходилось часто проводить беседы, материал был богатый – от Ледового побоища до Малой Земли. Однажды меня втянули в трудное дело, товарищи бились над разрешением вопроса: что такое любовь, верность и измена? Это жгучая проблема для солдатчины, лишенной многих атрибутов человеческого существования.

Ко мне обращается сержант Спиридонов:

– Товарищ комбат, вот Карандашев утверждает, что любви нет. Выдумали люди, чтобы врать друг другу, пока не добьются, чего хотят.

– Вы ему не верите?

– Да как поверишь, у меня дома осталась жинка, двое детей. Я их всех люблю.

– А я ему верю. Знаю, что у него нет любви. Ищет в женщине не человека с единством души, чувств, интересов, а единство тел с закрытыми глазами, и только. Нет ничего, кроме этого второго, нищий он. Не утверждаю, что любовь как в душе начинается, так и душой заканчивается. Любовь мужчины и женщины есть единство душ и тел. Без второго не может быть и первого, но считать, что второе единственное – скотство.

Наступило замешательство, никто не ожидал такой резкости, смутился и Карандашев, подает листок со стихами:

– Вот прочитал из книги:

Спасибо той, что так легко,
Не требуя, чтоб звали милой,
Другую, ту, что далеко,
Ему поспешно заменила.

Комментирую:

– Убежден, что поэт в своей жизни не встречал ни ту, ни другую.

Вступает в спор сержант Каплан, призванный в 1942 году с третьего курса пединститута:

– Послушаем умных людей. – Достает блокнот, немного призадумался, лицо изменилось.

Любовь, любовь – гласит преданье —
Союз души с душой родной,
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье И… поединок роковой[4].

Каплан еще читает стихи Пушкина, Лермонтова.

– Ну как? – обращаюсь к Карандашеву. – Лучше твоих?

– Теперь сержант пропал. Провалит свой план, – изрекает кто-то.

Загомонили, принимаются смеяться, от хохота дребезжат стены, что за напасть? Рядовой Фатиков, давнишний друг Карандашева, рапортует:

– Он, как по-русски сказать, «производитель». Похвалялся, что есть план обгулять 101 женщину. Не дай Бог, второй фронт скоро откроют союзники. Пропал план, не успеет.

Смех и горе. Таких фронтовых донжуанов было немало, они

отыскивали, рано или поздно находили ту, которая приводила в диспансер.

Завершаю:

– Верность – это большое человеческое чувство. Мы вправе ее требовать от своих жен. Ведь за них воюем, фронтовики особенно тяжело переживают измену.

Дорого, слишком дорого досталась Победа

В Афипской, среди людей тыла, долго не прожили, лучше не давать солдату огинаться, бездеятельность разлагающе действовала на бойцов и офицеров, вслед за тем много приходилось работать над укреплением дисциплины. Получили пополнение, надо осмыслить опыт прошедших боев, передать его новоиспеченным артиллеристам.

Опять столкнулись с тем, что новички имеют хорошую подготовку в стрельбе, в тактике, но очень слабые знания техники. Постоянно напоминал подчиненным казачью поговорку: надежно у коня стремя – цело в бою темя. Взаимодействие и взаимозаменяемость – это стержень боевой учебы, самоходку должны уметь водить и наводчик, и заряжающий, и командир, в сражениях эта истина окупилась с лихвой.

По инициативе командира полка вошло в традицию фотографирование орденоносцев, а также наиболее отличившихся в боях, у меня до сих пор хранятся эти карточки. Тогда фотографирование было роскошью, почетом и явлением довольно редким, особенно в 1943 году. Это был уже не 1941 год с дырявыми ботинками и обмотками. Парадное обмундирование нашей кубанской армии включало темно-синюю черкеску и бешмет. Терские казаки носили башлыки светло-синего, а донские серого цвета с черной тесьмой. Красивые кубанки были черного, коричневого и белого цвета. Носили эти головные уборы вместе с пилотками и фуражками общеармейского образца. Самоходчики 1448-го полка кроме положенного танкистам и самоходчикам общеармейского и специального обмундирования также носили казачью униформу. На фотографиях видно, что мы и в танковых комбинезонах, и в кубанках.

Вот на фото заряжающий орудия рядовой Алексей Святкин, наводчик сержант Василий Шустеров, механик-водитель старшина батареи Сапар Худайбердыев, командир экипажа лейтенант Александр Дронов. В журнале боевых действий полка под фотографией записано: «Группа орденоносцев и медаленосцев подразделения лейтенанта Дронова, отличившихся в боях с немецко-румынскими захватчиками по освобождению г.г. Новороссийска, Анапы, Тамани». Другая фотография посвящена награждению меня правительственной наградой, орденом Красной Звезды, за бои в городе Новороссийске, за отражение контратаки немцев, которую вели совместно с батальоном куниковцев, за уничтожение очень опасной пушки противника, преграждавшей путь наступавшим морским пехотинцам. Дорогая

память! Вижу товарищей молодыми, боевыми. Сколько раз смотрели смерти в глаза и не моргнули, таков был психологический настрой.

Командир полка подарил мне фотографию офицерского и сержантского состава 1448-го самоходно-артиллерийского полка, бойцов, трижды награжденных правительственными наградами. Надпись: *Ст. л-ту Дронову в день 27 год. Вел. Окт. Соц. Революции. Подполковник Гуменчук. 7.11.44 г.*

Командование 1448-го самоходного артиллерийского полка, внизу справа командир 2-й батареи старший лейтенант А. Т. Дронов, в центре командир полка подполковник В. А. Гуменчук

Через пролив мы все-таки переправились успешно, зря боялись. В ноябре были высажены на побережье Керченского полуострова. Соединения армии успешно вели наступательные бои по захвату плацдарма, заняли Аджимушкай, к исходу 11 ноября подошли к окраинам Керчи.

С весны 1944 года 9-я пластунская дивизия была переброшена на Украину, в район Каменец-Подольска, где вместо сражений с фашистами мы были привлечены к борьбе с ОУНовцами и бандеровцами. В результате в тылу расположения наших частей активная деятельность националистов была быстро свернута.

Затем были Украина, Карпаты, а в августе 1944 года 1448-й самоходно-артиллерийский полк вступил в Польшу, на краковском направлении штурмом мы овладели городом

Дембица. За эти бои я был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Боевой путь 9-й Краснодарской пластунской дивизии 1944–1945 гг.

В январе 1945 года 9-я пластунская дивизия вновь перешла в наступление, подошли к центру Домбровского угольного бассейна – городу Хжанув. Пластуны атакой овладели рядом населенных пунктов, в том числе концентрационным лагерем Освенцим. В лагере томились десятки тысяч еле живых узников со всей Европы. Когда бойцы, разбив ворота, сказали людям, что они свободны, те плакали от радости.

В начале февраля мы выполнили обещание, данное под Ленинградом, – с боку на бок качнуть Берлин. 1448-й полк вступил в Германию. Мы напомнили фрицам донскую приговорку: казачье копье любую спесь собьет. Вышли на шоссейную дорогу, связывающую крупные промышленные города Рыбник и Ратибор и тем самым отрезали путь войскам противника, отходящим к Одеру. Таких кровопролитных боев, как на одерских плацдармах, дивизии не довелось вести ни в Польше, ни на Кубани. Населенный пункт Нейдорф несколько раз переходил из рук в руки – то пластуны гранатами и автоматным огнем вышвыривали немцев из городка, то немцы, оправившись от удара, возвращали город под свой контроль. Сопротивление

было очень упорным, к тому же перед дивизией были элитные части противника, в том числе танковый полк дивизии «Лейб-штандарт СС Адольф Гитлер».

А в конце апреля 1945 года военная судьба распорядилась совсем неожиданно. 9-я пластунская дивизия резко повернула на юг, прогрохотав танками и самоходками, вошла в Чехословакию, где до окончания боевых действий освобождала город Моравска-Острава и предместья столицы страны – Праги. За эти бои Правительство Чехословакии удостоило меня медалью «Za chrabrost» («За храбрость»).

Победу встретили 9 мая 1945 года в Праге.

Тяжко сложилась судьба моих побратимов.

PRESIDENT
REPUBLIKY ČESKOSLOVENSKÉ

UDĚLIL

ZA OSOBNÍ STATEČNOST PŘED NEPŘÍTELEM,
OSVĚDČENOU V BOJI
ZA OSVOBOZENÍ REPUBLIKY ČESKOSLOVENSKÉ
Z NEPŘÁTELSKÉHO OBSAZENÍ

Гвардии капитан ДРОНОВ Александр Тихонович

военнослужащий 4 Украинского фронта

ČESKOSLOVENSKOU MEDAILI
ZA CHRABROST

V Praze dne 25 апреля 1946 г.

Číslo matriky: 15994

Удостоверение к медали А. Т. Дронова «За храбрость», Чехословакия, 1945

Василий Васильевич Шустеров стал боевым командиром самоходки. Войну прошел, начиная с августа 1941 года, воинская судьба его жалела, имел только одно легкое ранение. Был награжден орденом Славы III степени, орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги». В Польше воинская судьба свела его опять с механиком-водителем В. Шаровым. За полтора месяца до

окончания войны, в бою за город Ратибор, артиллеристы поразили четыре противотанковых орудия, три пулемета, восемь минометов. Когда командир уже выводил машину из боя, в нее ударили два снаряда. Василий Шустеров и заряжающий Николай Луканов погибли, наводчик Дмитрий Диамондапуло и механик-водитель Василий Шаров сумели выбраться из объятой пламенем машины. За этот бой весь экипаж был представлен к наградам, а старшина Шаров к ордену Славы 1-й степени. В.В. Шустеров был награжден орденом Отечественной войны I степени посмертно.

Лица Победы. Нимбург-на-Эльбе, 25 мая 1945 г. Слева – начальник штаба отдельного артиллерийского дивизиона капитан А. Т. Дронов

Сапар Худайбердыев доблестно сражался на подступах к чехословацкому городу Острава, сгорел заживо в самоходке, прожженной фаустпатроном. Мы так хотели всем экипажем побывать на туркменской свадьбе в городе Чарджоу на Амударье. А потом махнуть к Шустеровым в Ленинград, на Невский проспект. И ко мне на тихий Дон…

Рядовой Фатиков прошел с нами всю войну, попал в охрану штаба полка, не дожил до Победы всего лишь несколько дней, погиб в Чехословакии. Он предлагал после победы повезти нас в Узбекистан, говорил, что мест красивее не видел.

Старший лейтенант Огурцов, командир первой батареи, сложил голову в Восточных Карпатах.

Погибли командиры третьей и четвертой батарей Горбунов и

Храмченко. Павлу Горбунову благодарные поляки поставили надгробный каменный обелиск в лесопарке города Хжанув. По возвращении с войны я ходил к могиле, простился.

Погиб и старший сержант Карандашев, в боях за город Краков в самоходку прямым попаданием ударил снаряд, сгорел весь экипаж, вместе с ними погибла медсестра Рита Зверева. Поляки поставили на месте их гибели памятник с именами погибших.

Иннокентий Иннокентьевич Ильков был на три года младше меня. Боец опытный, храбрый, кадровый офицер, в РККА служил с 1939 года. Он всегда выбирал наиболее удобную для поражения противника позицию, умело маневрировал. Во время боев под Новороссийском его самоходка, действуя рядом с нашей, уничтожила прямой наводкой два противотанковых орудия. Вышел из строя один мотор, Ильков мог бы покинуть поле боя, но свою боевую задачу экипаж выполнил до конца, уничтожив еще и до взвода немцев. Лейтенанту заслуженно вручили орден Отечественной войны II степени. За два месяца до окончания войны Ильков командовал уже батареей самоходных установок, в Германии во время боя был ранен (уже в пятый раз за войну), но позиции не оставил, батарея уничтожила три танка, самоходную установку и 11 пулеметов. Ильков получил за этот бой орден Красной Звезды. После войны остался служить в Вооруженных Силах. Уже в 1985 году, в родной Бурятии, ему вручили орден Отечественной войны I степени.

Военный фельдшер, старший медслужбы артполка капитан медицинской службы Анна Федоровна Метелкина в ходе боев на Тамани своим подразделением эвакуировала с поля боя более 40 раненых, 15 из которых возвратила в строй. Удостоена ордена Красной Звезды. Бесстрашная медсестричка зря боялась смерти, демобилизовалась живой, здоровой, с фронта увезла в себе двойняшек-сыновей, родившихся уже в тылу. Их отец, Храмченко, комбат-4, к тому времени был уже убит. После войны жила в Тульской области, в 1985 году была награждена орденом Великой Отечественной войны II степени.

С двойным тезкой Александром Тихоновичем Храмченко прошли от Тамани до Украины, он – командир 3-й батареи 1448-го артполка, я – командир 2-й батареи. Храмченко – единственный в нашем полку кавалер ордена Александра Невского. Орденом награждали командный состав РККА за выдающиеся заслуги в организации и руководстве боевыми операциями. В 1944 году под городом Коршув его пушки подбили пять гитлеровских танков, один из которых – «Тигр», бойцы захватили исправными девять танков, три артиллерийских орудия, 15 автомашин. Старший лейтенант на первой самоходке

повел батарею за собой, перерезали путь к отступлению венгерской дивизии, за два дня боев противник сдался в плен. Комбату вручили орден Отечественной войны I степени. В августе 1944 года А.Т. Храмченко погиб в бою под городом Перечинск, что в Иваново-Франковской области. Не стал Саша оперным певцом, не увидел своих сынов-близнецов…

Святкина демобилизовали, жена оказалась стервой, как только узнала, что Леня покалечен, вышла замуж за другого.

Старший лейтенант Лбов был демобилизован.

Вступили в бой за Новороссийск 30 бойцов, младших командиров и офицеров нашей батареи. К концу войны остались в строю лишь шесть человек. Все четыре командира батарей 1448-го самоходного артполка новороссийского формирования погибли в боях за Родину.

Ефим Тихонович, братушка мой родной, пропал без вести в ноябре 1942 года под Сталинградом, наступление, о котором он мне писал, стало последним боем.

Наши донские казачки во всем, и даже в боях, казакам не уступали. Еще во времена Азовского сидения они лили на голову турок кипящую смолу, подносили боеприпасы, а то и сами били басурман. Моя двоюродная сестра Катя Быкадорова в боях на Заднестровском плацдарме под сильным обстрелом противника устранила около 40 порывов телефонной связи, управление боем было обеспечено благодаря ее мужеству. Е.Ф. Быкадорову наградили орденом Славы III степени, в 1985 году – орденом Отечественной войны II степени. Один воин, которого она спасла, в 1977 году приезжал в станицу Казанскую с благодарностью. Дорогами войны прошла сестра Нарочка, вышла замуж за летчика-однополчанина.

Парк памяти, с. Дубовское. «Дронов Ефим Тихонович. Сталинград. 1942» В. А. Дронов с сыном Ярославом Дроновым у дерева, посаженного в память Е. Т. Дронова, 1985

Брат Георгий Иванович Дронов во время войны, будучи раненым, попал в плен, в концлагерь на донской земле. Ушел из плена, пробрался через линию фронта, переплыл Дон и добрался до своих частей.

Топольсков Ваняшка-младший погиб, будучи партизаном. Старший мой двоюродник Топольсков Иван Петрович воевал геройски, участник Сталинградских боев. В Польше, в местечке Грудек, в июле 1944 года группа разведки пошла в тыл к немцам. Уничтожили вражескую пушку и пулемет, а сержант И.П. Топольсков еще и захватил в плен двух немецких солдат, за что награжден медалью «За боевые заслуги». За полтора месяца до окончания войны в Восточной Пруссии воин-разведчик 152-й отдельной разведроты первым ворвался в траншею противника, уничтожил пять немецких солдат и захватил в плен офицера. В этой схватке Иван был ранен, но не ушел с поля боя, пока не эвакуировали пленного. Орден Славы III степени стал достойной наградой донскому казаку-герою.

Двоюродный брат Дронов Иван Иванович за проявленное мужество был награжден самым почетным солдатским отличием – медалью «За отвагу» – кавалерист сабельного отделения в августе 1941 годы в Венгрии при отражении контратаки противника убил нападавшего из личого оружия.

Николай Иванович Дронов в боях за Сталинград был ранен,

награждён медалью «За оборону Сталинграда». В ходе ведения разведки в декабре 1943 года наша бронемашина завязла в болоте и стала обстреливаться противником. Гвардии сержант 9-й гвардейской мехбригады Н.И. Дронов под постоянным миномётным обстрелом своей машиной оказал помощь водителю, спас его от неминуемой гибели, за что был награждён медалью «За боевые заслуги». В бою под Приекуле Н.И. Дронов проявил мужество и отвагу, водитель его автомашины под миномётным огнём был ранен, гвардии старшина лично привёл автомашину на боевые позиции, доставил боеприпасы и питание бойцам на передовую, за что был награждён орденом Красной Звезды.

Выступление А. Т. Дронова на митинге 9 мая 1981 г. в Белгородском НИИ сельского хозяйства

Войну я закончил в звании капитана, в должности начальника штаба 664-го отдельного артиллерийского дивизиона, это самоходно-артиллерийский полк, в нем было 20 установок СУ-76.

Пора останавливаться, дыбятся новые и новые волны воспоминаний о боях в Европе, о наших взаимоотношениях с народами этих стран. Но это другая тема.

Долгое время я сторонился от разговоров и воспоминаний о войне, не говоря уже о мемуарах. Пережитое до сих пор ранит, прикосновение к нему бередит, травмы физические и психические, полученные в боях, до сих пор саднят, более того, ноют больше и больше. Мы научились добросовестно исполнять

боевые задачи, но не умеем об этом говорить. Вытерпели все: кровь, страдания, потери близких, несправедливость и немыслимый, невероятный труд, отнимающий у человека все силы, каждодневно сокрушающий тело и терзающий душу.

Полнее и глубже поймите нас, на все года запомните цену, которую мы заплатили войне.

Жжет нас совесть и память, у кого она есть (послесловие сына)

Убиенный Игорь Тальков написал песню:

Листая старую тетрадь
Расстрелянного генерала,
Я тщетно силился понять,
Как ты могла себя отдать
На растерзание вандалам,
Россия…

Слова поэта как нельзя лучше характеризуют и наше время. Перечитывая фронтовые воспоминания моего отца, капитана А.Т. Дронова, не пойму, как и почему моя страна в продажные девяностые годы могла лечь под нынешних разрушителей. А мы-то сами, насколько наше поколение восприняло и сохранило на уровне убеждения наследие отцов, почему позволили проходимцам разграбить страну? К. Симонов написал: «Для того чтобы объяснить, во имя чего пали мертвые, очень важно знать, что делают живые сейчас, когда на земле, слава Богу, мир. Очень важно чувствовать, что жертвы были принесены недаром». Что ответим ветеранам войны?

Только чистые родники воспоминаний наших отцов способны дать глоток истины, установить, какими усилиями, и самое главное – благодаря кому мы победили в Великой Отечественной. Эти разрушители в последние несколько лет обрушили невероятно много хитрой, эффективно рассчитанной, в конечном счете, подлой информации о войне, сочинились глупости о штрафбатах, заградотрядах, о «полководцах-недоумках» во главе с «параноиком» Сталиным. Понимаю, что это верование детей и внуков Арбата, результат их злости на страну, уничтожившую в тридцатые годы часть политической элиты, каковой были их предки.

Давайте разберемся. Были и штрафбаты, и заградотряды. Но хотят, ох как желают внушить людям мыслишку, что лишь кровью штрафников-уголовников была завоевана Победа. Но нельзя врать, что штрафбаты были массовым явлением, что они решали судьбы войны. Как эффективно выглядят титры фильма с перечислением списка штрафных частей! Не поленимся высчитать численность личного состава, участвующего в войне, сопоставив его с количеством штрафников. Оказывается, их было

менее одного процента от состава действующей армии.

Другие страны имели такую же практику привлечения преступников к боевым действиям, в 1945 году Гитлер выгнал на фронт почти всех своих уголовников, вместе с 14-летними юнцами из гитлерюгенда. Немецкие штрафные подразделения появились на два года раньше, чем в РККА. Кстати, в архивах не найдено ни одного документа о том, что где-либо заградотряд расстрелял отступавших в бою штрафников. А уж тем паче, что их посылали на минные поля, с кольями на цитадели, это уже полный абсурд сбрендивших режиссеров-кинематографистов.

В то же время приказом от 20 октября 1941 года по 464-му пехотному полку 253-й немецкой пехотной дивизии было рекомендовано при невозможности применения саперов использовать русских военнопленных для быстрейшего преодоления местности.

Думаю, что при подходе немцев, упаси Господь, к Лондону, тюрьмы англичан тоже остались бы пустыми, всех – в бой. А в обороне, к примеру, Нью-Йорка Штаты издали бы более жесткий приказ, чем № 247. Так кто выиграл войну, командир орудия Дронов, пузом своим перепахавший брустверы, высчитывая, где неприятельские доты и дзоты, прикручивая телефон к уху, чтобы стрелять побыстрее, или штрафбатовец?

Сколько сломано копий на знаменитом приказе «Ни шагу назад!». Читаем воспоминания отца. Через полгода после издания нашего приказа, как только немцы стали отступать, в вермахте был принят точно такой же. Истреблять без суда и следствия. Только наименования были не такие, как у нас, – НКВД, у американцев – «ЭмПи», у итальянцев – карабинеры, у немцев – жандармерия. Разница была лишь в одном, мы расстреливали бегунов с фронта, а они вешали. Как вспоминает отец – пачками.

Только нет ни в одной стране такого кургана, на котором полегла бы дивизия спецчастей. У нас есть, это Мамаев курган, где из 7568 личного состава 10-й дивизии НКВД погибли 7300. Все они полегли на последнем сталинградском рубеже. Восемь дивизий НКВД обороняли Москву. Они прикрыли наиболее опасные направления. В декабре 1941 года 230-й полк НКВД освобождал в первый раз Ростов, в июне 1942 года центр Ростова держали войска НКВД. Защитники не сдавались в плен, они дрались до последнего дыхания, и даже раненые вели огонь из своих укрытий до тех пор, пока не погибали. Треть работников НКВД Ленинграда погибли от голода. По костям чекистов ходим, защитников наших, не сознавая манкурство.

Не признают «общечеловеки», что по-иному войны никогда не велись, к сожалению, еще долго будут таковыми, со

специальными частями, наводящими порядок в тылу, с жесткой дисциплиной и, увы, со всеми фронтовыми мерзостями. Еще древние римляне устраивали децимацию отступившим когортам, продолжил эту практику Наполеон и многие, многие полководцы истории и современности. В Полтавской битве Петр I заградотряды применял с успехом. Кутузов перед Бородинской битвой приказал Матвею Платову, чтобы казаки рубили первых, покинувших рубежи. В Первую мировую войну не разваливаться фронтам помогали казаки, особые функции исполняли 180 отдельных казачьих сотен, в том числе 71-я донская. Казачество использовалось в качестве заградительных отрядов, для усмирения взбунтовавшихся солдат.

К тому же с позиций сегодняшнего дня мы не вправе судить о тех или иных поступках людей того времени. Тогда действовала особая логика – логика войны, которую в мирное время понять невозможно.

Совсем откровением стали фронтовые воспоминания о морали, об эстетике окопной. Оказывается, было немало бойцов, от солдата до ротного, сберегавших в вещмешках томик стихов. Мой отец, выпускник зоотехнического института, знал всего «Онегина» наизусть, его сын одолел только лишь четвертушку поэмы, мелковатое поколение. Прочтите заново строки воспоминаний, разберите речевые обороты, стилистику, лексику офицеров и солдат. Увы, не в нашу пользу.

Правда войны и в том, что внушительный массив пленных (за исключением попавших в плен вследствие ранения) – преступники. Поднимите уголовные кодексы США, Франции, других стран. Во время боевых действий, даже в наше время, предусмотрено то же, что было в СССР во Вторую мировую войну, – строгие санкции по отношению к военнослужащим, поднявшим руки. Ибо каждый сдавшийся трус влечет за собой десятки, а то и сотни смертей других, оставшихся держать оборону фронтовиков. Немцы научились искать бреши, затем окружать и уничтожать. О пленных фронтовик заявлял горькую истину: «*Валерка, почему* ***он*** *поднял руки и пробыл на сборе немецкой брюквы четыре года, а я…»* Что отец испытал в войну, вы уже прочли. Почему должны прощать всем, подчеркиваю, всем без разбора, проявившим трусость и сдавшимся в плен?

Особое место – отношение к ВКП(б). Всего за войну полегли три миллиона коммунистов, по этой причине на войне ни один боец не хаял партию. В окопах уважение к вождю, к партбилету (пропуск на гитлеровскую виселицу) было не случайным. Люди знали, что один сын И.В. Сталина погиб, второй сбил два «фокке-вульфа», что первым в атаке погибнет политрук, коммунисты

попадут в печи Бухенвальда вне очереди. В гитлеровских концлагерях наибольшую стойкость проявляли священники и коммунисты.

Е. Фокин в книге «Записки фронтового разведчика» писал: «Не раз замечал, что именно парторги и комсорги рот и батальонов своим непосредственным участием в бою, нахождением бок о бок выводили порою из тягостного, стрессового состояния ожидания, вливали живительную силу, нацеливали на подвиг, увлекали за собой. И солдаты, особенно новички, тянулись к ним».

Приведем только одну страницу из приказа Главного управления кадров ВС СССР от 31 декабря 1946 года, № 02882:

196. Лейтенант ПЕТРОВ Петр Спиридонович – заместитель командира роты по политчасти 61 отд.механизированной бригады. Погиб 15.1.43 г.

197. Капитан ПЕРЕСЛАВЦЕВ Тихон Тихонович – заместитель командира отр.роты по политчасти 203 отр.дивизии. Рожденин 1905 г. чл.ВКП/б/. Погиб в феврале 43 г.

198. Младший политрук КАЗАРОВ Петр Евстигнеевич– Умер от ран 6.1.43 г.

199. Лейтенант МУРИН Борис Николаевич – заместитель командира батареи по политчасти 98 отр.дивизии. Погиб 22.1.43 г.

200. Старший батальонный комиссар ШИПУРОВ Михаил Федорович – начальник политотдела 36 отд.механизированной бригады. Погиб 18.12.42 г.

201. Младший политрук ШОЛИН Ерми Соломонович. Погиб в 42 г.

202. Старший лейтенант ШЕВЕНКО Сергей Иванович – инструктор политотдела 6 Гвард.отд.танк.бригады. Умер от болезни в 43 г.

203. Лейтенант ШЕВЕВ Иван Алексеевич – заместитель командира роты по политчасти 2 Гвард.отр.дивизии. Погиб 22.1.43 г.

204. Политрук ШИАЛКОВ Иван Николаевич – заместитель командира роты по политчасти 823 отр.полка 302 отр. дивизии. Погиб 18.1.43 г.

205. ШИРЯКОВ Иван Федорович – заместитель командира роты по политчасти 1275 отр.полка. Погиб 2.2.43 г.

Список погибших политруков

Заместитель командира роты по политчасти, младший политрук, начальник политодела мехбригады, инструктор политотдела…

В партию вступали на фронте лучшие. Коммунистами стали

капитан В. Гуменчук, лейтенант И. Ильков, старший лейтенант А. Храмченко, старшина С. Худайбердыев, старшина В. Шустеров. Лейтенант А. Дронов вступил в ВКП(б) в 1942 году.

Враг только в первое время войны был сильнее, хитрее, искуснее, с немалым опытом. Но с 1943 года боеспособность войск выравнялась, затем солдаты, офицеры Красной Армии превосходили немецкие по боевому мастерству. Наши генералы более грамотно и эффективно, чем немецкие, владели системой ведения боевых действий, применения оружия и боевой техники. Когда фельдмаршала Паулюса уже после войны спросили, правда ли, что в советском плену он обучал русских офицеров и генералов, он ответил: «Мне нечему было бы научить даже унтер-офицера Красной Армии». Сим победиши.

Что было, то было, и политобработка, и кое-кто из политруков норовил почаще находиться рядом с кухней, а не в окопах. Но правда состоит в том, что на уровне отделения, взвода, роты наше военное руководство сумело организовать эффективную психологическую, самое главное – профессиональную боевую подготовку. Гораздо лучшую, чем у немцев, победитель всегда прав!

Блокада СМИ о правде войны продолжается. Понятны причины, по которым наши потери пытаются раздуть, увеличить, представить Советский Союз и весь наш народ какой-то дикой ордой, которая завалила «цивилизованных» немцев трупами, в то время как еще более «цивилизованные» американцы воевали чуть ли не в белых перчатках и исключительно хирургическими инструментами. Это все геббельсовщина, подхваченная мастерами мифологем из-за бугра, а также нашими, доморощенными «грантоносцами». Однако непредвзятые факты опровергают фальсификации.

Мы учимся сопротивляться лжи об отцах-дедах, которые якобы панически бежали от врага, пачками сдавались в плен, шли в атаки то пьяными, то под автоматами заградотрядов. Геббельс говорил, что чем больше лжи, тем лучше. Но каким тогда чудом свыше победили самую сильную армию мира? Да еще и самостоятельно, якобы без участия Главнокомандующего и даже вопреки ему! С другой стороны: врут и перевирают – значит, боятся.

Тридцать лет А.Т. Дронов не упоминал в семье о войне, я не подталкивал, хватило такта, только догадывался о причинах молчания. После контузий и ранений глухота душила психику, отказывал вестибулярный аппарат, приезжая из командировок, он цеплялся за стенки, падал с ног. Семья понимала, это – война. Спустя долгие годы его дети Владимир, Вера, Валерий приехали в

станицу Шумилинскую, где отец работал главным зоотехником МТС. Сосед-станичник Виктор Васильевич Суяров вспомнил: «У вашего отца на спине было два рубца от войны».

Шрамы на спине, внезапные приступы молчаливости на торжественных празднованиях Победы, все было понимаемо и зримо. Ужасная глубина беды, трагедии, горя, называвшегося Великой войной, нам оказалась доступной позже, в семидесятые годы. Бывший начальник штаба артдивизиона, капитан, понял, что жить осталось совсем немного, смертельную болезнь не победишь. Надо, стиснув зубы, писать, писать правду о фронте, и он совершил еще один подвиг, оставив свои воспоминания.

Лишь Ленинград и Тамань были описаны в десятке школьных тетрадок, сколько осталось неохваченного… Каллиграфический почерк (умели учить в школах крестьянской молодежи!), ясность суждения, в конце концов, писательский дар, упростили мою задачу написания воспоминаний. В повести нет ни одного не отцовского слова, менял строй предложения, изредка стилистику, но видение обстановки, оценки событий остались неизменными. Взял только один грех на душу – заголовки мои. Понимаю, отец мог отдать дань конъюнктуре шестидесятых, семидесятых годов, но не против своего мировоззрения.

А. Т. Дронов. 1978

Казаков в двадцатые, тридцатые годы не призывали в РККА. Лишь в апреле 1936 года вышло постановление: «Отменить для казачества все ранее существовавшие ограничения в отношении их службы в рядах Красной Армии». А.Т. Дронов не писал, как ему, человеку с редким в то время высшим образованием, в начале войны не доверяли даже винтовки, вверяли лишь саперную лопату. Как же, племянник казачьих полковников –

командира казачьего кавалерийского полка и атамана Верхнедонского округа Всевеликого Войска Донского.

Донским казаком был пройден достойный путь: стрелок, подносчик снарядов, заряжающий, наводчик, командир орудия, командир самоходки, командир батареи СУ-76, помощник начальника штаба полка, начальник штаба артиллерийского полка. Положа руку на сердце, потенциал А.Т. Дронова был намного выше этих должностей. Просто нельзя было возносить племянника двух казачьих полковников, сына казачьего урядника, расстрелянного после Верхнедонского восстания, до командных небес.

Но это другая история.

Страшной мерой обошлась цена победы, но была оправданной, мы – уцелели. Если бы впереди полков РККА не шли люди мужественные, самоотверженные, готовые в самых трудных обстоятельствах отдать жизнь за свою Родину, мы бы не существовали.

1980 г.
г. Белгород
А. Дронов

2014 г.
с. Дубовское
В. Дронов

Об авторах

Александр Тихонович ДРОНОВ (1916–1984). Уроженец станицы Казанской Донецкого округа области Войска Донского.

После окончания школы крестьянской молодежи учился в Ставропольском зоотехническом институте, затем работал главным зоотехником в Башкирии, в Ростовской области, по этой специальности проработал 35 лет.

Прошел боевой путь от стрелка стройбата до командира батареи самоходных артиллерийских установок, начальника штаба артиллерийского полка.

Работал научным сотрудником Белгородского НИИ животноводства.

Награжден 13 правительственными наградами.

Валерий Александрович ДРОНОВ родился в 1949 году в станице Казанской Ростовской области. С 1960 года проживает в Дубовском районе.

Окончил Ростовский государственный университет.

Работал токарем, учителем, был комсомольским, партийным работником, сотрудником МЧС. 15 лет отдал службе в МВД РФ. Работал в Администрации Дубовского района, ведущим специалистом Законодательного Собрания Ростовской области.

Награжден двумя правительственными наградами.

Написал книги «Очерки истории Дубовского района»,

«Казачий Присуд», «Район, который они уничтожили», «Бузавы», «400 лет в педагогике», «Это наша биография», «Быть может, вернемся?», «Дубовский район в годы Великой Отечественной войны», печатался в трех коллективных сборниках.

notes

Примечания

1

А.Т. Дронов был племянником двух казачьих полковников, эмигрировавших в Сербию и в США. – *Прим. В. Дронова.*

2

В то время А.Т. Дронов не знал, что *Л.К. Дронов* проживал в США, в Лейквуде, штат Нью-Джерси, что *К.К. Дронов* умер в Сербии, в Белграде. – *Прим. В. Дронова.*

3

До 1948 года ежемесячная выплата за ордена была существенным материальным подспорьем. Она производилась по желанию награжденного – самому или родственникам. – *Прим. В. Дронова.*

4

Ф. Тютчев.